

ЖЕНЩИНА

ВО

Я был плохим...
Очень плохим

ТЬМЕ

**ВАНЕССА
СЭВИДЖ**

Annotation

Муж, который ею манипулирует. Дети, которые ее презирают. Лучшая подруга, которая от нее отреклась. Сара Уокер сломлена и обессилена. Муж Патрик убеждает ее переехать в старинный дом у моря и начать все с нуля. Он уверен, что это прекрасное место станет их новым семейным очагом, а слухи о кровавой бойне, случившейся в этом доме 15 лет назад, сильно преувеличены. Но соседи рассказывают совершенно другую историю и о мрачном доме-убийце, и о прошлом Патрика, выросшего в этом маленьком городке. Вместо мирной жизни в семейном гнездышке Саре придется бороться за сохранность своего рассудка, за свой брак и даже за свою жизнь...

- [Ванесса Сэвидж](#)
 -
 -
 - [Часть I. До](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Часть II. Дом-убийца](#)
 -
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Часть III. Просыпаясь](#)

-
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)

- [Часть IV. Дракон в мужском костюме](#)

-
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

Ванесса Сэвидж

Женщина во тьме

Vanessa Savage
THE WOMAN IN THE DARK

© Елена Рубина, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

«В доме-убийце обнаружили еще два трупа».

*Заголовок из газеты «Вестерн мейл», май
2016 года*

С тех пор как ты уехал из города, здесь все изменилось – и не изменилось ничего. Только надпись снаружи потемнела от грязи, а внутри, распространяя тяжелый запах пропитанного гноем бинта и ореол воспаления, все разлагается и гниет.

Твой дом всегда представлялся мне затянувшейся раной, под поверхностью которой незаметно развивается инфекция – скрытая, вероломная, губительная для окружающей ее здоровой плоти. А в центре нарыва – ты. Ты. Грязная игла и ржавый нож. Причина и следствие.

Ты знаешь, что однажды мне приснился страшный сон: я в этом доме – тогда его еще не называли домом-убийцей, – стою в холле, куда выходят двери комнат, но все они закрыты. Они всегда были закрыты. Прошлой ночью приснилось почти то же самое, только в конце холла – теперь он оказался намного длиннее – появилась новая дверь. В искаженной реальности прежних сновидений, когда за мной гнался дракон в мужском костюме, не было никакой надежды добраться до той двери и спастись. Но вчера приснилось, что от дракона я не бегу, потому что не сомневаюсь: я успею дойти до конца.

Но я не хочу. Той дальней двери быть не должно. Есть другая дверь. И

она открыта.

Часть I. До

2016 год. Январь

Глава 1

Сара

– С годовщиной, дорогая!

Открываю глаза. Около кровати с подарочной коробкой в руках стоит Патрик. Он полностью одет. Смотрю на будильник. Боже, восемь часов. Завтрак детям, завтрак мужу. Надо было встать еще час назад.

– Сара, расслабься. – Патрик садится на кровать, убирает с моего лица волосы, наклоняется, целует в лоб и вручает подарок. – Джо с Миа уже в школе.

Сажусь, кутаюсь в одеяло.

Коробка аккуратно обернута блестящей бумагой, сгибы четкие, витая серебристая лента завязана замысловатым бантом.

– Сегодня же...

– ...не настоящая годовщина, – подхватывает Патрик, – но она еще важнее.

Он берет мою руку, приникает к ней губами, переворачивает, покрывает поцелуями ладонь, запястье. Вздрагиваю. По руке бегут мурашки. Он это видит и улыбается.

Мучительно шевелю мозгами – что за дата? – наконец понимаю и успокаиваюсь: день, когда мы познакомились, двадцать первое января.

Патрик вручает мне коробку.

– Открывай!

Пытаюсь развязать ленту – не выходит. Муж смеется, сам рвет бумагу и откидывает крышку.

Там компакт-диск. Морщу лоб, рассматриваю старый альбом группы «Вёрв»^[1] и, увидев первый трек – «*Bittersweet Symphony*», – расплываюсь в улыбке.

– Помнишь? – спрашивает Патрик.

Конечно, я помню. Закрываю глаза и переносусь на студенческую вечеринку, в темную прокуренную комнату. Мы, полупьяные подростки, передавая друг другу бутылки, валяемся на липком от дешевого пойла ковре. Вдруг звучит «Горько-сладкая симфония», и появляется этот человек – странный, в костюме из совсем другого мира. Он подходит и приглашает меня на танец. Там никто не танцевал, и в этом гаме, среди

подвыпивших тинейджеров, он закружил меня будто по настоящему бальному залу.

– Не потанцевать ли нам сегодня? Я залью дешевым ромом ковер, а ты сможешь смахнуть пыль со своих «Мартинсов», – говорит Патрик.

Он опять целует меня. Неторопливо. Чувствую пряный, пьянящий аромат его одеколона, вкус кофе на губах, жесткую колючую щеку. Я еще не совсем проснулась. Сколько же времени прошло? Не могу вспомнить, когда в последний раз мы предавались утренней любви – осторожной и беззвучной, чтобы не услышали дети. Притягиваю Патрика к себе, он отстраняется, и под одеяло проникает холод.

– Останься!

– Мне пора на работу. Сегодня вечером мы где-нибудь поужинаем. Это будет особенный вечер – только ты и я.

Слушаю и снова вижу застегнутого на все пуговицы взрослого Патрика. Куда пропал тот, что, лежа на пропитанном бормотухой ковре, смеялся, пока я кружила по комнате? Но... все ведь осталось по-прежнему – та же Сара, тот же Патрик. Не изменились его улыбка, ласковый смех. Когда с меня сползает одеяло, ловлю тот же взгляд. Все по-старому, только с каждым днем более приглушенно и тускло.

– Останься! – шепчу и стягиваю с него пиджак.

* * *

Муж выходит из спальни. Опускаюсь на подушки и закрываю глаза. Могу еще поспать, урвать часок, но снизу, из холла, доносится голос Патрика. Встаю, снимаю с крючка на двери поношенный халат. Патрик терпеть его не может. Он купил мне новый – роскошный, толстый. Я его не надеваю. И не буду, потому что старый дала мне мама. Сто лет назад, когда я уходила из дома. С тех пор я ношу только этот халат и, пока совсем не порвется, другой носить не буду. Это почти все, что мне осталось на память о матери.

Патрик держит в руке письмо.

– Когда оно пришло?

Смотрю на конверт и заливаюсь краской. Надписанный от руки, адресованный Патрику – его принесли на днях. Я подняла письмо с коврика, но мужу не отдала, а сунула в ящик... Потому что почерк явно женский.

– Извини, – говорю, – по ошибке положила в ящик.

Я готова извиниться еще раз, спускаюсь по лестнице, однако вижу лицо мужа и осекаюсь. Это не злость, нет. Я умею определять, когда он злится. А что – понять не могу.

– Что случилось?

Он смотрит на меня глазами, полными отчаяния, кажется, вот-вот заплачет. На щеках Патрика горят красные пятна. Он переводит взгляд на конверт и прячет его в карман пальто.

– Ничего. Не важно.

Понимаю, что важно. Очень важно. Таким я мужа еще не видела. Страх, возбуждение, радость... что-то такое... Или видела? Да, было как-то раз. Один? По телу пробегает дрожь. Это важно. Очень важно.

* * *

Патрик уходит. Через полчаса получаю сообщение от Кэролайн, а еще через десять минут она – с двумя дымящимися стаканчиками – сама появляется на пороге.

– Доставка! Капучино!

– Похоже, тебя замучила бессонница, – приглаживая растрепанные волосы, говорю я и впускаю ее в дом.

Еще нет и половины девятого, а Кэролайн уже накрашена, причесана, волосы блестят. Кажется, что подруга давным-давно на ногах.

– Сара, сегодня прекрасный день. Холодный, но солнечный. – Идем на кухню. – Мы же собирались погулять, так что сейчас подкреплюсь сахарком с кофеинчиком – и вперед.

Хмурюсь и ставлю чашку на стол.

– Слушай, ты не обязана это делать.

– Что? Приносить тебе кофе?

– Все, что ты делаешь каждое утро. Изображаешь фальшивое веселье. Просто обхохочешься! Полгода назад ты не могла проснуться раньше двенадцати, а теперь устроили настоящую эстафету: только Патрик за порог – и ты тут как тут.

Улыбка сползает с лица Кэролайн.

– Ну да, правда. Раньше не надо было беспокоиться, когда ты оставалась дома одна.

– Тебе и сейчас нечего беспокоиться.

– Ты уверена?

Кэролайн подходит к буфету, достает из коробки печенье, протягивает

мне. Отрицательно качаю головой, сажусь, делаю один глоток.

Нужно избавиться от этих стаканов до прихода Патрика: хоть они с Кэролайн и затеяли игру «как-дела-у-Сары», про кофе по утрам муж пока не знает.

Когда Кэролайн перебралась в дом неподалеку – он больше и удобнее, – она появилась у нас с бутылкой просекко и объявила:

– Сюрприз!

Патрик считал, что моя подруга поселилась за углом ему назло, я разубеждала его, но сама не сомневалась: Кэролайн, понимая, как он расстроится от ее соседства, получила от переезда дополнительное удовольствие. Она знает Патрика почти столько же, сколько я. Они не ладят между собой, хотя оба заиклены на одном: подбадривать меня, поднимать мне настроение, чтобы я опять не сорвалась. Так что, по идее, вполне могли бы стать лучшими друзьями.

– Пойдешь вечером к Хелен, в читательский клуб? – спрашивает Кэролайн.

– Не могу. Патрик ведет меня ужинать.

Она берет из коробки печенье и вскидывает брови.

– Что за повод?

Улыбаюсь.

– День нашего знакомства. Забавно, Патрик всегда говорит, что влюбился в меня с первого взгляда, так что это наша настоящая годовщина.

Кэролайн смеется и качает головой. А я не смеюсь. Патрик спросил: «Ты помнишь?», и от его вопроса по телу поползли мурашки. То же самое случилось и в тот первый вечер, когда мы танцевали. Порой я забываю, какими были мы в юности, Патрик прав, когда пользуется случаем напомнить о тех днях.

– Это Джо?

Кэролайн подходит к небольшому рисунку в рамке. Я не успела повесить его на стену и пристроила пока на рабочем столе. Джо в свои семнадцать намного талантливее, чем была в его годы я. Несколькими уверенными штрихами – тонкими прямыми или мягко изогнутыми – он так точно изобразил Миа! Чтобы увидеть ее лицо на бумаге, нужно отойти подальше и посмотреть под углом. Похоже, Джо сделал это нарочно. Ох уж эта постоянная игра в прятки! Ему стоило бы нарисовать автопортрет.

– Забавно. – Акриловый ноготь подруги стучит по стеклу. – И как это из Джо получился художник?

– Почему забавно?

– Ты знаешь, о чем я. – Она бросает на меня выразительный взгляд.

Подхожу к портрету дочери, провожу пальцем по контуру лица.

– ДНК тут ни при чем. Вот Миа – моя родная дочь, однако трудно найти двух более непохожих людей.

– Значит, воспитание против наследственности?

Джо сам взял кисточку. Я никогда не вкладывала ее сыну в руку, но всегда поддерживала и развивала его талант. Для этого совсем не обязательно рожать человека.

Захожу сбоку, и кажется, будто Миа на бумаге тоже поворачивается. Интересно, как бы Джо нарисовал меня?

– Почему ты ему не рассказала? – спрашивает Кэролайн и, помолчав с минуту, добавляет: – Ну, об усыновлении.

Екает сердце. Как всегда, оглядываюсь, проверяю, нет ли поблизости Джо, не услышал ли он случайно запретное слово.

– Пока не время. Джо слишком ранимый. Так считает Патрик, и он прав. После аварии... Джо еще не пришел в себя.

– Но...

– Что «но»?

– Не будет ли хуже, когда он сам обо всем узнает? Вы и так слишком долго тянете.

Опять притрагиваюсь к наброску. Джо всегда был моим. Миа тоже, но мы с Джо... То, о чем говорит Кэролайн, не дает мне спать по ночам.

– Они как-то смотрели документальный фильм про усыновление, Патрик пытался завести об этом речь, но Джо... Он так ужасно отреагировал, что Патрик не стал продолжать.

– Могу попросить Шона, пусть выяснит, есть ли в документах фамилия родной матери.

От знакомого беспокойства в голосе подруги у меня тоже возникает комок в горле, и я судорожно сглатываю, чтобы от него избавиться. Ее муж – социальный работник, и Кэролайн постоянно советует, как лучше рассказать обо всем сыну, а я отнекиваюсь.

– Не знаю...

– Иногда мне кажется, что больше всех сопротивляешься ты. – Она улыбается. – Боишься потерять своего мальчика?

– Не обижайся. Пока мы не пришли к окончательному решению, мне эти сведения ни к чему.

– Он еще наблюдается у врача?

– Нет.

Патрик прекратил лечение. По его словам, пустая трата времени.

– А как они между собой? Лучше?

- Не сказала бы. Особенно после того, как Джо разбил машину. Кэролайн опять рассматривает картинку.
- Он очень способный.
- Хочет поступить в художественный колледж.
- А Патрик знает?
- Пока нет.
- Только предупреди меня заранее, когда будете обсуждать этот вопрос. Не дай бог здесь оказаться!

* * *

Как обычно, мы идем в парк. Пальто наглухо застегнуты, темные очки защищают глаза от зимнего солнца. Парк наводнили мамы с колясками, бледные от вынужденного затворничества во время нескольких дождливых недель, и хозяева, выгуливающие собак.

Когда останавливаемся у озера, я вдруг выдаю:

– Патрик получил письмо.

Белые облачка пара от нашего дыхания смешиваются, я потуже затягиваю шарф. Сама не понимаю, как у меня вырвалось. Просто все не могу забыть то выражение на лице Патрика.

– И что? – спрашивает Кэролайн.

– Он испугался. Не знаю, что там было. Он вдруг так переменялся в лице... Не могу объяснить, но это было ужасно.

– Испугался?

Кэролайн хмурит брови. Понимаю, что мы думаем об одном и том же: Патрика напугать непросто. Вот тревога только нарастает.

– Ты знаешь, что там? – откидываясь на спинку скамейки, спрашивает подруга.

– Нет. Конверт надписан вручную, вот и все, что я видела. – Поднимаю глаза на Кэролайн. – Вдруг он заболел или получил неприятное известие?

– Письмо от женщины?

– Я просто дура. Оно пришло несколько дней назад, и я его спрятала. Сама не знаю почему. У меня и в мыслях не было, что Патрик обманывает.

– Действительно?

– Перестань! Я беспокоюсь совсем из-за другого.

Знаю, Патрик не смог бы меня обмануть.

Кэролайн смотрит на меня долгим взглядом, и в ее зеркальных очках я вижу свое бледное встревоженное лицо.

– Уверена, – произносит она, – там нет ничего ужасного. И все-таки, может, тебе прочесть это письмо? Честное слово, хуже не будет.

* * *

С работы Патрик вернулся не в духе. Дети, узнав, что родители вечером уходят, почуяли свободу и разбежались. Я переоделась. Патрику нравится, когда я ношу юбки, поэтому надела черную – его подарок на мой день рождения. Дом наполнился запахом цветов, которые он принес.

Патрик молча снимает пиджак, идет в гостиную, откидывает штору и выглядывает на улицу. Еще не поздно. Через дорогу, забираясь на бордюрный камень и съезжая с него, катаются на велосипедах мальчишки Сойеров. Совсем недавно Миа и Джо были такими же. Вряд ли Патрик смотрит на детей с той же грустью, с которой наблюдаю за ними я.

– Ты здоров?

– Ты когда-нибудь испытывала клаустрофобию? – шепчет он.

– Что?

– Этот дом, эта улица – здесь все унылое, тесное. Не хватает пространства. Не хватает воздуха.

Не знаю, что сказать. Тревога нарастает, по спине бегут мурашки. Это не тот Патрик, чьи ноги никогда не знали усталости, который мог дышать хоть в безвоздушном пространстве.

– Не хочу никуда идти, – говорит он, глядя в окно.

А я, затянутая в юбку-карандаш, стою в растерянности.

Подхожу ближе.

– Ты заболел?

Он поворачивается ко мне. Угрюмый, мрачный.

– Нет, я здоров. Просто устал. Пойду приму душ.

* * *

Когда я виделась с мамой в последний раз, она выглядела похудевшей и побледневшей, потерянной и притихшей. На мой вопрос о здоровье, отведя взгляд, ответила: «Все в порядке. Просто устала». А я отвернулась и больше ничего не спросила. Потом мама умерла, и я нашла письма из клиники – целую стопку нераспечатанных конвертов. Как будто если не знать результатов обследования, то и рак обойдет стороной.

Прислушиваюсь к звуку льющейся воды и возвращаюсь в прихожую. На вешалке вижу пальто Патрика, из кармана торчит уголок письма. Конверт не заклеен, края оторваны. Медлю, хочу удостовериться, что за дверью ванной все еще льется вода.

Стараясь не повредить конверт, вытаскиваю письмо. Сердце бешено колотится.

– Что ты делаешь?

Разворачиваюсь к мужу, пряча письмо за спиной, пытаюсь сунуть его обратно в карман, но на ощупь не получается. Поэтому заталкиваю конверт за пояс и прикрываю блузкой. Видел ли Патрик? Он – мокрый, с полотенцем вокруг бедер – стоит на верхней ступеньке лестницы.

– Ничего, – отвечаю, – просто хотела...

– Иди ко мне.

Не уверена, что смогу: ноги дрожат, спиной чувствую конверт. Это все Кэролайн: вечно на что-то намекает, вот невольно и закралось подозрение. Держась за перила, преодолеваю ступени, поднимаюсь на верхнюю площадку. Патрик обнимает меня за талию, притягивает к себе и зарывается лицом в волосы; он гладит меня по спине – рука скользит вниз, к пояснице, и под шелком нащупывает письмо.

– Прости, – шепчу виновато, – я волновалась, я думала...

– Тсс... – шипит Патрик и вытаскивает из-под блузки письмо.

От прикосновения мокрых пальцев по телу пробегает дрожь.

– Я видела твое лицо... Видела, что ты напуган... – Понимаю, что несущепуху, но остановиться не могу.

Вдруг его мрачного выражения как не бывало.

– О боже, Сара, – весело смеется Патрик, – я был не напуган, а взволнован. И очень обрадован.

Нет, радости на его лице я тогда не заметила.

– Так что там?

На этот раз Патрик открывает конверт и протягивает мне сложенный листок.

– Иногда я проезжаю мимо этого места, – торопливо говорит муж, пока я читаю. – У меня есть в тех краях клиенты. Время от времени делаю петлю и проезжаю мимо.

Сначала чувствую облегчение: письмо не из больницы и не любовное послание от другой женщины. Вчитываюсь в строчки – и сердце начинает стучать все сильнее. А Патрик берет приложенное к письму описание объекта недвижимости и разглядывает фотографию дома на прибрежной полосе.

Письмо начинается словами: «Уважаемый мистер Уокер, Вы просили известить Вас, когда дом будет выставлен на продажу...»

* * *

Цепенену от ужаса. Сколько же раз муж делал эту петлю?

– Когда ты обратился к ним в первый раз? – спрашиваю, сжимая конверт.

– Несколько лет назад, – не слишком уверенно отвечает Патрик.

Несколько лет назад. Пытаюсь проглотить поднявшийся к горлу горький комок. Сколько же? Два? Десять? Пятнадцать? Пятнадцать лет назад, когда от руки маньяка в том доме погибла целая семья и он превратился в дом-убийцу? Когда Патрик стал с криком просыпаться от ночных кошмаров?

– Ты просто взял и позвонил им?

– Я звонил всем. Всем агентствам недвижимости в округе. И всех просил сообщить, если дом выставят на продажу. – Листок с фотографией дрожит в руках мужа. – Я и не надеялся, что это случится.

Пытаясь унять волнение, обхватываю себя руками.

– В среду договорился посмотреть. Поедешь со мной? – продолжает Патрик.

В его голосе слышится ностальгия. Мы видим совсем разные картины. Перед глазами мужа – прекрасный викторианский дом с островерхой двускатной крышей. Сказочный дом тех времен еще не наводил ужас на целое графство. Патрик вспоминает счастливое детство в приморском городке и не может представить кровавые подтеки на стенах дома и шепот населяющих его призраков. А я могу. Я не хочу даже заходить в этот дом, потому что вижу на фотографии только дом-убийцу.

Глава 2

Сара

Миа пересказывает брату какую-то глупую шутку, а он – в ожидании развязки – придвигается к сестре все ближе. Хоть Джо и уткнулся в телефон, видно, что сын улыбается. Конца истории не слышу, он тонет в смехе дочери. Доделываю пюре и накрываю на стол, а у самой – рот до ушей.

– Телефоны долой! – не успев войти, командует Патрик.

Он на ходу снимает запонки, закатывает рукава. Джо быстро прячет мобильник в карман, а Миа, не сводя глаз с бегущих по экрану строчек, нехотя отодвигает аппарат и недовольно ворчит.

– Телефоны долой! – повторяет отец.

Под его пристальным взглядом она поднимается, переносит телефон на барную стойку. Он начинает вибрировать. Дочь замирает в нерешительности.

– Садись за стол! – требует Патрик и начинает разделять курицу.

Мне он отрезает кусок грудки, детям раздает ножки.

– Это все про Тамару и Чарли, – объясняет Миа, склонившись к брату.

Он кивает и, не поднимая глаз от тарелки, молча слушает запутанную историю предательства и несчастной любви.

– Какая-то мыльная опера, – вставляет Патрик.

– Папа, ты и половины не знаешь! – возмущается девочка.

– Не знаю, но подозреваю: все и дальше пойдет в том же духе.

Телефон дочери снова жужжит, потом раздается звонок. Все вздрагивают.

Патрик отрицательно качает головой. Дочь бросает взгляд на стойку и отворачивается.

– Честное слово, не понимаю. Как вы раньше жили? Без мобильных... Их что, совсем не было?

Патрик наживку не заглатывает, лишь усмехается и продолжает жевать. Приходится отвечать мне:

– Миа, ты знаешь, их изобрели двадцать лет назад. Мы от телефонов так не зависели.

– А как вы тогда общались?

– Вам это трудно понять. Встречались, смотрели друг на друга и разговаривали.

– Прикольно!

– На самом деле это было прекрасно, – вступает Патрик и откладывает вилку, – просто замечательно! Я жил в маленьком городке, мы вместе росли, все друг друга знали. Знали по-настоящему. Летом я всегда мог быть уверен, что, придя на берег, встречу кого-то из друзей. Еще мы собирались на ярмарочной площади, но чаще – на море. Приносили еду, хворост и, греясь у огня, часами сидели в темноте.

– Кстати, в том городке, где вырос ваш отец... – говорю и под выразительным взглядом мужа осекаюсь на полуслове.

Он качает головой. Мы не обсуждали, что сказать детям о завтрашней поездке. Патрик хмурится, костяшки пальцев, сжимающих стакан, побелели. Понимаю, что должна замолчать.

Ужин кончился, и дети тут же разбежались по своим комнатам. Остаемся вдвоем.

– Выпьешь вина? – спрашивает Патрик, кивая на мой стакан.

Не знаю, что ответить. Если скажу «да», увидит, что бутылка, которую только вчера открыли, почти пустая. Трудно незаметно пропустить лишнюю порцию, если кроме тебя в доме никто не пьет.

– Нет, спасибо. Лучше кофе. За компанию.

Наклонившись, чтобы забрать тарелку, муж целует меня и улыбается.

Спрашиваю:

– Почему не объяснить детям, что едем посмотреть дом?

– Это не секрет, но хочу, чтобы вначале там побывала ты.

– Как бы я хотела оказаться рядом с тобой у костра, на ваших пикниках...

Патрик перестает заполнять тарелками посудомойку и смотрит на меня с удивлением.

– Правда?

– Ты рассказывал – а я все так живо представляла. Меня ведь в подростковом возрасте держали на привязи. Туда не ходи, этого не делай...

Муж закрывает посудомоечную машину и поднимает взгляд. На лице странное выражение – не могу понять, что оно означает.

– Случалось, там подводила погода.

– Ну да, и все-таки ты мог свободно гулять с друзьями. Я же радовалась, когда мне разрешали одной уходить из дому днем. А уж вечером...

– Мать бы тебя точно не отпустила.

Как только кто-нибудь вспоминает о маме, у меня сжимается сердце. Под пристальным взглядом Патрика поднимаюсь со стула, переносу на рабочий стол остатки посуды. Руки дрожат.

– Пожалуй, я все-таки выпью.

Муж молча смотрит, как я переливаю из бутылки в стакан остатки красного вина.

– Не все получили такое воспитание, как ты, – говорю после первого глотка, – некоторым, чтобы забыться, надо выпить. – Чокаюсь, коснувшись его чашки, и улыбаюсь. – Будь здоров, дорогой!

Он на мою улыбку не отвечает.

* * *

– Мне сказали, что в доме никого не будет и мы можем осмотреть его сами.

– В такое время?

Помедлив секунду, Патрик смеется.

– Ты ведь меня знаешь: я не мог ждать. Как только получил письмо, на следующий же день был здесь. Столько времени прошло. Этот дом – я так мечтал увидеть его снова.

Патрик без пиджака, без галстука, рубашка на спине не заправлена, рукава закатаны. Наша поездка по прибрежной дороге кажется нереальной.

Разглядываю проспект риелторского агентства. Патрик говорил о доме своей мечты, о доме своего детства, а я помню другую фотографию. Пятнадцать лет назад ее печатали на первых страницах всех газет: вдоль фасада – ленты полицейского ограждения, заколоченное досками разбитое окно, входная дверь, на которой кто-то красной краской из баллончика написал: «Добро пожаловать в дом-убийцу!»

Если бы родители Патрика не лишились этого дома, он не обрел бы такую мрачную славу. Мы с Патриком могли бы привозить сюда Миа и Джо – устраивать на берегу пикники, ходить на ярмарку, лакомиться на променаде рыбой и жареной картошкой; на каждой полке, на каждом подоконнике лежали бы ракушки, коряги, обкатанные прибором стекляшки. Патрик говорил, что собирал эти сокровища все свое детство. Мое же было таким неинтересным! Улицы, сплошь застроенные одинаковыми, тесно прижатыми друг к другу домами, крошечные клочки зелени, запахи кухни над невысокими изгородями; обувь, которую нужно снимать у порога, поставленные на уголок подушечки, ковролин и тюлевые занавески.

Останавливаемся перед домом. Я сжимаю веки – пытаюсь стереть из памяти старую газетную фотографию. Красную надпись давно закрасили, выбитое окно застеклили. Ворота распахнуты, и перед крыльцом, в подвесном кашпо, качаются зимние анютины глазки.

– В доме еще кто-нибудь жил?

– Когда?

– После того, как здесь убили ту семью.

– Нет, – качает головой Патрик, – его продают впервые. Подожди тут. Возьму ключи.

Выбираюсь из машины, перехожу дорогу, облакачиваюсь о парапет. Когда Патрик знакомил меня с родителями, то сразу после визита к ним привез меня сюда. Очевидный контраст огорчал Патрика: матери и отцу на старости лет пришлось ютиться в арендованной двухкомнатной халупе. Они поселились в пяти милях от побережья, и в новом жилье не было ни садика, ни красивого вида из окон. В тесных, захламленных помещениях, забитых громоздкой мебелью темного дерева, было душно. К тому же отец плохо слышал, поэтому в доме на полную громкость орал телевизор.

Незадолго до нашего знакомства, едва Патрику исполнилось двадцать, его родители из-за долгов лишились дома. И в первые месяцы нашего романа, и когда подрастали дети, мы каждые выходные отправлялись на Юрское побережье^[2], останавливались в приморских городках, сгибаясь от ветра и стряхивая песок с бутербродов, завтракали на берегу. Засматривались на дома первой линии, на которые мы не накопили бы денег и за тысячу лет. Патрик злился, и сразу пропадало все удовольствие от пикников. Муж умолкал, стискивал зубы, весь сжимался. Я чувствовала: он расстроен, как огорчаются наши дети, если не получают желаемое «прямо сейчас».

Когда мы пришли в банк за первой ссудой, выяснилось, что ничего кроме таунхауса-новостройки нам не потянуть. Известие об этом страшно расстроило Патрика, он выглядел подавленным.

– Он должен быть моим! – воскликнул муж, впервые показав мне дом своего детства.

В те дни дом еще не превратился в дом-убийцу. В сторону моря смотрели большие фонарные окна, а за домом, как рассказывал Патрик, росла старая яблоня, на которую он любил забираться. Кто жил тогда в доме? Та семья? Их всех убили – и детей, едва вышедших из младенческого возраста, и родителей – молодую пару вроде нас. Могли ли они представить, как быстро оборвется их жизнь?

Прошлой ночью в постели я спросила Патрика, почему он так жаждет

посмотреть этот дом, зачем он ему нужен.

– Хочу вернуть его. И не только дом, но и город, и всю прежнюю жизнь.

В тот момент лицо мужа исказила неуверенность и одновременно жестокость. Таким я его раньше не видела.

Разглядываю его мечту – невзрачный городок на побережье Уэльса. Заброшенные кафе, прибрежные магазинчики, торгующие детскими ведерками с лопатками, захудалый паб; немного в отдалении – ярмарочная площадь. Уже тогда, двадцать лет назад, она выглядела старой, обветшалой. Бог знает во что она превратилась теперь. Оборачиваюсь на дом и никак не могу понять, почему он так нравится Патрику.

Увидев меня на берегу, он бежит, сжимая в руке связку ключей.

– У нас есть час.

Над головами кружат чайки, их редкие крики сливаются с шумом бьющихся о берег волн.

* * *

– Я здесь родился, – говорит Патрик, пытаясь открыть входную дверь. – Мать не успела добраться до больницы.

Он родился зимой, и я представляю мать Патрика – она кричит, а за окном непроглядная ночная тьма, зимний штормовой ветер.

– Дом должен был всегда принадлежать нам, – продолжает муж, поворачивая ключ в замке, и распахивает дверь.

В длинном коридоре холодно и мрачно, все выходящие туда двери закрыты. Тусклый свет из окна над лестницей освещает ступеньки, но в доме слишком много темных закоулков – как раз для призраков. Нахожу выключатель, электричества нет. Патрик захлопывает входную дверь, мы вдвоем оказываемся внутри дома-убийцы. Мне становится жутко.

Пытаюсь войти в первую дверь справа, Патрик не дает ее открыть и кладет свою руку поверх моей.

– Это подвал, я не хочу, чтоб ты, не осмотрев дом, сразу оказалась в подземелье, – говорит муж и толкает дверь в кухню.

Иду следом. Разрозненные предметы мебели из сосны, пыльные ниши для бытовой техники, выходящее в заросший сорняками сад маленькое окно с облупленной рамой. Для освещения большой и темной кухни его явно недостаточно. Грязный покоробленный линолеум отстает по углам. Нет даже плиты. Все пропахло старым жиром и заплесневелыми

пищевыми отходами.

– Раньше все было по-другому. – Патрик пожимает плечами. – Тепло, светло, уютно... Видела бы ты!

– Столько лет прошло. – Подхожу к мужу, обнимаю его. – В телешоу про недвижимостъ всегда советуют все устроить по своему вкусу, не обращая внимания на отделку.

Патрик целует меня в макушку и улыбается.

– Ты права, могу представить, как будет выглядеть новая кухня: большая плита на несколько конфорок, большой деревянный стол. Пол выложим плиткой, заменим окно. Сад огромный, я помню. Мы можем сделать пристройку, купить складную дверь, которая открывается, поднимаясь вверх.

Изучаю детали проспекта. Если верить Патрику, дом страшно недооценен – самое дешевое предложение за всю его историю. Но даже сейчас, по такой бросовой цене и в этом состоянии – со всеми огрехами, прикрытыми панелями из ДСП и МДФ, он нам не по карману. Мы не сможем выплачивать ссуду, а Патрик рассуждает о новой кухне, о пристройке, словно выиграл в лотерею.

Муж ходит по дому и строит планы: настелим паркет, для эркера в гостиной, откуда открывается вид на море, закажем скамью с ящичками под сиденьем. Восстановим заколоченные досками камины, оборудуем новые ваннне комнаты, на втором этаже положим красивое ковровое покрытие. Патрик не замечает ни гнилых рам, ни ледяного ветра, проникающего сквозь щели, не обращает внимания на черные пятна плесени по углам, на кривые полы и потрескавшиеся стены.

– Это моя комната.

Мы в самой маленькой из трех спален. Она холоднее и темнее других помещений, так как проем выходящего в сад окна полностью перекрывается высоким деревом. Здесь очень пыльно, стоит тяжелый затхлый запах. Стараюсь не дышать.

– Надеюсь, раньше тут было теплее, – говорю, покрываясь гусиной кожей.

Растираю руки, чтобы согреться.

Внезапно резкий порыв ветра прижимает дерево к дому, ветки тревожно барабнят по стеклу. Неужели Патрик, когда был ребенком, слышал подобные звуки? Ночь, шторы задернуты, а там что-то стучит...

– Нет, отопление, кажется, никогда не работало. – Муж выглядывает в сад. – Зато отсюда я мог улизнуть через окно и по дереву спуститься вниз.

– Убегал на свидание?

– Ревнуешь? – усмехается Патрик.

Стою рядом с ним у окна и представляю, как он подростком выбирался отсюда, чтобы лунной ночью гулять с девушкой вдоль моря.

– Давай продолжим осмотр, есть еще спальни, – торопит муж.

Мы выходим, и Патрик плотно закрывает дверь своей бывшей комнаты. Странно: другие помещения он оставил открытыми. Все, кроме этого.

Окно следующей спальни выходит на фасад. Выглянуло солнце, голубое небо отражается в море, и вода – обычно беспокойная, серозеленая – кажется синей. Похоже, Патрик специально заказал такую погоду.

Он опять берет меня за руку.

– Сара, ты можешь представить? Если мы сюда переедем, все, что тебе пришлось пережить за последние годы, забудется как сон. Никаких воспоминаний. Начнем жизнь с чистого листа. Здесь я бы устроил нашу спальню. Тогда каждое утро нам будет открываться такой вид.

На секунду прикрываю глаза. Да, я могу представить: поднимаюсь по лестнице в комнату, ее заливают солнце, устраиваюсь на диванчике, который Патрик планирует встроить в эркер, и, свернувшись калачиком, смотрю на море. Сменяются времена года. Зима – топится камин, на нем горят свечи. Лето – в распахнутое окно врываются крики чаек и свежий морской воздух. Патрику – он здесь родился – дом очень дорог.

– Как мне этого не хватает!

– Чего?

– Тебя. Такого, как сейчас, – страстного, окрыленного. Каким ты был, когда мы встретились.

– Ты имеешь в виду, еще до того, как появились дети, карьера и кредиты?

– Дело не только в этом... Не только ты, но и я тоже... Мне самой не хватает авантюризма, таких моментов, когда, черт возьми, делаешь что хочешь – и будь что будет!

Улыбаюсь, поворачиваюсь к мужу, а он вглядывается в морскую даль, и на лице снова то же выражение тоскливой безнадежности, как вчерашним утром. Опять пришла мысль: сколько времени прошло с тех пор, когда один взгляд Патрика – и я была готова затащить его в ближайшую постель?

– Черт возьми, – бормочет он.

– Ты о чем?

– А ты права. Давай так и сделаем. Будь что будет! Что скажешь? Еще одно приключение?

Моргаю. Какое приключение? Дом-убийца? Это вовсе не

американские горки, а путешествие на поезде-призраке.

– Нет, этот дом нам не по средствам.

Патрик все смотрит в окно, и вдруг на лице появляется...

– Есть еще деньги твоей матери.

У меня перехватывает дыхание. Вспоминаю о тех путешествиях, которые хотела бы совершить. Мама оставила не так уж много денег. Да у нее их и не было. Дома тоже не было, и все же она долгие годы – неизвестно зачем – понемногу откладывала. Никогда никуда не выезжала и вообще ничего не делала. После ее смерти я часами плакала над этой чертовой сберкнижкой. Сто фунтов каждый месяц – и так почти двадцать лет. Ради чего? Больше двадцати тысяч, и мама ни пенса из них не потратила. Мне было так ее жаль, я так злилась, что едва не разорвала сберкнижку, но Патрик отнял ее, а я плакала от ярости, не понимая, кому была нужна эта чертова экономия.

Я откладывать деньги не собираюсь. Не стану прозябать на жалкие проценты с накопительного счета. Хочу приключений. Месяцами изучаю проспекты туристических агентств, читаю отзывы о сафари, о круизах, во время которых можно посмотреть на северное сияние, о пустынных пляжах и многолюдных городах. Хочу, чтобы мы увидели все это – и я, и Патрик, и дети. Мы совершим незабываемое путешествие.

Да, но куда отправиться? На свете столько интересных мест, и на что решиться, если не был нигде? Хочется побродить босиком по белому песку пустынного пляжа, поплавать нагишом, вобрав все вкусы и все запахи, выжить в жаркой жужжащей толчее чужеземного базара...

Прошло полгода, а деньги так и остались нетронутыми. Может, с мамой было то же самое? Копила на далекое путешествие в сердце непроходимых джунглей, где, возможно, ждал ее он – пропавший муж и мой пропавший отец?

Одно знаю наверняка: каким бы ни было мое главное приключение, к дому-убийце оно отношения не имеет. Как бы ни старался, как бы ни расписывал его Патрик, для меня это всего лишь дом-убийца. Здесь, в спальне, умерли люди. Не просто умерли, их убили, зарезали, разрубили на части – все стены были забрызганы кровью. Конечно, сейчас они заново покрыты краской, но я знаю, что она скрывает.

– Жить здесь я не смогу.

Заходит солнце. Патрик мрачнеет, его лучезарный взгляд гаснет, улыбка сползает с лица.

Глава 3

Сара

– Мам!

За ночь синяк потемнел, из красного стал фиолетово-синим. Однажды я рисовала северное сияние – вот на что он похож: у меня под кожей *Aurora Borealis*^[3]. Смотрю и словно жду, что оно начнет сверкать, переливаться и прямо на глазах менять цвет.

– Мам! – дочь трогает меня за плечо.

Вскакиваю, жмурюсь от света.

– Где? – спрашивает она сердито, уперев руки в бока.

Миа уже готова идти в школу, но блузка заправлена неаккуратно, местами выбилась наружу.

– Что где? – трясую головой, не понимая, о чем речь.

– О господи, мама! Ты же говорила, что постираешь! Если приду на физкультуру без формы, меня просто убьют!

Миа – она уже готова выскочить из комнаты – вдруг резко оборачивается и смотрит на мою руку. Неужели синяк опять поменял цвет?

– Откуда это? – В словах дочери звучат непривычные нотки.

– Ударилась, – отвечаю.

И это правда. Ночью споткнулась и в темноте напоролась на дверную ручку. Мы с Патриком спорили, он злился, все говорил о доме, а я, не желая тратить на него мамины деньги, после трех стаканов потеряла берега и назвала особняк домом-убийцей.

– Это чертово вино! Может, пора перестать прикладываться к бутылке? – шипит Миа.

Никогда раньше не слышала в ее тоне такой холодной неприязни. Миа очень быстро растет и, похоже, изо всех сил мечтает разорвать связывающую нас тонкую нить, которую я так стараюсь сохранить.

– Миа! – Я надеюсь, что, несмотря на стремительный рост, это неуклюжее создание – все еще моя маленькая девочка. – Хочешь пойти в субботу в магазин?

Она морщит лоб.

– В субботу? Не могу. Лара пригласила на день рождения, а перед этим у нас поход в кино.

– Ну что ж, тогда в другой раз.
Миа застывает в дверях.
– Хорошо бы купить что-нибудь новенькое для вечеринки. – Она в задумчивости подносит ко рту прядь волос. – А если сегодня?
– Сегодня?
– После школы. Приду сразу после занятий, и к четырем будем в городе.
– Чудесно! – говорю я весело. – Потом зайдем выпить кофе и купим что-нибудь на вечер.
– А в «Старбакс» можно?
– Можно и в «Старбакс».
Дочь расплывается в улыбке, а мое сердце переполняется радостью.
Миа подбегает к постели, обнимает меня одной рукой и прижимается губами к щеке.
– Спасибо, мамочка!

* * *

После ухода Миа появляется Джо. Он, в отличие от сестры, молчит.
– У тебя все хорошо? – спрашиваю, и радости как не бывало.
Он не сердится, как Миа, но и не улыбается, что еще тяжелее. Однажды я забыла об этом спросить, и с тех пор вся наша жизнь полетела в тартарары. Последние шесть месяцев я каждый день так или иначе задаю мальчику один и тот же вопрос. Джо застывает в дверях, и все, что мне хотелось бы спросить, повисает в воздухе. «Позвольте ему быть ближе к вам», – сказал врач, но Джо на контакт не идет и, боюсь, не пойдет больше никогда. Раньше – до того, как умерла мама, до аварии – мы разговаривали. Потом Джо замкнулся, а я, опасаясь проговориться и потерять сына, сделать первый шаг не решалась.
По-моему, я заболела. Меня трясет, глаза дерет от усталости. Думала, морской воздух пойдет мне на пользу, но горло и легкие пропитались затхлой сыростью старого дома. Несмотря на усталость, ночью уснуть я не смогла. Только задремлю – вижу кровавый дом, дом-убийцу, и в ужасе открываю глаза. И так до утра.
Наконец все стихло. Думаю, что все разошлись, с трудом выбираюсь из кровати, спускаюсь вниз. На кухне – ящики выдвинуты, содержимое разбросано – стоит Патрик. Только подойдя к чайнику, замечаю, что у него в руках.

– Зачем тебе моя сберкнижка?

Муж несколько не смущен.

– Да ни за чем. – Он протягивает ее мне. – Просто наткнулся на нее в ящичке и хотел отдать тебе.

Прячу документ в карман халата и собираюсь уйти, как раздается голос Патрика.

– Сара, ты подумала о...

Хватаюсь за дверной косяк. Я больше не могу. Когда мы были там, я поняла: Патрик мечтает заполучить этот дом. Да, отдав мамины деньги, я помогу мужу осуществить его мечту, но тогда навсегда распрощаюсь со своей.

– Я думала, мы потратим эти деньги на путешествие, увидим разные страны, побываем там, куда не смогла попасть мама. Денег хватит, чтобы поехать всей семьей и провести...

Патрик моих слов не воспринимает. Умолкаю.

– Подумай о детях, – говорит он. – После аварии Джо стал таким замкнутым. Сама знаешь, он на грани срыва. И окружение дочери мне тоже не нравится. На родительском собрании сказали, что у нее снизилась успеваемость. Мы дадим детям возможность начать жизнь с чистого листа.

– Я не могу, не хочу покупать этот дом.

– Ладно, все, хватит, – шепчет Патрик. – Его купит кто-нибудь другой, он и будет в нем жить. А мы останемся здесь.

И виновата во всем буду я. С трудом проглатываю застрявший в горле горький комок.

– Я не могу, прости.

– Ничего. Ничего. Это же деньги твоей матери. И счет на твое имя. Тебе и решать, на что их тратить.

* * *

Патрик уходит. Он не хлопает дверью, но я вздрагиваю. В тихом щелчке замка слышу и боль, и досаду, и упрек – все, чем подпитывается мое чувство вины. Достāju проспекты туристических агентств, однако реклама увлекательных путешествий облегчения не приносит.

Включаю телефон, и на экране всплывает напоминание. Оно застаёт меня врасплох, от угрызений совести и тоски внутри все сжимается, чувствую острую боль в желудке. Облокачиваюсь о барную стойку, закрываю глаза, жду, когда отпустит. День рождения мамы – вот что за

напоминание. Я забыла его удалить.

В прошлом году я не нашла времени ее навестить, однако телефон напомнил, что маму нужно поздравить, послать подарок и отследить его доставку. И почему я тогда не поехала? Теперь даже вспомнить не могу. Вечно находились глупые оправдания, чтобы отложить двухчасовую поездку на север.

А когда соседи нашли маму – перед тарелкой с заплесневевшей едой и через два дня после смерти, – все оправдания кончились. Угрызения совести и боль, поразившие меня в тот день, не отступили, не отступают... И я сломалась.

Нет. Хватит. Я обещала Патрику. Обещала себе. Хватит.

Снимаю постельное белье, кладу его в машину, запускаю стирку, вытираю стол на кухне и допиваю третью чашку кофе. Знаю, еще осталось полбутылки вина. Только одиннадцать, а меня уже тянет на алкоголь.

Бросаю в раковину тряпку и сажусь к столу. Господи, как я устала. Закрываю глаза и снова вижу темные очертания дома-убийцы и призрачный образ одинокой умирающей матери. Меня охватывает озноб. Стоп, хватит. С другой стороны, у мужа есть мечта, а я виновата, что отказываюсь от дома на берегу, на первой линии, где свежий морской ветер колышет шторы... Открытка из конечной точки нашего путешествия, вид из окна идеального дома. Только я сижу там ко всем спиной, смотрю на море и мечтаю куда-нибудь уплыть. Раньше, замечая, что мне грустно, Миа говорила: «Мам, ты опять не можешь найти себе места». Нет уж, в доме Патрика я его точно не найду.

Открываю глаза. Головная боль только усилилась. Поднимаюсь в ванную за болеутоляющим, вытряхиваю на ладонь две таблетки парацетамола, потом еще две и, запивая водой, глотаю все четыре. Ставлю пузырек обратно на полку, рядом со снотворным Патрика.

Год назад его начали мучить кошмары. Что в них было, он вспомнить не мог, но по ночам кричал и просыпался. Я пугалась, дети нервничали. Дошло до того, что Патрик боялся ложиться в постель. Тогда врач и прописал ему средство от бессонницы. Оно помогло, кошмары вскоре прекратились.

Знаю: парацетамол только притупляет боль. Единственное настоящее лекарство – это сон.

Такая тишина, что слышно тиканье часов на первом этаже. До прихода Миа еще есть время. Могу поспать несколько часов – унести в страну моей мечты, на берег моря – бирюзового и прозрачного, – где можно босиком бродить по белому песку. А когда проснусь – головная боль

пройдет.

Беру упаковку темазепама. На ней надпись: «Две таблетки перед отходом ко сну». Вытряхиваю две и, помедлив, добавляю еще одну. Последняя застревает в горле. Очень горькая. Залпом выпиваю воду. Сердце начинает бешено колотиться, иду в спальню.

Сажусь на край кровати. Бутылочка со снотворным дрожит в руке. Часы на первом этаже тикают все громче, а я все не сплю. У этих пилюль, наверное, истек срок годности, выпью еще одну. Высыпаю две, проглатываю, не запивая, и ложусь.

Закрываю глаза, пытаюсь представить мягкий белый песок, но вместо этого вижу каменистый берег и грозовое небо, какой-то дом с черными проемами окон; болтающуюся на ветру входную дверь и разорванную ленту полицейского ограждения. Мелькают огни, и я наконец проваливаюсь в сон. Открывается какая-то незнакомая дверь, появляется чья-то тень. Мне кажется, я ее уже видела, пытаюсь пробудиться, но меня засасывает еще глубже.

«Кто там?» – слышу сквозь сон, а тень все ближе и ближе. Она то расплывается, то обретает четкие контуры. «Тсс!» – долетает до меня тихий шепот, и мама... Мама гладит меня по голове, и боль стихает.

Это сон, только сон. Как я устала. Посплю час или два...

* * *

– Сара! Какого черта? Что ты натворила?

Кто-то меня будит, тормошит. Во рту, глубоко в горле, чьи-то пальцы. Слишком глубоко. Я давлюсь. Не могу дышать, пытаюсь избавиться от чужой руки, ничего не получается. Это Патрик. Он проталкивает пальцы все глубже – и неожиданно содержимое моего желудка фонтаном выплескивается наружу – на меня, на Патрика, на постель. Боже! Какой ужас, пытаюсь извиниться, а Патрик вытаскивает меня из кровати, ставит на ноги. Они не слушаются, идти я не могу. Тогда он волочет меня на себе, запихивает в ванну и включает душ. Он очень холодный – тело немеет, дыхание перехватывает. Пытаюсь вырваться, но Патрик не выпускает.

Слышу чей-то крик. Похоже, Миа.

– Вызывай «Скорую»! Вызывай «Скорую», черт возьми! – орет муж.

Недоумеваю: зачем? Что случилось? Наконец он выключает воду. Чувствую непреодолимую усталость, хочу спать и опять отключаюсь.

– Сара! Нет, я не дам тебе... Ты не можешь так уйти, черт возьми! Ты

не можешь... – Патрик наотмашь бьет меня по щеке, я опять сползаю в ванну, задеваю головой кран и...

– Сара! Сара, проснись... Пожалуйста, прости. Я думал, ты умираешь.

* * *

– Мама, ты меня слышишь? Мама!

Это Миа. Ее голос, девочка плачет. Изо всех сил пытаюсь преодолеть навалившуюся тяжесть и проснуться. Открываю глаза. Дочь сидит в кресле рядом с кроватью. Где я – понять не могу.

Я помню... Нет, не знаю. Кто-то... таблетки... Патрик... его пальцы во рту. Пытаюсь сглотнуть слюну, и из горла вырывается какой-то звук. Не слово, нет. Скорее – мычание.

Дочь наклоняется ко мне.

– Мама, господи, ну зачем ты это сделала?

Что я сделала? Миа вскакивает со стула и зовет кого-то через дверь. Входит медсестра в голубом халате – значит, я в больнице, – следом идет Патрик. Только не сейчас. Не могу его видеть. Закрываю глаза и опять засыпаю.

* * *

Когда я просыпаюсь в следующий раз, у постели – Джо. Он придвинул стул к кровати, вижу перед собой лицо. Темная волнистая прядь упала на лоб, она скрывает глаза. Сын такой худой, кожа да кости. На постели лежит его рука, тянусь к ней. Джо поднимает взгляд, и я вижу на его губах до боли знакомую полуулыбку.

– Я знал, что ты это сделаешь, – шепчет он и придвигается еще ближе. Чувствую на щеке его дыхание. – Это из-за отца? Из-за него ты хотела покончить с собой?

Что? ЧТО?

* * *

На этот раз просыпаюсь окончательно. В палате никого нет, в коридоре темно, где-то далеко эхом отдаются чьи-то шаги. Болит рука – в вену

вставлен катетер, рядом с кроватью – штатив с капельницей. Болит опухшее горло. Холодно, вся дрожу, будто подхватила грипп, хотя знаю, что попала в клинику совсем по другой причине.

Слова Джо не идут у меня из головы. Покончить с собой? Не понимаю. Был день рождения мамы, я чувствовала себя усталой, болела голова, приняла несколько таблеток обезболивающего и... снотворного. Помню. Неужели из-за такого количества можно заподозрить самоубийство? Черт, не помню. Не помню, сколько я их проглотила.

* * *

Патрик держит меня за руку, большим пальцем гладит покрывающий иглу бинт. Даже от такого нежного прикосновения игла в вене смещается, и по желудку волной прокатывается спазм. Пытаюсь высвободить руку. Патрик удерживает ее какое-то мгновение – этого хватило, чтобы всю руку пронзила резкая боль, – и, наконец отпустив, откидывается в кресле.

– Я думал, ты умерла, – шепчет муж испуганно. – Пришел – ты лежишь без движения. Решил, что уже опоздал.

– Нет, – начинаю срывающимся шепотом, но Патрик машет рукой, словно не хочет слышать моих возражений.

Осекаюсь.

– Не понимаю, – говорит он, – я не знал, что тебе настолько плохо.

– Но я не...

– Представляешь, как бы это отразилось на Джо?

Наклонившись ко мне, Патрик задевает стойку и, пытаясь удержать закачавшийся штатив, смотрит мне в глаза.

– Ты понимаешь, что была на волосок от смерти? Ты осознала, как вредно пить так много таблеток? Ты выжила только потому, что не все проглотила. Я вынул их у тебя изо рта.

Я выпила только четыре пилюли. Или пять? Может, шесть? И несколько таблеток парацетамола. Да, это много. Но я не хотела покончить с собой, я просто устала.

– Сара, умоляю тебя. Я не могу, не могу тебя потерять.

В голосе Патрика не просто страх. Это паника.

Глава 4

Сара

– Принесла тебе кофе. Небось больничная бурда вместо чая уже осточертела.

Это Кэролайн. Садится рядом с кроватью, дымящуюся чашку ставит на тумбочку. Пахнет божественно.

– Спасибо, – говорю.

Делаю над собой усилие и приподнимаюсь.

Кэролайн сегодня брюнетка, и тяжелые прямые пряди под стать ее хмурой физиономии. Прошлый раз подруга была медно-рыжей. У самой меня волосы типа «серая мышь», и спреями для подкраски я давно не пользуюсь. А Кэролайн меняет цвет сто раз в год. Хотя в голубой или розовый сейчас она красится реже.

– Что стряслось, черт возьми?

– Честное слово, я этого не хотела, – шепчу в ответ.

– Чего не хотела?

– Не собиралась глотать так много таблеток.

Откинувшись на стуле, Кэролайн смотрит на меня долгим взглядом, и ее глаза наполняются слезами. Знаю, я смогла бы ее убедить, если бы не страшная слабость и ободранное горло. Сейчас мне каждое слово дается с трудом.

Отпиваю глоток кофе. Капельницу сняли, и Кэролайн пристально рассматривает мою руку, на ней большим фиолетовым цветком с красной сердцевинкой – следом от катетера – темнеет синяк. Этот более живописный, чем старый – пожелтевший и потерявший краски.

– Как дела у Джо? – спрашивает подруга.

Меня охватывает тревога.

– Все нормально.

– Нормально? Прошлый раз, когда ты попала в больницу, он въехал прямо в стену.

От ее слов дрожь пробегает по телу.

– То был несчастный случай.

– Да что ты? Джо совершенно случайно угнал твою машину?

– Ты знаешь, что я имею в виду. Это не потому...

– Узнал, что ты ему не мать?
– Кэролайн! Какого дьявола? – Рука дрожит, кофе выплескивается из чашки.

– А с кем дети сейчас?

– С Патриком.

Подруга смотрит на меня с ужасом.

– С Патриком? Ну конечно, как же. Боже, в первый момент, когда увидела вас вдвоем на вечеринке, я должна была тебя увести.

– Патрик не виноват. – Вспоминаю, как мы встретились. Он был невероятно красив. – И я думаю, у тебя ничего бы не вышло.

– Надо было стукнуть тебя по башке и вытолкать оттуда насильно.

– Тогда не было бы ни Джо, ни Миа.

– И ты не наглоталась бы таблеток и не лежала сейчас на больничной койке, – оглядываясь на дверь, говорит Кэролайн. – Ты должна немедленно уйти от мужа. Забирай детей и уходи.

От страха, жуткого, как мой синяк, схватывает горло.

– Детей Патрик никогда не отдаст. Даже если разведусь, не получу над ними опеку.

– Конечно, не получишь. Особенно после того, что случилось. Тут уж твой муженек постарался.

– Он не виноват, – твержу я опять.

– Знаю, во всем виновата ты. – Нахмурившись, Кэролайн умолкает и принимается за свой кофе.

При каждом ее движении на запястье звякают тяжелые браслеты.

Вспоминаю, как муж бился, чтобы спасти мне жизнь, его пальцы во рту, его отчаяние. Господи, как мы до этого дошли? Были прекрасной парой, так любили друг друга – и чтобы так все кончилось? Я очень похожа на маму. Патрик заполнил всю мою жизнь, я исчезла, растворилась. Кэролайн смотрит на меня с неприязнью и сожалением: где прежняя Сара? Сама себя не узнаю. И от этого хочется плакать.

– Патрик рассказал мне про дом, – говорит подруга. Снова приступ страха. Интересно, он сообщил, что я отказалась дать на него мамины деньги? – Просил уговорить тебя переехать. Но я пришла предупредить: ни за что не соглашайся. Даже не думай!

– Муж считает, нам всем там будет лучше, – отвечаю и до крови закусываю губу. – Возможно, он прав.

– Ты будешь там от всех отрезана и совсем одинока. Что в этом хорошего?

Послушать Кэролайн, так дом стоит не в городе, а посреди пустыни и

полностью отрезан от цивилизации.

Подруга склоняется надо мной, вижу ее покрасневшие глаза.

– Этот дом, его прошлое... Как ты сможешь там жить? И почему Патрик так стремится переехать туда?

– Ему это очень важно. Ты не представляешь...

– Не представляю. И очень боюсь за тебя. Если здесь, окруженная друзьями, ты дошла до ручки, что же, дьявол его побери, ждет тебя там?

– Клянусь, самоубийства у меня и в мыслях не было! Патрик просто перепугался.

– Перепугался? – почти кричит Кэролайн, барабаня ногтем по чашке.

Не верит. Думает, что я хотела умереть. Отчуждение нарастает. Они все будут так думать, меня никто не принимает всерьез. Все будут подозревать, что я самоубийца и за мной нужно все время приглядывать. Закрываю глаза. Представляю, что могла вообразить Кэролайн. Ну да, вот я вытряхиваю на ладонь не две таблетки, а целых десять. Отрицательно мотаю головой.

– Не делала я этого.

– Мне до лампочки, – шепчет подруга, – не собираюсь больше тебя удерживать от безумных поступков, – продолжает она, поднявшись и уперев руки в бока. – Господи, со дня смерти твоей матери прошло полгода... Это несправедливо! Сегодня вместо того, чтобы быть рядом со своими детьми, сижу с тобой. Боже, а наша дружба? Ты подумала о Джо, о Миа? Оторвешь их от друзей, от привычной жизни, чтобы поселить в доме-убийце?

Кэролайн вытирает слезы, размазывает по щекам тушь.

– Думаешь, кому-то легче, если ты здесь «по ошибке»? Тебе на всех наплевать. Дети видели: бездыханная, лежишь на кровати, рядом эти чертовы пузырьки с таблетками. Ты умерла – вот что они подумали. И я тоже... Знаешь, этим жалким подобием дружбы я сыта по горло.

У самой двери Кэролайн оборачивается:

– Говоришь, Патрик ни в чем не виноват? Ладно, может, на этот раз так и есть, но с того момента, как ты его встретила, прежняя Сара исчезла. И я не уверена, что твой нервный срыв был связан со смертью твоей матери. Ты превратилась в бледную тень той девушки, с которой я училась в колледже. Я тебя больше не знаю. И знать не хочу.

Выходим из больницы. Патрик ведет меня под руку. Когда спотыкаюсь, поддерживает за локоть. На улице ледяной ветер. Я в пальто, муж укутал меня шарфом, но все равно зуб на зуб не попадает. После разговора с врачом – не с тем, который снял капельницу, посветил лампочкой в глаза и заглянул в горло, а с психиатром – дрожат колени. Он сел и начал задавать вопросы – острые, как шар с иголками, что раздирал мое горло, когда я очнулась в больнице.

Казалось, все позади. Я собралась уходить, как вдруг появился этот доктор и стал проверять мою психику, спрашивать, почему я пошла на этот шаг и нет ли мыслей повторить его снова; задавал вопросы о Патрике, о детях, о доме, о маме. Я заплакала, а врач записывал что-то на листке бумаги. Я разозлилась, попыталась его вырвать, но тут вошел Патрик, увидел, что я плачу, и сцепился с чертовым доктором.

С той минуты они стали разговаривать между собой и вышли. Я могла бы расслышать, о чем они говорят, но зажала руками уши, чтобы до меня не долетело ни единого слова.

Вернулся Патрик один. Он нес белый пакет с лекарствами.

– Успокойся, Сара. Идем домой.

На углу ждут Миа и Джо. Чтобы согреться, дети жмутся друг к другу. На лицах странное выражение – так смотрела на меня Кэролайн. Подходим к машине – дети стоят сбоку, держатся поодаль, на расстоянии трех шагов, и сторонятся матери, как неразорвавшейся бомбы.

Не сказав за всю дорогу ни слова, в полном молчании подруливаем к дому и останавливаемся. Свет фар выхватывает из темноты красную дверь. В других домах уже зажглись окна. Соседи, сидя перед мелькающими экранами телевизоров, ужинают, расслабляются после рабочего дня. Теперь понимаю, о чем говорил Патрик. Дома стоят слишком тесно, это на нас давит. Воздух тяжелый, кислорода не хватает, дышать нечем.

– Выходите, – бросает Патрик детям и выключает мотор.

Наш дом опять погружается во тьму.

Миа с Джо выбирают из автомобиля. Сын медлит, оглядывается, но сестра хватается за руку и уводит.

Открыв аптечный пакет, Патрик вынимает коричневый пузырек с таблетками.

– Мне кажется... Мне кажется, ты не захочешь глотать их на глазах у детей.

Смотрю на лекарство. Не захочу. Они еще помнят, как тогда, после смерти матери, вернувшись из госпиталя с похожими таблетками, я вообще не вставала с постели.

– Сара, они помогут. Не бойся.

Не в силах унять дрожь, открываю рот. Патрик кладет мне на язык белую пилюлю, и опять возникает призрак из сновидения. Хочу открыть дверь машины, но Патрик удерживает мою руку.

– Подожди, – произносит он, не сводя с меня глаз, – еще один вопрос. Не хотел говорить тебе, пока ты была в клинике. Кто-то постоянно задает разные вопросы. Приходили ко мне на работу.

– Какие вопросы?

– Обо мне, о моих родителях... Мне кажется, частный детектив. Кто-то разыскивает Джо.

Не понимаю.

– Зачем частному детективу разыскивать Джо?

– Думаю, это ее семья. Семья Ив.

Меня трясет как в лихорадке. Ив. Родная мать Джо.

– Ты же утверждал, что семьи у нее не было.

Патрик сжимает мне руку.

– Нет, я сказал, что Ив жила одна и связь с семьей не поддерживала.

На самом деле он говорил совсем другое: мать Джо – такая одинокая, что некому было даже оплакать ее смерть, – умерла, и только мы можем позаботиться о ребенке.

– Если придут к нам домой и скажут Джо... – Патрик медлит, дотрагивается до синяка на тыльной стороне моей ладони. – Вина за все, что произошло с Ив, лежит на ее родственниках. Я не позволю им отнять у нас сына.

– Но...

– Если мы переедем, все решится само собой.

Патрик обходит машину, открывает мне дверцу, помогает выйти.

– Как счастливо мы заживем в этом доме, – шепчет он, и я знаю, о каком доме идет речь.

А в голове все крутятся, крутятся слова Кэролайн, не могу забыть страх и настороженность на лицах Миа и Джо, их отчужденность. Накатывает паника. Патрик прав, я должна защитить своих детей – сделать все, чтобы мы все начали новую жизнь. Это вовсе не бегство. Там мне будет лучше, я сама смогу стать лучше.

– Хорошо. – На языке еще сохраняется горький привкус пилюли. – Можешь взять эти деньги. Давай купим твой дом.

Часть II. Дом-убийца

«Город потрясен жестоким преступлением. Сегодня перед судом предстал человек, обвиненный в убийстве троих членов одной семьи».

Заголовок из «Уэльс онлайн», май 2001

«Добро пожаловать в дом-убийцу».

Заголовок из «Саут Уэльс эко», июнь 2001

Мне часто снится, что я в этом доме, в темноте, понимаю, что тут кто-то есть, но никого не вижу. Я бегу, холл во сне все тянется, превращается в длинный коридор, а я убегаю, потому что за мной гонится дракон в мужском костюме, а я никогда не могу от него убежать. В коридор выходят комнаты, можно забежать в одну из них, но я не хочу, потому что знаю: за каждой дверью поджидает опасность, и если задержусь, никогда не найду выход.

Сегодня на доме-убийце появилась большая красная надпись: «Продано». Несколько человек молча наблюдают, как ею заклеивают другое объявление – «Продается». Местные жители не думали, что такое возможно. В самом деле, какой идиот позарится на этот дом? Зеваки прячутся в тень и делают вид, что они здесь случайно, просто прохожие. Но только не я. Скрестив руки на груди, стою посреди улицы. Меня домом-убийцей не испугаешь.

– Интересно, кто его купил? – обращается ко мне, пожимая плечами, один из наблюдающих.

Он предлагает сигарету, я беру. Прикуриваю от его зажигалки. Наклонившись, чувствую неприятный кислый запах изо рта.

– Наверное, тот, кто ничего не знает, – отвечаю.

Мужчина смотрит так, словно у меня не все дома.

Когда это случилось, меня в городе не было. А до моего отъезда этот дом не обрел свою дурную славу. Люди же, которые собрались тут сегодня, никуда не уезжали. Они смотрят с опаской и переходят на другую сторону улицы, боятся подойти близко к дому, будто их кто-то туда затащит.

В моем сне нет дома-убийцы, а есть самый обычный особняк: в холле ковер в коричневых и бежевых завитушках, на стенах тисненные обои. Я бегу, а все мелькает, кружится, холл превращается в длинный коридор. И появляется нечто – оно проносится по комнатам, куда я боюсь заглянуть, хватая меня за ноги и словно втягивает в неистовый водоворот.

Человек с гнилым дыханием ничего от меня не узнал. На самом деле мне известно, кто поселится в доме-убийце. Они не местные. Что ж, настало время проявить соседское гостеприимство.

Глава 5

Сара

За домом кто-то следит. Когда мы приехали, а за нами прибыл фургон с вещами, у дома уже выстроилась целая шеренга. Несколько зевак подошли ближе и в полном молчании наблюдали, как Патрик вставил в замочную скважину ключ. Никто не поздоровался, никто не сказал доброго слова – просто смотрели, как выгружают мебель.

За окнами без штор, у всех на виду, я чувствовала себя очень неудобно, и с каждой минутой неловкость только нарастала. Не думаю, что дети заметили этих людей. Патрик тоже. Когда я ему их показала, он лишь засмеялся.

– Ну да, мы теперь знамениты. Не обращай внимания на этих вурдалаков.

– Кажется, они чего-то ждут.

Муж поставил на пол коробку и тоже подошел к окну.

– Возможно.

– Чего же?

– Нас. Завтра появимся в утренних новостях, – улыбнулся Патрик. – Ждут еще одну семью, которую погубит дом-убийца.

От слов Патрика меня бросило в дрожь.

К вечеру начался дождь, потемнело, и зеваки разошлись. Все, кроме одного. При дневном свете я изо всех сил старалась не смотреть на них. Патрик пошел с детьми разведать, где добыть еды, я осталась в доме одна. Каждый раз, когда прохожу мимо окна, меня можно увидеть с улицы. Неожиданно вспоминаю о частном детективе. Если он искал Джо, почему интересовался Патриком и его родителями?

* * *

Пытаюсь заставить себя начать распаковывать вещи. Уже темно. На стенах пятна. Видимо, там была кровь. В одной из комнат наверху скрипит пол.

Я дрожу. Миа уверяет, что здесь холодно. За домом-убийцей – теперь

это мой дом – снаружи кто-то наблюдает. Сердце колотится, бросаю взгляд из-под челки – за окном никого. Выхожу из комнаты. А вдруг тот человек сейчас ищет открытое окно, проверяет, заперты ли двери?

Из передней доносится резкий стук – и я, чтобы не закричать, обеими руками зажимаю себе рот. С ужасом, не отрывая взгляда от ручки входной двери, пячусь назад. Вдруг Патрик, уходя, оставил ее открытой?

Сердце выскакивает из груди. Как глупо! В этом проклятом приморском городке всего семь вечера, и кто же в такое время ломится в чужой дом? Возвращаюсь в кухню поставить чай, по дороге щелкаю выключателями – везде зажигаю свет. Подхожу к раковине, чтобы наполнить чайник, и, увидев в окне чье-то лицо, вскрикиваю от ужаса.

Роняю чайник – вода льется прямо на ноги, отступаю на шаг и уже готова пуститься наутек. Пока пячусь от окна, как раньше от входной двери, лицо пропадает. Наконец я все понимаю и, прижимая руки к груди, давлюсь нервным смехом. Вот дура – это же мое отражение. Чуть не получила инфаркт из-за собственной физиономии.

Только начинаю успокаиваться, как раздается скрип. Приоткрывшуюся на дюйм входную дверь держит только цепочка. Стремглав бросаюсь в прихожую, захлопываю дверь, пытаюсь трясущимися руками задвинуть защелку.

– Сара, что случилось? – слышу из-за двери голос Патрика.

Это не призрак, не таинственный наблюдатель. Сердце никак не успокоится. Снимаю цепочку, открываю дверь и впускаю мужа.

– Что с тобой? Что происходит? – спрашивает он и берет мои ладони в свои.

– Там кто-то был. Кто-то наблюдает за домом. Стучали в дверь и...

– Пытались войти?

Отрицательно качаю головой.

– Не думаю. Смотрели с той стороны дороги.

Патрик отпускает меня.

– С той стороны? Может, дом их вовсе не интересует.

– Интересует. Я видела – смотрели сюда, а потом я услышала шум за дверью, у самой двери. И кто-то стучал.

Чувствую, что перехожу на крик, вот-вот начнется истерика.

Патрик снова хватает меня за руки и сжимает их так сильно, что я морщусь от боли.

– Сара, успокойся! Слушай меня, смотри мне в глаза.

Делаю несколько судорожных вдохов. За спиной Патрика все еще шатается на ветру открытая дверь.

– Успокойся, ты пугаешь детей, – говорит муж.

Он сверлит меня взглядом.

Мое внимание переключается на сына и дочь. Джо, ссутулившись, прислонился к стене и потирает запястья. На Миа совсем нет лица. Представляю, как выгляжу в глазах детей. Они пошли купить рыбы с картошкой, вернулись – а мать на пустом месте сходит с ума.

– Простите, я увидела кого-то за окном и переволновалась. Теперь все в порядке, честное слово, – стараюсь говорить как можно спокойнее, но голос не слушается, дрожит.

– Пойду посмотрю, – бросает Патрик.

Потираю запястья – точь-в-точь как Джо. Интересно, от какой боли пытается избавиться он?

Иду к двери. Вижу Патрика. Он переходит улицу и пропадает в темноте. Если через несколько минут не вернется, пойду следом. Выхожу, отсчитывая секунды. Воображение одну за другой подсовывает страшные картины: вот муж в поглотившей его крошечной тьме борется с соглядатаем, и тот сбрасывает Патрика в море; вот Патрик убивает незнакомца, а вот незнакомец тащит на берег бездыханное тело Патрика.

Пройдя полдороги, натыкаюсь на мужа. Он – волосы покрыты мелкими каплями дождя – возвращается к дому.

– Там никого нет.

Тогда почему Патрика так долго не было? Двадцать секунд перейти на другую сторону дороги, двадцать секунд обратно.

– Ты уверена, что тебе не привиделось? – спрашивает он.

Качаю головой.

– Там кто-то был.

– А ты пила сегодня таблетки?

Под пристальным взглядом Патрика утвердительно киваю.

Уже у самого порога натыкаюсь на какой-то предмет. Это раковина – большая раковина, в которой, если приставить ее к уху, можно услышать шум моря. На здешнем побережье таких экзотических блестящих раковин не найти. Поднимаю находку, подношу к уху, но волшебный звук раковины полностью перекрывается морским прибоем. У меня в детстве была такая – ее привез отец, когда был дома в последний раз. Отец уверял меня, что внутри раковины спрятан миниатюрный волшебный океан и только мне дано услышать плеск его волн. В призрачной надежде увидеть образ человека (когда-то я называла его папой), пропавшего в одной из своих бесчисленных экспедиций, опять смотрю на море.

– Мама, что случилось?

Оборачиваюсь. Миа хмурится, тянет ко рту прядь волос. После клиники дочь все время следит за мной, при этом она и волнуется, и злится.

– Ничего. Просто в новом доме пошаливают нервишки, все хорошо.

– Откуда это? – спрашивает Миа, глядя на раковину.

Протягиваю находку девочке, она берет ракушку, немедленно прикладывает к уху и расплывается в улыбке.

– Слышишь? – спрашиваю я.

Миа подходит ближе, прислоняется ко мне. Совсем взрослая, почти с меня ростом, она все-таки еще остается моей маленькой девочкой. Глажу ее по голове, целую в макушку. Как же долго она не давала себя обнять!

– Ничего не слышу, только море. Из-за него не смогу здесь спать. Ненавижу этот шум, – бормочет она, уткнувшись мне в плечо.

– Тссс, – шепчу, проверяя, закрыта ли дверь. – Это же только первый день. Все образуется, нужно время. Нам здесь будет хорошо. Если мы обживем этот дом, превратим его из... Ну, ты знаешь, для папы это очень важно.

Миа замирает на мгновение и резко отстраняется. Моей маленькой девочки как не бывало. Она швыряет находку на диван, а раковина падает на пол, со стуком, от которого я вздрагиваю, несколько раз подпрыгивает и останавливается у моих ног.

– Почему мы все должны врать? Что за запреты? Неужели нельзя сказать отцу, что мы думаем на самом деле?

С этими словами, хлопнув дверью, Миа убегает к себе. Слышу, как, постучавшись, в ее комнате скрывается Джо. Он сможет успокоить сестру гораздо быстрее, чем я. И в самом деле: вскоре до меня доносится веселая музыка и смех Миа.

Иду на этот звук, поднимаюсь по ступенькам, заглядываю в комнату дочери. Раскрасневшаяся, она лежит на постели с телефоном в руках и хохочет. Джо пытается забрать свой мобильник, а Миа, чтобы брат его не достал, вскакивает на кровать, тянет вверх руку и подпрыгивает.

Когда я вхожу, оба умолкают. Как бы я хотела остаться за дверью, тайно насладиться этой минутой и только потом лезть со своими объятиями. Но я вошла и все разрушила.

– Над чем вы так весело смеетесь? – говорю, натягивая улыбку.

– Ни над чем. – Выключая телефон, Миа возвращает его брату и

плюхается обратно в постель. – Просто фейсбучные приколы.

– Видео с кошками, – отвечает Джо.

Неизвестно почему дочь снова заливается смехом и, чтобы унять его, зарывается лицом в одеяло.

– Мам, извини, – вздыхает Джо, – она просто дурочка. Тебе что-то нужно?

– Да нет, зашла спросить, не хотите ли перекусить.

Джо отрицательно качает головой, а дочь меня будто вовсе не замечает. Стою в нерешительности, тут раздается звонок – пришел Патрик. Иду вниз и слышу, как за спиной захлопывается дверь в комнату Миа.

Возвращаюсь в гостиную, выглядываю в окно. Сзади подходит Патрик. От неожиданности я подпрыгиваю, потому что приняла отражение Патрика за того, кто следит за домом. Муж, вытерев руки, швыряет полотенце на журнальный столик.

– Наводил порядок на кухне. Ты оставила ее в таком виде...

Господи, забыла про чайник. Когда мы сели есть, я накрыла лужу тряпкой, а потом забыла.

– Прости, – говорю, кусая губу, – а вдруг за нами следил тот же человек, что расспрашивал о твоей семье и о Джо?

– Нет, этого не может быть.

– Патрик, давай сейчас же все расскажем Джо. Тогда мы перестанем бояться, что кто-то другой сделает это за нас.

Муж трясет головой.

– Никому не позволю принимать решение за меня.

– Но...

А я? Есть ли право голоса у меня? Кэролайн считает, что именно я скрываю правду от сына. Но разве не я всегда поднимала этот вопрос, а Патрик каждый раз отвечал, что время еще не настало?

– Все, хватит, – говорит муж и, наклонившись, целует меня холодными губами.

Он обнимает меня. Чувствую, как колетса его свитер. От прикосновения ледяной руки, скользнувшей под блузку, открываю глаза и вижу, что Патрик смотрит мимо меня, в окно, куда-то вдаль.

Пытаюсь расслабиться, Патрик все гладит меня, поднимает футболку выше, а я думаю только о том, что сверху нас увидят дети. Его руки уже подбираются к груди, я останавливаю их, прижимая ладонями.

– Только не здесь, не перед окном.

– Что, тебе уже надоели приключения?

Издевка ранит, как ядовитое жало. Отворачиваюсь.

Похоже, он не собирается отступать, и я вот-вот окажусь раздетой прямо перед незанавешенным окном. Наконец Патрик оставляет в покое футболку и, зарывшись лицом мне в волосы, сжимает объятия.

– Сара, ты должна привыкнуть к этому дому, полюбить его и не впадать в истерику, если тебе что-то кажется. Потерпи немного. Мы будем здесь счастливы, ты увидишь.

– Я этого представить не могу.

– Какая тебе разница, кто глазеет на наш дом? Все это не имеет значения. Твоя бурная реакция расстраивает детей. Они беспокоятся о тебе, хотят, чтобы ты была здесь такой же счастливой, как и я.

От ветра скрипят окна, хлопает какая-то дверь. От непонятно откуда взявшегося холодного дуновения мои руки покрываются гусиной кожей.

Патрик вздыхает.

– Это не дом-убийца, не пристанище монстров и призраков, или как там, черт возьми, его называют. Это просто семейный очаг, наш семейный очаг. И он ни в чем не виноват. Все из-за Яна, он просто сошел с ума. Дом тут ни при чем.

– Ян? Человек, который убил здесь ту семью?

Патрик отводит взгляд.

– Да, Ян Хупер. Разве я тебе не говорил? Он был немного старше, но я знал его.

– Знал, когда еще учился в школе? Когда жил в этом доме?

Патрик отвечает не сразу:

– Да, еще когда учился.

* * *

Смотрю на раковину в руках и думаю: поймешь ли, вспомнишь ли, что она означает? Хотелось бы заполнить ее своим шепотом и, снова оказавшись в доме, отыскав все тайники, оставить где-нибудь, чтобы ты ее нашел. Конечно, подбросить ракушку на крыльцо не так изящно, но и крик – не шепот. Однако поднимаешь ее не ты, а твоя женщина, и, прячась в темноте, я не могу сдержать смех.

Глава 6

Сара

Раздается стук в дверь. Стараюсь не обращать внимания, однако вспоминаю вчерашний день и человека, следившего за нашим домом, замираю на полпути к пыльным полкам. С той стороны окна, приложив ладони к стеклу, на меня кто-то смотрит.

Женщина лет шестидесяти, с букетом нарциссов. Увидев меня, она машет рукой. Натужно улыбаясь, открываю дверь.

– Здравствуйте! Надеюсь, я вас не испугала. Я постучала, но не была уверена, что вы слышали.

Бросаю взгляд в гостиную.

– Действительно не слышала, простите. Играла музыка.

– Я Лин Барретт из двадцать восьмого дома. Хотела зайти вчера, но муж сказал, что вам нужно дать время устроиться.

Еще нет и двенадцати. Суток не прошло, как мы въехали.

– Я и правда очень занята. Можете себе представить, надо распаковать уйму коробок.

Гостья широко улыбается.

– Я уверена, что вам необходимо передохнуть, – говорит она и входит в прихожую.

Отступаю, иначе мы бы с соседкой вполне могли поцеловаться.

Нехотя провожу ее в гостиную – единственное место, мало-мальски пригодное для приема посетителей.

– Да, у вас действительно много работы, – замечает она по дороге.

Предлагаю ей сесть и хочу поставить чайник, но Лин идет за мной на кухню и спотыкается о какой-то ящик. Я смущаюсь.

– Это вам. С ними все заиграет новыми красками, – разглядывая открытые ящики, разбросанную повсюду мятую упаковочную бумагу и отваливающиеся плитки, говорит миссис Барретт.

Ставлю нарциссы в вазу и, приготовив чай, переношу их на подоконник.

– Насколько я понимаю, вашего мужа зовут Патрик? Патрик Уокер? Он сейчас на работе?

Киваю. Если буду мало говорить, может, она скорее уйдет. Мне не

нравится, что она везде сует свой нос. По-моему, ей до смерти хочется заглянуть во все ящики, во все шкафчики. Еще немного, и попросит показать ей весь дом.

– Видела сегодня утром ваших детей, они шли в город. Собираются учиться в местной школе?

– Да. Пойдут со следующей недели. Простите меня, не хочу показаться невежливой, но сейчас действительно неподходящее время для...

– О, не беспокойтесь, я вас не задержу. Просто хотела поприветствовать новых соседей.

Я того не желала, но вышло грубо. Следует быть дружелюбней. Не хочу, чтобы по городу поползли слухи: в доме-убийце поселилась спесивая гордячка.

– Заходите на следующей неделе, когда я распакую вещи, у нас будет время поболтать.

Лин отпивает глоток и отставляет чашку. Я положила слишком мало заварки и налила много молока. Пробую свой чай – разбавленная молоком вода. И еле теплая. Похоже, я забыла вскипятить воду.

– Простите ради бога.

– Ничего, все в порядке, – говорит соседка, дотрагиваясь до моей руки. – Могу я перед уходом воспользоваться вашим туалетом?

Указываю ей на лестницу, а сама выливаю неудавшийся чай и, переставив на стол нарциссы, убираю с пола упаковочную бумагу. Вдруг слышу скрип половиц над головой. Однако над кухней не ванная, а комната Джо.

Поднимаюсь наверх. Ванная открыта, там никого нет. Миссис Барретт, похоже, туда и не заходила. Оглядываюсь, а она, красная от смущения, с телефоном в руке выходит из комнаты дочери.

– Вы фотографировали? – спрашиваю с подозрением и чувствую, как подступает тошнота.

– Нет, что вы! Телефон зазвонил, а в ванной слабый сигнал, так что...

Двери спальни распахнуты. Изо всех сил сжимаю кулаки.

– Я уже говорила, что очень занята. Мне кажется, вам сейчас лучше уйти.

Провожая ее вниз. У порога Лин оборачивается.

– Я всегда жалела его, когда он был ребенком.

– Простите, кого вы жалели?

– Патрика, вашего мужа. Всегда его жалела. Такой красивый молодой человек!

– Я ему обязательно передам, что вы заходили.

Она опять останавливается на пороге, и мне хочется вытолкать ее вон.

– Еще до убийства в этом доме происходили странные вещи. Родители Патрика... Нам велели держаться от них подальше. Все были потрясены, когда у них родился ребенок. Он был тут взаперти, а мы все переживали. Поэтому, когда узнали, что они сделали и что случилось с ними потом, никто не удивился.

Лин смотрит на меня испытующе, я хватаюсь за дверь и пытаюсь ее закрыть, однако гостя не унимается.

– Как я рада, что у Патрика все так хорошо сложилось. Говорят, что люди с прошлым... Удачи вам и вашим милым деткам, – не окончив предыдущей фразы, прощается Лин.

Миссис Барретт наконец уходит. Меня трясет. Разве к этому мы стремились? К параду фальшиво-дружелюбных соседей, что снуют вокруг дома, исподтишка снимая мобильными телефонами, шпионят и нашептывают ядовитые сплетни? Интересно, на что она намекала?

Подташнивает меня от чая, а горечь во рту – от ее слов.

* * *

В холле появляется Патрик, вешает плащ. Муж в мятом костюме, глаза уставшие. Сколько ни пыталась убедить его взять отпуск на время переезда, ничего не вышло.

– Поставлю чайник, – говорю.

Патрик идет за мной в кухню.

Тарелки и чашки после завтрака еще не вымыты. Ящик, который я открыла, чтобы извлечь тщательно завернутую в ткань посуду, так и стоит на полу со всем содержимым.

– Много успела сегодня распаковать? – спрашивает муж, когда я кидаюсь к другому ящику – за чайными пакетиками.

– Порядочно. Еще пару дней – и все закончу. С постельными принадлежностями уже почти справилась.

– Это хорошо.

Патрик снимает пиджак и, не отводя глаз от окна – там виден заросший сад, – расстегивает рукава рубашки. Похоже, муж чем-то так расстроен, что даже не замечает царящего вокруг беспорядка.

– Как ты себя чувствуешь?

Патрик оборачивается и удивленно моргает.

– Что? А, да, все нормально. Был... На работе много дел.

Патрик – инженер, работает в строительной компании. Раньше я искренне интересовалась его делами. Он часто показывал мне чертежи и планы, подробно рассказывал о домах, которые проектировал, а я все старалась понять. Однако понимала не больше, чем он в моей живописи. Патрик не сердился, смеясь, убирал чертежи, помогал мне отмыть запачканные краской волосы, мы продолжали болтать и в какой-то момент перестали слушать ответы на вопрос «как дела?».

Наверно, увидев, что я в плохом настроении, муж целует меня и улыбается.

– Я совершенно здоров. Просто немного устал и хочу есть. И к дороге еще не привык. Какие красивые, – говорит он, заметив нарциссы.

– Соседка принесла.

Улыбка на его лице сменяется тревогой.

– Соседка?

Сжимаю кулаки.

– Я застала ее на втором этаже, бегала с телефоном из спальни в спальню.

– С какой стати? – вскидывает брови Патрик.

– Не думаю, что ее интересовала мебель из ИКЕА. Скорее всего, организовала себе экскурсию по следам окровавленных призраков.

– Господи, – бормочет муж.

– Похоже, эта соседка тебя помнит.

Жду ответа, но Патрик отворачивается и принимается разбирать почту.

– Миссис Барретт говорила о чем-то странном, – начинаю я и осекаюсь, увидев напряженную спину Патрика. Не стоит об этом рассказывать сегодня. – Я подумала, не устроить ли встречу с теми – нет, не с назойливыми соседями, а с людьми, которых ты когда-то знал? Это помогло бы нам опять пустить здесь корни.

– Нет.

– Но...

– Моих друзей тут не осталось. Любой, кто меня помнит, мне не друг и хочет только одного – распространять клевету и сплетни. Не желаю видеть их в моем доме. – Патрик оборачивается ко мне. – Если эта, с позволения сказать, соседка появится снова, гони ее в шею.

Нахожу пасту, банку готового соуса. Нарезаю лук и перец. Патрик распаковывает и ставит в стенной шкаф тарелки. Кажется, сейчас удобный момент поговорить с мужем. Дети в гостиной, через стенку слышу то звенящий, то стихающий голос дочери. Она спустилась к ужину вся в черном, с подведенными глазами. Напоминает маленькую девочку во взрослом наряде, носит вещи, которых я не знаю, из-за яркого макияжа выглядит одновременно и старше, и моложе своих лет.

– Меня беспокоит Миа, – говорю, понизив голос, и проверяю, закрыта ли дверь.

– Перестала волноваться за Джо, теперь Миа. В чем дело? – вздыхает муж, закрывая створку шкафа.

– Я понимаю, мы рассчитывали, что начнем здесь новую жизнь, что у детей будет другое окружение, но Миа держится даже враждебнее, чем раньше.

– Да все у нее хорошо. Они оба в полном порядке. В понедельник пойдут в новую школу. Пожалуй, тебе лучше держаться от них на некотором расстоянии.

Меня словно громом поразило.

– На расстоянии?

– Ты к ним так льнешь, потому что чувствуешь себя виноватой. От этого у детей может развиваться клаустрофобия.

Вина – моя старая знакомая. Виновата перед матерью, перед Джо и теперь еще перед детьми за все, что им пришлось пережить из-за этих чертовых таблеток.

– Все это уже было, – продолжает Патрик, – с твоей матерью. Она умерла не по твоей вине, ты не делала ничего плохого, а чем кончилось? Ты не смогла оправиться от горя и позволила ему тебя раздавить. И чуть не погубила всю нашу семью.

С этими словами Патрик – голос сиплый – от страха ли, от огорчения или от того и другого вместе? – с таким грохотом швыряет тарелку на стол, что фарфор, словно молния, перерезает трещина.

Упрек мужа бьет по больному, не могу вздохнуть. Неужели я в самом деле едва не сломала жизнь всей семье? Ведь думала, это только мое горе. Думала... Меня переполняло чувство вины, чувство скорби, а все остальное словно отступало на задний план, переставало существовать.

– Я изо всех сил стараюсь наладить отношения в семье, но один не смогу. Сара, давай попробуем еще раз. В этом доме. Ведь если сейчас не получится, – вздыхает Патрик, – тогда я вообще не знаю, что делать.

Его тревога передается и мне. Что же я натворила?

Однажды кто-то спросил меня, где прошло мое детство. Во взгляде спросившего, когда он услышал название города, загорелась зависть: такое хорошее место, было так здорово проводить там каникулы... Каждый, будучи ребенком, приезжал сюда отдыхать. На каникулах ты не замечаешь гниения, не видишь ржавчины, гадких надписей на стенах. Не знаешь боли, уныния, бесконечной серой скуки, от которой спасаются алкоголем и наркотиками. С ней борются и от нее умирают. Тебе незнакомо искушение пустой комнатой, острой бритвой, обнаженным запястьем с пульсирующими венами. На ярмарочной площади ты радуешься рыбе с картошкой, мороженому и леденцам; тебе нравится песчаный пляж и пикники; о доме-убийце ты не знаешь ничего, поэтому просто любишь домиками с кружевными занавесками на окнах, из которых открывается вид на море. Ты не догадываешься ни о чем.

Глава 7

Сара

– Я подумала, что теперь, когда мы переехали, я могла бы найти работу.

Патрик листает газету.

– И по какой специальности? – ядовито замечает он и, язвительно улыбаясь, добавляет: – Давай шаг за шагом, хорошо? То ты планируешь позвать всех соседей, а теперь думаешь покорить целый мир. Надо сначала привести в порядок дом, а потом, конечно же, мы найдем что-нибудь подходящее и для тебя.

Сейчас, когда переезд за спиной, я хочу чего-то еще. Меня так и подмывает выйти из дома и найти себе занятие. Разве Патрик не мечтал о том же?

Он уже собрался на работу.

– Подожди, – говорю, – я тут вчера кое-что нашла.

Бегу наверх и, вернувшись, протягиваю Патрику две фигурки.

– Смотри! Скайуокер! Си-Три-пио!

Патрик берет кукол в руки. Помню, муж рассказывал про одно удивительное Рождество, когда он получил в подарок целую коробку с дюжиной персонажей «Звездных войн», и это было лучшее Рождество в его жизни. Я нашла их наверху, на подоконнике. Казалось, они ждали момента, чтобы поприветствовать вернувшегося домой хозяина.

– Обнаружила их в спальне – наверное, дети распаковали. Ты говорил, у тебя были все главные герои, но я никого больше не нашла.

– Это не мои.

– Твои! Сам рассказывал, неужели не помнишь?

– Моих выбросили. Много лет назад.

– Выбросили? Кто выбросил? Ты?

– Не я, но это не имеет значения. Даже если они мои. Просто игрушки – куски старой пластмассы, больше ничего. – Патрик бросает фигурки в помойное ведро.

Муж говорит, что игрушки не его, но они были в доме до нашего переезда. Значит, ими играли дети Эвансов. Под молчаливым взглядом Патрика вынимаю из ведра фигурки, отряхиваю от пыли. Странно, вчера их

на подоконнике не было, иначе я бы заметила.

* * *

Провожая Патрика, замечаю на берегу Миа. Сгорбленная, она, обхватив себя руками, понуро бредет против ветра. Почему она никогда не берет куртку? Хватаю ее школьный пиджак и перебегаю через дорогу.

– Надень, – говорю, поравнявшись с Миа, и тут же отступаю: волны разбиваются почти у самых ног. Дочь, похоже, этого не замечает, и ее туфли накрывает вода.

Она поднимает глаза.

– Спасибо.

Берет пиджак и, вместо того чтобы надеть, просто прижимает его к себе, так что ни от ветра, ни от соленых брызг защитить он не может.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю.

Она передергивает плечами, в руке зажат телефон.

– Хотела позвонить Ларе, но в доме такая дебильная связь...

– Дозвонилась?

– Автоответчик, – мямлит Миа.

Я киваю. С Кэролайн та же история. С того дня, как я выписалась из больницы, разговариваю только с ее автоответчиком. Иногда кажется, что она вообще переселилась на другую планету.

– Много лет назад ваш отец привозил меня сюда. – Поддеваю носком раковину. Миа наклоняется и достает ее из песка. – Не на этот пляж, а на другой, немного подальше. Мне нравились эти места. Папа покупал мороженое, мы гуляли вдоль моря, а потом ели рыбу с жареной картошкой. А вас с Джо мы катали в коляске для двойни и кормили, как птенчиков, опуская в открытые ротки мороженое и ломтики картошки.

Нагнувшись за другой раковинкой, Миа улыбается.

– А ты помнишь каникулы в Корнуолле? Мы каждый день ходили на пляж – было жарко. Сняли домик в пяти минутах от берега, и клянусь: через неделю в нашем коттедже оказалось больше песка и ракушек, чем осталось на пляже.

Я смеюсь, и на душе становится легче, впечатление от отвратительной соседки, от ее гадких намеков отступает на задний план.

– Как только погода наладится, обещаю: в первый же солнечный день мы устроим пикник, будем лакомиться мороженым, а вечером наедемся жареной картошки.

– И купишь нам ведерки с лопатками? У Джо было желтое, а у меня красное, помнишь?

– Ну конечно, они продаются на набережной, совсем рядом.

Очередная волна чуть не сбивает меня с ног. Миа – ее туфли опять намокли – весело хохочет.

Меня охватывает волнение: у нас все получится. Раковины, смех дочери, соленые брызги на лице, шум прибоя, крики чаек, голубое небо, проглядывающее сквозь облака... Это не просто недельный отпуск на море, после которого возвращаешься в пригород с его одинаковыми коробками домов и заплатками лужаек. Теперь мы здесь живем, это наша жизнь. Я уже почти вижу песок в холле, ракушки на полках, игру солнечных лучей, пронизывающих расставленные по подоконникам плоские с обкатанными морем цветными стекляшками. Если я смогу заставить Миа поверить в это – плевать на соседей. Может, нам действительно будет здесь лучше. Пальцы в кармане сжимают листок бумаги. Меньше чем в двадцати милях отсюда родился Джо. Так что я смогу все уладить, и можно будет наконец избавиться от страха, который привел нас сюда.

Поднимаю глаза и вижу мрачный темный дом. Он кажется необитаемым. Миа замечает мой взгляд и снова уныло опускает плечи.

– Мам, а потом надо будет возвращаться домой? – спрашивает она. – После пикника и мороженого? Опять возвращаться в дом-убийцу?

Беру дочь за руку.

– Мы все изменим, не позволим больше называть его домом-убийцей, так быть не должно. Сейчас пойду, открою все окна...

– Выпустишь привидения?

– Нет, прошлое. Призраков там нет, есть только воспоминания. Ян Хупер в тюрьме, и мы сделаем из дома, что захотим. Пусть морской воздух наполнит его новыми воспоминаниями.

– Ну да, все будет хорошо, – нехотя соглашается Миа. Все-таки она это произносит. Неплохое начало. – Хорошо, что у нас, по крайней мере, станет спокойнее. Здесь нет Кэролайн. Последнее время она от нас не вылезала, как будто жила вместе с нами.

Смотрю на дочь с удивлением. Оказывается, ее это раздражало. Кэролайн всегда приходила помочь, когда я не справлялась.

– Для тебя она тетя Кэролайн.

Дочь шмыгает носом.

– Может, эта тетя только прикидывалась твоей подругой.

– Ты о чем?

– Ни о чем. Забудь. Хорошо, что ты такая...

– Какая?

Миа передергивает плечами.

– Позитивная, что ли. Настроение у тебя теперь хорошее, и Кэролайн здесь ни при чем, правда же? Может, в этой бочке дегтя мы и впрямь отыщем свою ложку меда?

* * *

Возвращаемся домой. Навстречу, со второго этажа, застегивая куртку, спускается Джо.

– Ты куда?

– На ярмарку, – говорит он, вынимая из кармана и показывая мне горсть мелочи, – хочу попытаться счастья в галерее. Пойдешь со мной?

Отрицательно качаю головой.

– Нужно распаковывать вещи. Возьми Миа. – Достāju из кошелька десять фунтов, протягиваю сыну. – Играйте на все.

– Пошли, сестренка. – Джо с улыбкой дергает ее за волосы.

Из спальни наблюдаю, как они, смеясь и толкаясь, идут по улице, и в глубине души рождается очень приятное чувство.

Открываю окно, и, кажется, ворвавшийся с моря ветер не только уносит память о смерти, о кровавом преступлении, но и рвет паутину, рассеивает мрак, поселившийся в моей душе. Потому что я – так и не сумевшая выбраться из той ямы, в которую угодила, – сама похожа на давно заброшенный дом с заколоченной дверью.

Ветер усиливается, створки окна распахиваются и сбивают стоявшую на подоконнике вазу. Цветы, как дождь с неба, падают на идущую мимо женщину.

– Извините, ради бога, – кричу я сверху.

Она смотрит на меня и смеется.

– Что вы, не извиняйтесь, цветы к моим ногам еще не бросали. – Подобрав розы и герберы, она поднимает их вверх так, будто хочет, чтобы я взяла букет через окно. Улыбаюсь.

– Они вам нужны? – спрашивает женщина.

– Нет, оставьте себе.

Она зарывается носом в розу и смотрит на коробки, которые я выставила за дверь.

– Недавно переехали? Тогда цветы в знак гостеприимства должна была бы принести я.

- А мне нравится нарушать традиции.
- Если будете так приветствовать всех соседей, вас примут здесь с распростертыми объятиями, – улыбается женщина. – Кстати, меня зовут Анна.
- Сара.
- Приятно познакомиться. Желаю удачи с остальными коробками. Еще увидимся.

Анна уносит мои цветы, и, мне кажется, я слышу, как она мурлычет какой-то мотив. Она не проявила никакого любопытства, и во мне опять просыпается надежда. Я все время гадала, чем же переезд обернется лично для меня. Новый город, новые друзья, люди, ничего не знающие о нашем прошлом. Это похоже на приключение, о котором я мечтала. Вдруг с моря налетает новый порыв ветра, и на мгновение мне чудится, что он отрывает меня от земли.

* * *

Нужно покончить с коробками, но выглянуло солнце, и я, не в силах усидеть дома, бреду по набережной в сторону центра. В мертвый сезон в приморском городе особенно грустно: многие магазины закрыты, на пляже кроме хозяев, выгуливающих собак, нет ни души. Собираюсь дойти до ярмарки, купить детям тот самый пакетик жареного картофеля. Проходя по улице, вижу картинную галерею и останавливаюсь.

В витрине выставлен морской пейзаж. На фоне бесконечной синевы на прибрежной скамейке спиной к зрителю сидят двое, а рядом, на песке, свернувшись клубком, лежит собачонка.

– Что скажете?

На морском пейзаже, который я разглядываю, возникает призрачная фигура. Взвиваюсь от неожиданности, так как не сразу догадываюсь: это не игра моего больного воображения, а отразившийся в стекле человек.

Оборачиваюсь и вижу женщину. Она улыбается широкой улыбкой, словно давно меня знает.

– Простите, если я вас напугала.

Смущенная своей нервной реакцией, заливаюсь краской. Я была так поглощена пейзажем, что не заметила, как подошла эта женщина, и едва удержалась, чтобы не закричать. Наконец понимаю: это Анна, та самая, что унесла мои цветы.

– Вы знаете, цветы пережили падение, не завяли и очень оживили мою

квартиру. И скрасили день, так что спасибо.

Вспоминаю момент нашего приятного знакомства, летящие из окна цветы и улыбаюсь.

– Каждый день прохожу мимо и пытаюсь решить... – Анна умолкает на полуслове.

– Решить что?

– Друзья или любовники?

– Кто?

– Эти двое на полотне, – отвечает она, кивая на пейзаж. – Может, старая семейная пара на прогулке или друзья, увлеченные разговором. А может, тайные любовники на запретном свидании.

Опять всматриваюсь в картину: одна фигура склонилась к другой, как будто шепчет что-то на ухо или хочет поцеловать.

– Я думаю, они не знакомы, – продолжает Анна, – минуту назад встретились на берегу.

– Да, это не роман. Наверное, между ними проскочила искра. Иногда разговариваешь с совершенно незнакомым человеком и чувствуешь, что он мог бы стать твоим другом. Возникает мгновенный контакт.

Так было у нас с Кэролайн. В первый же день в колледже улыбнулись друг другу, и я тут же поняла, что мы подружимся. Снова бросаю взгляд на стоящую рядом женщину. Она выше меня ростом и на вид немного старше, чем я. Широкая улыбка, острые скулы, короткая стрижка. У нас одинаковые джинсы. У Анны темные волосы и яркая черная подводка вокруг глаз. Если вместо кед на новую знакомую надеть ботинки на толстой подошве, проколоть несколько дырок для пирсинга, то получилась бы одна из тех девочек, на которых, учась в художественном колледже, я так мечтала быть похожей.

Анна улыбается.

– Дурацкая картина.

Я тоже думаю, что нарисовала бы лучше, и смеюсь от удивления.

– Ну да. – Мой ответ такой же пресный, как и пейзаж за стеклом.

Возникает пауза. Кажется, молчание должно тяготить, но это не так.

– Ты только критик или сама тоже рисуешь? – спрашиваю, неожиданно переходя на «ты».

Не потому ли, что Анна напоминает студенток-художниц, которым я так стремилась подражать?

– Да нет, хотела когда-то. В школе неплохо получалось, но... На самом деле из меня вряд ли бы вышел художник. Тогда я стала смотреть, как рисуют другие, копила денежки и покупала их работы, чтобы вешать у себя

дома. Вот и все. А ты?

Открываю рот для ответа и не знаю, что сказать. Кто я сейчас? Разве я художник?

– Когда-то рисовала. И очень хочу набраться храбрости, войти сюда и спросить, нет ли какой-нибудь работы для меня.

Собеседница смотрит на меня скептически.

– В это время года с работой непросто, часть магазинов открыта только в сезон. До лета тебе вряд ли повезет.

Анна опять вглядывается в пейзаж.

– Не могу смотреть на это произведение без смеха.

Мне оно тоже кажется нелепым.

– Смотри. – Она тычет пальцем в название. – «Юрское побережье». Ты видела здесь такую синеву, такое спокойное море и безоблачное небо? Или даже что-нибудь мало-мальски похожее на эту сцену?

– Нет, – отрицательно качаю головой, – все должно быть серым, мрачным, штормовым.

– Не всегда, – задумчиво произносит Анна, глядя мне в глаза. – Я знаю такие места, где краски в сто раз ярче, чем на этом пейзаже. Подлинные краски моря и неба.

– В этих краях?

Она утвердительно кивает.

– Seriously, необыкновенно красивые уголки.

На миг пугаюсь, что Анна сейчас предложит показать эти пейзажи, и судорожно ищу повод вежливо отказаться и ускользнуть. Однако Анна со вздохом и подняв с земли пакет с покупками, прощается:

– Пора на работу. Приятно было встретить тебя снова. Может, как-нибудь заскочу поздравить с новосельем и сама принесу тебе цветы.

Дойдя до угла, Анна оборачивается.

– Слушай, в свободное от критики местных художников время я полдня работаю в кафе на Брод-стрит. Кофе там отвратный, но сервис великолепный. Загляни как-нибудь, и я расскажу, где на этом побережье найти живописные места.

* * *

Нужно искать в местной газете объявления о работе, распаковывать вещи. Вместо этого захожу в кафе и, выбрав столик у окна, беру в руки ламинированный лист меню. Неожиданно в кресло напротив садится Анна.

– Не думала, что ты примешь мое приглашение, – говорит она. – Должна признаться, здесь не только отвратительный кофе, но и обслуживание не очень.

– Разве не ты здесь за него отвечаешь? – улыбаюсь я.

– Вместо цветов, что задолжала, принесу тебе кофе, – смеется Анна, – только не говори потом, что тебя не предупреждали.

Она уходит, а я достаю альбом для набросков. После переезда я его еще не открывала, да и вообще почти не брала в руки после смерти мамы. Мир потерял для меня краски, покрылся серой пеленой, желание рисовать или писать маслом на холсте совершенно пропало. Может, потому я отдалилась от Джо – ведь мы так любили вместе делать наброски. Рассматриваю один: Джо и Миа сидят рядышком на диване и смеются. Неожиданно на листок ложится тень.

– Господи, как хорошо. Твоя работа?

Киваю. Анна хочет рассмотреть рисунок поближе, а я с трудом удерживаюсь, чтобы не вырвать альбом у нее из рук и не спрятать.

– И дети твои?

Опять молча киваю.

– Очень похожи, – произносит она, улыбаясь. Я вздрагиваю. – Извини, если...

– Все нормально, просто не совсем удачный рисунок.

Говорю не из ложной скромности. Конечно, это не лучший мой рисунок с детьми, но один из тех, к которым я постоянно возвращаюсь. Анна права: на нем Миа и Джо напоминают близнецов.

– Слушай, Сара, у меня для тебя кое-что есть. – Анна приносит стойки листовку. – Объявление из той галереи. Мы хотели повесить его в окне, да руки не дошли. Это, конечно, не работа, но все-таки шанс.

Объявление о предстоящем открытии выставки местных живописцев.

– Галерея часто выставляют их работы, – продолжает Анна, – и всегда старается найти для экспозиции новых художников. В таком городке, как ты можешь представить, количество талантов ограничено. Так что сразишь всех.

– Нет, – говорю, – не могу. Я не смогу. За последние месяцы не нарисовала ничего стоящего.

Она опять пролистывает альбом и задерживается на угольном портрете Патрика. Я рисунок не закрепила, так что он расплылся и побледнел.

– Обратись к Бену, он хозяин галереи. – Анна возвращает мне альбом. – Покажи ему рисунки, послушай, что скажет. – Прости. – Она

откидывается на спинку стула. – Совсем заморочила тебе голову. Я всегда такая. Не буду надоедать, пей свой кофе. И заходи еще. Если передумаешь насчет галереи...

Анна записывает на листовке номер телефона и вкладывает в альбом.

– Приятно было снова тебя увидеть, – говорит она с улыбкой и, звеня браслетами на запястье, отходит от столика.

Догадываюсь, почему она кажется мне такой знакомой. Напоминает Кэролайн в наш первый день в колледже, в тот безумный день, когда она – самоуверенная, с серьгой в носу и двухцветными волосами – подошла ко мне знакомиться.

По дороге домой изучаю листовку. Я не выставилась со студенческих лет. Сердце начинает биться сильнее. Когда Джо и Миа еще ходили в ясли, я что-то рисовала, но потом времени на себя уже не оставалось. Кэролайн продолжала участвовать в выставках, а я даже не пыталась.

* * *

– Что это? – спрашивает Патрик, увидев на столе объявление.

– В городе есть галерея. Они устраивают выставку картин местных художников, и я подумала... Отнесу им несколько своих вещей, вдруг заинтересуются и выставят в следующий раз. Мне кажется, это будет хорошо не только для меня, но и для всех нас, – говорю мужу и расплываюсь в улыбке. – Если получится, стану выходить на природу, снова писать пейзажи. В жизни появится цель. Со временем, возможно, что-нибудь купят, а деньги нам никогда не помешают. Заплатим хотя бы за краску и обои.

Мне кажется, так я могла бы помочь с ремонтом, однако муж хмурит брови.

– Не думаю, что, выставившись в старомодной галерее для туристов, можно заработать на рулон обоев. Сара, смотри на вещи здраво: ты не окончила второй курс колледжа, ты не художник. Даже в этом захолустном подобии галереи тебя поднимут на смех.

Не удержавшись, бросаю взгляд в холл, где висит одна из моих работ. Предполагалось, что на ней будет изображен дом, каким его представляет Патрик, но не получилось – ни по цвету, ни по рисунку. Я пыталась спрятать картину, а муж нашел ее и настоял, чтобы она заняла место на стене.

– Конечно, я люблю твои работы, ведь их нарисовала ты, – вздыхает он

и притягивает меня к себе. – Это прекрасно – в качестве хобби, но выставка? Ты окажешься в глупом положении.

Патрик бросает объявление в корзину и уходит вверх. Я готова заплакать, щеки пылают. Достāju телефон и, помедлив минуту, набираю номер.

– Анна? Это Сара. Да, Сара с цветами. Слушай... Давай встретимся как-нибудь за чашечкой кофе?

* * *

В моем сне, в том, что снится про этот дом – обыкновенный дом, а не про дом-убийцу, – двери всех комнат выходят в коридор, и они всегда заперты. Каждый раз, когда вижу этот сон, они всегда закрыты. Но во вчерашнем сне одна дверь оказалась открытой. Разбудил меня собственный стон, крик, вой, но это неважно. Ведь мой плач все равно никто не мог услышать.

А ты прошлой ночью не просыпался? До тебя не долетели мои стоны? Разве морской ветер не подхватил их, не перенес через весь город? Разве они не проникли сквозь каменные стены? И у тебя, потревоженного эхом моего голоса, не зашевелились на голове волосы?

Глава 8

Сара

Выхожу проводить Джо и Миа. Новая школа недалеко, мне хочется пойти вместе с ними, да только одному – семнадцать, а другой – пятнадцать, так что они скорей умрут, чем позволят матери их сопровождать. Бормочу «до свидания!», обхватив себя руками, ежусь на холодном ветру и, пока сын и дочь не скрылись из виду, смотрю им вслед.

Стараюсь глубоко вздохнуть, сглатываю комок в горле и бреду к дому. Вдруг на береговой тропе^[4] замечаю размытый туманом силуэт и замираю. Этот кто-то смотрит не на море, а на меня. В лучах холодного утреннего солнца чувствую не страх, нет – ярость и, перебежав дорогу, выхожу на пешеходную дорожку.

– Эй, – ору я вслед удаляющейся фигуре, – в чем дело?

Бесполезно кричать против ветра. Кто бы ни был тот человек, он уже скрылся за холмом. Запыхавшись, преодолеваю половину подъема. Но в тонкой футболке так холодно, что спускаюсь обратно. Проходя мимо двадцать восьмого дома, в окне второго этажа вижу Лин. Наблюдает за мной. Мимо Патрика – он как раз надевает куртку в прихожей – пулей влетаю в дом.

– С тобой все в порядке? – спрашивает муж.

Я киваю и подставляю щеку для поцелуя.

– Показалось, что увидела знакомого. Вот и все.

Взглянув на пустую дорожку, Патрик хмурит брови.

– Постараюсь прийти сегодня пораньше.

– Перестань, я прекрасно себя чувствую.

Однако, услышав стук захлопнувшейся двери, вздрагиваю и, чтобы успокоиться, делаю несколько глубоких прерывистых вдохов. Выглядываю в окно – на береговой тропе пусто. Проверив по дороге, закрыта ли цепочка на входной двери, иду на кухню. Меня окружает мертвая тишина. Включаю радио, прибавляю громкость и мою посуду, оставшуюся после завтрака. Беру тряпку и, протерев кухонное окно, распахиваю его настежь. В помещении становится светлее, на душе – немного легче.

Посуда убрана, стол вытерт. Смотрю на бесчисленные коробки. Клянусь, с прошлого вечера эти горы даже подросли. Вчера были Анды,

сегодня – Гималаи. Проблема в том, что... Конечно, до прихода Патрика я могу все распаковать, а что делать потом, когда начнем перестилать полы и красить стены? Придется все складывать обратно.

Вдруг вершины картонной гряды освещает вынырнувшее из-за туч солнце. Я живу на берегу моря и не собираюсь в солнечный день прятаться от тех, кто, прогуливая собак, интересуется новыми обитателями дома-убийцы.

В мозгу звучит умоляющий шепот Патрика: «У тебя получится, измени его, сделай другим, сделай лучше».

«К черту», – бубню себе под нос и хватаю ключи. Разве не желание изменить жизнь занесло нас сюда? Пусть это не тропический берег моей мечты, но все-таки увлекательное приключение. Или станет таким, если я постараюсь.

* * *

Здесь есть магазинчик «Сделай сам». Он маленький, тесный, забит старыми деревянными шкафами и полками со всякой всячиной. Там пыльно, пахнет сыростью и опилками. Выбор красок и обоев небольшой, да и стоят они, вероятно, раза в два дороже, чем в крупном торговом центре, однако я ждать не могу. Не терпится вновь увидеть на лице мужа восторг, волнение и надежду.

И я могу этому помочь. Вот белила фирмы «Фэрроу энд Болл», обои с бабочками от «Осборн энд Литтл». Пожалуй, надо взять еще несколько рулонов и еще краски.

Пока несу товар к кассе, начинает ломить спину. Оглядываюсь по сторонам, не следит ли кто, но в магазине нет ни одного покупателя.

– Похоже, у вас будет немало работы, – кивая на мои пакеты и ожидая, пока пройдет оплата, говорит продавец.

– Так и задумано, – улыбаюсь в ответ.

Я уже выхожу, как вдруг слышу:

– Скажите, это вы поселились в доме-убийце?

Улыбка сползает с моего лица. Так вот кто мы теперь – новая семья из дома-убийцы? Пропускаю вопрос мимо ушей и, крепче ухватив пакеты, ускоряю шаг. Нет, этому не бывать.

* * *

На береговой тропе нахожу скамейку и, бросив на землю сумки с покупками, сажусь передохнуть.

– Я знал, что это ты.

Улыбаюсь. Это Джо. Он садится рядом. Форма новой школы мне не нравится – слишком много черного. На ее фоне мальчик кажется бледным, резче выделяются темные круги под глазами.

– Вас раньше отпустили?

– Нет, просто у меня перерыв между уроками.

– Или, как мать, отлыниваешь?

– От чего?

Вздыхаю.

– Обещала отцу весь день распаковывать коробки. Их так много, а солнце такое...

– Что ты махнула на них рукой.

– Я должна их разобрать, но...

– Мам, не объясняй, не нужно.

– Как прошел первый день?

Джо пожимает плечами, откидывается на скамейке и, закрыв глаза, подставляет лицо неяркому солнцу.

– Уроки, по-моему, нормально. Художественный класс очень достойный, и учительница мне понравилась. Обещала помочь мне сделать портфолио.

От его слов в душе вспыхивает радость. Я так волновалась – сможет ли Джо найти себя? Разовьет ли свое дарование? И слушать, что он воодушевлен, строит планы на будущее, просто замечательно.

– Ты по нему скучаешь? – спрашивает Джо.

– Ты про старый дом?

Он кивает.

Пока думаю, что ответить, всматриваюсь в морскую даль. Скучаю ли я? Не хватает Кэрлайн. И походов в город за покупками. В том доме я прожила много лет, но был ли он мне дорог? Безликий, просто никакой, точно пустой холст. Новый дом, дом-убийца, полон разных возможностей. Однако, к сожалению, не только их.

– Меня радует, что здесь можно многое сделать, – отвечаю наконец. – И в доме, и в городе. Мечтаю о лете: к тому времени отремонтируем дом и сможем больше гулять. Но... Там я спала по ночам, а здесь будит гудящий за окнами ветер, шум моря, какие-то скрипы и шорохи. Я по-прежнему просыпаюсь от сердцебиения и представляю...

Умолкаю на полуслове. Джо понимающе кивает.

– Знаю. – Он нагибается вперед, темные волосы падают на лицо. – А это что? – спрашивает, глядя на сумки.

– Хочу, чтобы дом стал по-настоящему нашим. Хочу превратить его в уютное семейное гнездо.

* * *

Джо возвращается в школу, а я домой. Раздается звонок. Беру телефон и слышу звук, напоминающий свист ветра, какие-то щелчки. Жду. Телефон молчит. Наверное, ошиблись номером или неполадки со связью. Пугаться я не собираюсь. Все только и ждут, что мы смиримся с ярлыком, который на нас навесили, но я этого не допущу.

Выталкиваю из гостиной в холл гору ящиков и принимаюсь за дело. Нежной серо-голубой краской покрываю грязно-серую, в желтых подтеках, стену. Замазываю Яна Хупера, замазываю дом-убийцу. Вместо него здесь снова будет семейный очаг Патрика Уокера. Просто дом, где поселится счастье. Представляю улыбки на лицах детей, когда вернутся из школы.

Докрасив стену, около двери замечаю нацарапанные ручкой инициалы «Т» и «Б», а рядом черточки. Самодельная шкала с отметками, обозначающими рост Тома и Билли Эванс. Свою последнюю метку Билли так и не перерос, а Тома, укрывшегося от монстра под кроватью, никто никогда больше не видел. Застываю. Краска стекает на пол. Делаю глубокий вдох и медленный выдох.

– Проклятье! – шепчу, проводя валиком по стене вверх-вниз, вверх-вниз, замазываю надписи, и призрачное напоминание о двух маленьких мальчиках, живших здесь когда-то, исчезает под слоем краски.

– Проклятье, – повторяю.

Веселого настроения как не бывало, на глаза наворачиваются слезы, к горлу подступает комок. Перекрашиваю стену и, бросив валик в ванночку, рассматриваю, что получилось. На гладкой поверхности не осталось ни черточек, ни букв.

* * *

Первой из школы возвращается Миа. Встречаю ее в коридоре. Она сбрасывает туфли, швыряет на пол и куртку, и сумку, а я иду следом.

– Ну как?

Дочь пожимает плечами и направляется в кухню, напрямиком к холодильнику.

– Нормально. Если приходишь в середине учебного года, чувствуешь себя как в цирке, на представлении уродов.

– А как тебя приняли?

– Мам, – смеется Миа, – это не прием.

– Ну а все-таки...

– Не окружили, гимнов не пели, но отнеслись, кажется, дружелюбно. А учителя как учителя. Есть несколько дураков, а так – ничего необычного.

– Вот и хорошо, – говорю, доставая из буфета печенье.

– А ты что делала? – спрашивает Миа, слизывая с бисквита шоколад.

– Пойдем покажу. – Веду ее в гостиную.

– Классно! Мам, смотри: здесь ты не докрасила.

Убираю измазанные шоколадом руки дочери от свежей краски.

– Где?

Миа показывает на стену против окна, рядом с дверью.

Чувствую трепет, словно стая бабочек с обоев поселилась у меня внутри. На чистой стене – темные отметки. Подхожу ближе – и отступаю: через слой краски все еще просвечивают инициалы.

– Хочешь, я закрасшу? – предлагает Миа и тянется за валиком.

– Не надо. – Хватаю ее за руку, не даю коснуться стены. – Оставь.

Дочь наклоняется к буквам и вздрагивает.

– Господи! Это они?

Киваю.

У Миа зуб на зуб не попадает.

– Почему ты не хочешь закрасить? Это же кошмар.

Зачем ей знать, что я пыталась, но не смогла? Все другие пометки исчезли, а эти нет. Похоже, корявые «Б» и «Э» Билли нацарапал сам. Миа проводит по ним пальцем и шепчет:

– Бедный...

Хлопает дверь – мы обе взвиваемся. Слышен приветственный крик Патрика. Смотрю на часы: только половина пятого. Почему он не на работе? Выбегаю в холл: муж, оторвав взгляд от картонного «Эвереста», удивленно смотрит на меня. Приглаживаю волосы. Этим утром я даже душ не приняла, не говоря о макияже. И переодеться не успела. Так и стою в линялой футболке и растянутых джинсах.

А Патрик, наоборот, выглядит безукоризненно: как и утром, на рубашке – ни морщинки, ни следов пота, ни пятнышка. Бодр и свеж. Ощущаю аромат пряного лосьона после бритья и геля для душа. Хочу

поцеловать мужа – он слегка отстраняется.

– Прости, – говорю, отряхивая футболку, – потеряла счет времени.

– Как успехи? – Патрик кивает на ящики.

– Сегодня не очень.

– Сколько разобрала?

Вздрагиваю.

– Нисколько.

– Что?

– Подожди, были причины. У меня сюрприз.

Хватаю удивленного Патрика за руку и мимо дочери – она собралась подняться к себе в комнату – веду в гостиную.

– Закрой глаза, – говорю, подводя его к свежевыкрашенным стенам.

Две уже готовы и даже частично оклеены обоями. Вполне можно представить: будет красиво, как в тех домах, о которых пишут глянцевые журналы.

Пока идет ремонт, хочу сделать еще кое-что. Нащупываю бумагу в кармане. Она все время со мной. Адрес того места, где выросла родная мать Джо. Сегодня вечером, сидя в нашей прекрасной новой гостиной, намереваюсь обсудить свой план с Патриком. Я заставлю его понять: мы не должны ничего откладывать, необходимо поехать туда и посмотреть правде в глаза.

– Теперь можно!

Патрик разглядывает стены, разбросанные по полу рулоны обоев и банки с краской, а я крепко сжимаю его руку.

– Сюрприз, – повторяю веселым голосом. – Правда, похоже на журнальные фотографии?

Молчание. Моя улыбка гаснет. Из одного пакета на пол выпал чек. Муж поднимает его.

– Ты что, на обои с краской потратила триста фунтов? И только для одной комнаты?

– Знаю, это много, но посмотри, какие прекрасные цвета. Точь-в-точь как в том журнале, что ты показывал.

– Да, и все-таки: три сотни фунтов?

– Ну да. Прости, я хотела тебя удивить.

Муж ерошит волосы и, разглядывая пакеты на полу, тяжело вздыхает.

– И ты меня прости. Получилось великолепно, но... Может, еще можно что-то вернуть?

– Ты же говорил, маминых денег без проблем хватит и на ремонт.

Патрик долгим взглядом смотрит мимо меня, на еще не

перекрашенную стену и наконец отвечает:

– Банк запросил в качестве залога больше, чем я предполагал.

– И что это означает? Сколько у нас осталось?

Он опять медлит.

– Нисколько. Пришлось потратить все.

Закусываю губу, чувствую вкус крови. Он потратил все.

– Ничего страшного, – добавляет Патрик, – станем жить экономнее.

Если хотим привести в порядок весь дом, нужно спланировать, что, как и когда делать. Вначале нужно бы отремонтировать электропроводку, полы и кухню. Это большая и очень важная часть работы. С отделкой можно подождать.

– Чем же мы будем платить, если из маминых денег ничего не осталось?

Я и не ожидала, что слова мои прозвучат так горько.

Патрик, сложив, убирает в карман чеки за мои покупки.

– Я не говорю, что ремонт нам совсем не по средствам. Для начала куплю белил, они освежат стены, а потом послужат грунтовкой. В любом случае спасибо, – добавляет он, дотрагиваясь до моей руки, – спасибо, что стараешься.

Мысленно чищу свою палитру: стираю неаполитанский желтый и красно-коричневую жженую сиену, восхитительный голубовато-зеленый виридиан и убираю ярко-красный сгусток крапп-марены. Думала, этот дом станет моим холстом. Размечталась! Смотрю на листок с адресом и, пока Патрик не спросил, что у меня в руках, свернув, прячу бумагу в карман.

* * *

Десятичасовой автобус – он останавливается около ярмарочной площади – жду только я. Патрик с утра забрал краску и обои, а в утешение пообещал принести что-нибудь на ужин. Еще раз перечитываю адрес. С тех пор как умерла мать Джо, прошло почти восемнадцать лет. Возможно, остался кто-то из ее родственников.

Когда появляется автобус, раздается голос Патрика:

– Сара?

Он припарковался на другой стороне улицы и, выбравшись из машины, идет ко мне.

– Увидел тебя, но подумал, что ошибся.

– А я думала, что ты на работе.

– Ты же знаешь, я возвращал в магазин краски и обои.

На самом деле он ушел из дому полтора часа назад.

– Сара, куда ты собралась?

Чувствую, как горят щеки. Ничего не могу придумать и просто протягиваю ему листок с адресом. Бледное лицо Патрика омрачается страхом.

– Зачем тебе это?

– Я подумала, если бы мы знали наверняка, что Джо ищут родственники его матери, то смогли бы подготовиться. Я не собиралась с ними разговаривать, хотела только...

Хотела посмотреть на них, понять, кто эти люди, узнать в их глазах взгляд моего мальчика. Когда он был ребенком, следовало бы подробнее расспросить Патрика об умершей матери. Помню, он спрашивал, уверена ли я, что возьму Джо, учитывая его происхождение и все такое. Однако Джо тогда уже стал моим ребенком, моим сыном. Я полюбила его, и мне в голову не пришло от него отказываться.

Жду, что муж начнет кричать, разорвет бумагу в клочки, потащит меня домой. Он же не делает ни того, ни другого. Кажется, вот-вот заплачет. Я вздрагиваю.

– Пожалуйста, не надо! – просит Патрик.

Листок дрожит в его руке.

– Извини, я подумала...

– Я так долго ждал, когда мы наконец сможем здесь поселиться. Я так мечтал, чтобы это свершилось, чтобы дом стал таким, каким я его вижу. Но одному мне не справиться. Особенно если ты по-прежнему будешь тащить сюда всякую мерзость. – Мой листок Патрик кладет в карман. – Сара, прошу тебя, не спеши. Ведь мы договорились подождать. Это было нашим общим решением. Я не хочу потерять сына. Особенно сейчас.

Муж на меня не смотрит. Его взгляд устремлен в сторону площади.

– Помнишь, здесь ты сказала мне, что беременна нашей дочкой?

Помню, конечно, помню. В ярмарочном киоске Патрик выиграл для Джо мягкую игрушку, а я сказала, что стоило постараться и выиграть еще одну.

– Разве не чудесное было время? – говорит Патрик. Он расплывается в улыбке, от страха и огорчения не осталось и следа. – Боже, как я был счастлив.

Все правда. Воспоминания о таких минутах люди берегут в сердце всю жизнь.

– Хорошо, я подожду. Ради тебя и ради нас. Обещаю.

Женщина, которую ты привез в дом-убийцу, стройная и симпатичная. Длинные светлые волосы и бледное личико. Она моложе тебя, улыбчивая, но очень ранимая. Под глазами круги, будто не спала всю ночь. Интересно, твою блондинку тоже мучают сны?

Я наблюдаю, как она бродит из комнаты в комнату: похоже, каждый шаг дается ей с трудом; как выбегает на крыльцо и набирает полные легкие воздуха. Можно подумать, что, находясь внутри, она все время сдерживает дыхание.

Кто-то останавливается, заговаривает с ней. Она улыбается, но я даже с противоположной стороны улицы вижу ее смятение. Эту женщину с беззащитной улыбкой, женщину, полную глупых мечтаний, можно запросто сломать.

Интересно, меня она тоже встретила бы улыбкой? Пригласила бы попить чайку и попросила помочь избавиться от привидений, которые мерещатся ей в доме-убийце?

От моих историй ее улыбочка бы сразу пропала. Она узнала бы, что скрывают обои, отчего в стенах образовались дыры и как они превратились в тайники...

Блондинка ничего о них не знает. Она видит только верхушку айсберга.

Глава 9

Сара

– Ты уверен, что можешь тратить на это время? Разве тебе не нужно на работу?

Держа в руках проспект, Патрик открывает следующий шкаф и сравнивает его с картинкой.

– Это сейчас важнее.

У мужа усталый вид, под глазами круги – темные, как его пиджак. На затылке торчит прядь волос, и она, не знаю почему, беспокоит меня даже больше, чем мятая рубашка или новые морщины на лице.

– Но... – Я пытаюсь возразить и умолкаю. Патрик сводит брови. Опять все испортила. – Прости, я думала, ты очень занят на работе. Я помню, ты же говорил.

– Мне дали пару свободных дней, – прикрыв глаза, отвечает Патрик.

Сейчас? Даже на переезд ему удалось взять только один, а дел тогда было куда больше. Ну что ж, я рада. Патрику необходимо передохнуть. Прошлую ночь он плохо спал. Я проснулась – в котором часу, не помню, – муж шептал во сне что-то бессвязное, стонал – просто мороз по коже. Потом вдруг сел. Дыхание прерывистое, тяжелое. Притворилась, что сплю. Не знаю почему, но я не поднялась, не успокоила, как случалось раньше, когда мужа терзали ночные кошмары.

Патрик устремляется к ближайшему продавцу. Иду следом.

– Сара, давай начнем с этой. – Муж смотрит на фотографию, которую он пометил. На ней очень красивый кухонный гарнитур.

Мы сидим в центре выставочного зала магазина «Сделай сам» и ждем, когда продавец, закончив наконец расчеты и замеры, изобразит кухню нашей мечты.

– Ты увидишь, как все будет замечательно, поймешь, каким может стать дом: новая сантехника, электропроводка, бытовые приборы. А потом мы обязательно займемся отделкой. Я обещаю.

Я тоже увлечена. Как по исполинскому кукольному домику, бродим среди мебельных гарнитуров. Позволяем продавцу соблазнять нас потайными ящичками, встроенным освещением и двухкамерными духовками. Соглашаемся на все.

– Когда выберем половое покрытие и плитку, подумаем и о новой ванной, – шепчет Патрик мне в самое ухо.

Я вздрагиваю.

Раньше все это меня бы рассмешило: млеем от какого-то дурацкого крана для мгновенной подачи кипятка. Как, когда мы превратились в пару, чье главное развлечение – еженедельный поход в хозяйственный магазин?

«Лучше так, чем то, что со мной было прежде», – говорю я себе и перестаю веселиться. Продавец – он моложе нас лет на пятнадцать – видит перед собой мужчину и женщину средних лет. Супруги обсуждают кладовые и семейные обеды. За неделю он, должно быть, насмотрелся на сотни подобных пар. Он не знает, что видит женщину, которая живет во лжи, что эту мать семейства, наглотавшуюся таблеток, три месяца назад выписали из клиники, поэтому муж и дети обращаются с ней как с хрустальной вазой. Пусть уж лучше продавец видит во мне хозяйку образцовой кухни со светлой мебелью и встроенным винным шкафом.

Вот почему я на все согласилась. Патрик сказал: «Давай не будем ждать, давай потратим все деньги, возьмем кредит». Тогда я, возможно, и стану той, кем представляет меня этот молодой человек.

Он покашливает, прочищает горло. Приветливая профессиональная улыбка сползает с лица, на щеках вспыхивает румянец.

– Мистер и миссис Уокер, к сожалению, ваша заявка на кредит отклонена. Есть ли у вас другие средства для оплаты заказа?

* * *

Патрик широким шагом направляется к машине. Чтобы не отстать, я почти бегу. Садимся в автомобиль. Тот весь трясется от удара водительской двери. Патрик сжимает руль – костяшки пальцев побелели от напряжения, – но мотор не заводит.

– Не расстраивайся, – говорю, – не нужна нам сейчас новая кухня. Покрасим старые шкафчики – будут не хуже, чем из магазина. И обойдемся той техникой, которая есть.

– К черту! Я не хочу обходиться! – орет Патрик и с такой силой бьет по рулевому колесу, что я подпрыгиваю.

Муж вздыхает, включает зажигание и молча выезжает с парковки. Мое сердце бешено колотится. От пережитого в магазине унижения горят щеки. Кусаю губу. Не могу понять: почему нам не одобрили кредит? Мы давно пользуемся кредитными картами, брали заем на машину и, насколько я

знаю, никому ничего не должны. Конечно, если не считать ипотеки за дом-убийцу. Неужели из-за нее? Все имущество оформлено на имя Патрика. У меня нет дохода, нет сбережений. Только мамины деньги. Муж планировал, организовывал и уверял, что с их помощью нам удастся избежать материальных затруднений. Мы кое-что откладывали, его пенсионный фонд... Сердце стучит все сильнее: разве банк позволил бы все вложить в ипотеку?

Подъезжаем к дому. Патрик выключает двигатель и первым нарушает молчание.

– Когда отец потерял этот дом, он превратился неизвестно во что. Тогда я решил, что дом обязательно станет моим, я дал себе слово вернуть ему былую красоту и совершенство. А что на деле? Чем я лучше отца? Даже не могу найти пятнадцать штук на кухню!

– Патрик...

Дотрагиваюсь до его руки. Муж отбрасывает мою ладонь.

– Прекрати.

* * *

Звоню Кэролайн. Как обычно, жду сигнала и поспешно наговариваю сообщение: «Кэролайн, это Сара. Хочу... Пожалуйста, не надо больше искать информацию про Джо. У нас масса проблем с переездом. Патрик прав: сейчас не время. Не знаю, просила ли ты Шона, только пусть он больше ничего не выясняет. Спасибо».

Кладу трубку и оглядываю комнату. Надо делать то, что обещала. Не будет у нас ни новой сияющей кухни, ни ванных комнат. Пора приниматься за генеральную весеннюю уборку. На софу бросаю диванные подушки, полки в нишах заполняю книгами. Конечно, старый газовый камин не очень похож на дровяную печь нашей мечты, но все же от него распространяется уютное тепло и приятное мерцание. Зажигаю ароматизированные свечи, ставлю на журнальный столик цветы. Комнату наполняют запахи воска и корицы. Здесь пока еще не очень красиво, но скоро будет. Обязательно будет.

В гостиной, где должно быть светло и солнечно, из-за налета на стеклах темно и мрачно. Стою перед эркерным окном и через мутно-белое стекло различаю призрачную фигуру прохожего. В комнату, закатывая рукава, входит Патрик.

– Смотри, – показываю на окно.

Он подходит ближе.

– Оставь, не трогай. Я поспрашиваю в округе, найду мойщика окон. По крайней мере, ты можешь не бояться, что кто-то снаружи за тобой наблюдает.

Чувствую по тону – муж в это не верит. Лишь подтрунивает над дуручкой, которая подозревает, что за ней следят, дрожит от воображаемого холода и подпрыгивает от каждого звука.

Наклоняюсь к окну и провожу пальцем по стеклу – внутри оно чистое.

– Не трогай, – повторяет Патрик. – Давай сосредоточимся на покраске стен и распакуем оставшиеся коробки.

Через тучи с трудом пробивается солнце. Даже через мутное стекло ощущаю слабое тепло. Вслед за Патриком выхожу в холл.

– Думаю, мне надо пройтись, обследовать город.

Анна говорила, что здесь есть кафе с видом на море.

Повисает пауза. Муж застегивает запонки и, разглядывая свое отражение в зеркале, приглаживает волосы.

– Мне кажется, на прошлой неделе ты уже обследовала город. Неужели сейчас на это есть время? – спрашивает он.

Замечаю в зеркале, за моей спиной, что вдоль стены выстроился ряд банок дешевых белил, и встречаю пристальный взгляд отражения Патрика.

* * *

Патрик уходит, а я, оставив краску, где стояла, беру тряпку и, наполнив горячей водой ведро, выхожу из дому. Под окном муж выгородил место под клумбу: жирная черная земля кишит червями. Я это точно знаю, так как туда все время садятся птицы, не улетевшие на юг за теплом и солнцем.

Через будущую клумбу тянусь к окну. Стекло шершавое на ощупь. Поддавшись внезапному порыву, дотрагиваюсь до него языком.

– Это соль, – вдруг слышу за спиной.

Я оступаюсь. Нога проваливается в грязь с червяками.

– Черт!

– Нет, правда, это соль. – Оборачиваюсь и вижу улыбающегося мужчину.

Незнакомец не обращает внимания на сумасшедшую, что лижет оконные стекла, на ее облепленную грязью ногу. Он разглядывает дом.

– Все из-за того, что море слишком близко. Вот и образуется соляной налет. Неудачное место – в этом направлении постоянно дует ветер.

Поэтому окна вам надо очищать два раза в неделю. Особенно зимой. Вы, наверное, заметили, что в вашей комнате стекло тоже покрыто солью, – добавляет мужчина, указывая на окно спальни.

– Почему вы решили, что она моя?

Он улыбается.

– Догадался. Оттуда должен открываться самый красивый вид.

Отступаю к входной двери. Неужели он видел меня через окно? Пытаюсь представить этого человека там, где заметила другого любопытного. Разве он такого же роста?

– Вы моете окна? Ищете работу?

– Меня зовут Бен. Я из галереи. Помните? Простите за неожиданное вторжение, ваша подруга сказала, что у вас есть интересные работы.

Морщю лоб. Какая подруга?

– Анна! – Мужчина удивленно поднимает бровь. – Работает в кафе возле галереи, за углом.

– Да, конечно. Она не говорила... Сейчас мне нечего показать, готовых вещей нет. Я не ожидала...

Бен мрачнеет.

– Простите. Я думал, вы знаете, что я зайду. Шел мимо, а вашего телефона у меня нет.

Интересно, куда же этот владелец галереи направлялся? Ведь пришел он из города. Оглядываюсь по сторонам – нигде ни души. Пячусь к дому. И тут жужжит мой мобильник – сообщение от Анны:

«Только не убивай меня. Знаю, сама ты в галерею зайти бы не решилась, поэтому и взяла на себя смелость...»

Бен, заглядывая в холл через открытую дверь, пытается рассмотреть мою картину – перенесенную на холст фантазию на тему островерхого дома, в котором прошло детство мужа.

– Ваша работа?

Я киваю.

– У вас дом похож на...

– Ну да.

– Я знал парня, который здесь жил.

Заливаюсь краской. Бен, скорее всего, был знаком с Патриком. А муж сказал, что любой, кто его помнит, ему не друг.

– Могу я посмотреть остальное? – спрашивает Бен, подходя ближе.

Он улыбается, а я нервничаю.

– Давно ничего не писала, но в доме есть несколько старых работ. Вы думаете, их могут купить?

Хочу, чтобы на моем счету в банке опять появились деньги. Неудавшаяся попытка заказать новую кухню напомнила мне об ужасных месяцах, когда Патрик был без работы. Пришлось оплачивать счета и гасить ипотеку кредитными картами. Разве мы не поклялись, что никогда больше такого не допустим?

– Вполне возможно, если остальные работы так же хороши, как эта. Извините, что помешал. Ваша подруга только о вас и говорит, поэтому... – Бен пожимает плечами, – я поддался порыву и зашел. Еще раз извините.

Он поворачивается, чтобы уйти.

– Пойдите!

Я этого человека не знаю, но его прислала Анна. Значит, он не опасен. Приглашаю его в дом и отпираю дверь подвала.

– Вы храните живопись в подвале? – удивляется Бен. Теперь гость, а не я испуганно отступает назад. Он больше не улыбается. – Представляю, как там сыро. Неподходящие условия для полотен.

– У нас мало места, – отвечаю, доставая картины.

Они сложены прямо за дверью, так что заходить внутрь не нужно. Оставив гостя изучать холсты, расставленные в тесной прихожей, снова запираю подвал. Лица Бена я не вижу – он стоит спиной. Я с такой силой сжимаю кулаки, что ногти впиваются в ладони. Галерист оглядывается через плечо и расплывается в улыбке, от которой вместо недавней складки над переносицей появляются морщины смеха.

– У вас прекрасные работы, их обязательно надо выставлять.

От этих слов меркнут все критические замечания мужа. Бен – художник, у него добрые глаза, серые глаза цвета прибрежной гальки. Его морские пейзажи совсем не такие, как тот, из витрины, – примитивный, написанный основными цветами, без оттенков. На экране телефона Бен показывает мне свои работы: над водой, играющей бликами, полутонами стелется туман. Эта живопись дышит покоем и одиночеством.

Бен рассказывает о бухтах, куда ходит на этюды, и наши плечи соприкасаются. Мне кажется, этот человек со следами краски под ногтями, чья рубашка пахнет морем, табачным дымом и льняным маслом, со мной заигрывает.

Флиртует со мной здесь, в коридоре дома-убийцы. Говорит, если я напишу несколько новых картин, можно устроить мою персональную выставку. А что подумает Патрик? Заливаюсь краской. Да ничего. Ему знать об этом пока необязательно.

– Могу я пригласить вас на обед? – спрашивает Бен, пожимая мне руку. – Отметим появление нового художника в нашей галерее. Согласны?

У галериста сухая теплая ладонь. От ее шершавого прикосновения я вздрагиваю. Обычное рукопожатие при знакомстве двух людей. Тогда почему я так быстро отдергиваю руку? Почему оглядываюсь, хочу убедиться, что нас никто не видит?

– Не могу. Я замужем.

Бен – совсем не то приключение, о котором я мечтала.

* * *

Гость уходит, смотрю ему вслед из окна. Море сегодня серое, беспокойное, небо затянуто низкими тяжелыми тучами. На стекле, покрытом толстым слоем соли, есть только один просвет – след от моего языка. Он похож на восклицательный знак – радостный символ того, что я живу. Я существую! А еще с ним легко шпионить, потому что ты всех видишь, а тебя – никто.

Глава 10

Сара

На следующее утро, когда мою после завтрака посуду, в кухню заглядывает Патрик.

– Заканчивай сегодня с коробками, хорошо? И нужно докрасить гостиную.

Пальцы впиваются в губку, на ногу капает вода. Раньше, уходя на работу, Патрик всегда говорил мне: «Пока дети в школе, забудь о домашних делах, рисуй и наслаждайся свободой».

Я злюсь. Больше на себя, чем на Патрика. Сама виновата – ни опыта работы, ни специальности. Превратилась в преданную степфордскую жену^[5]. Разве не по этой причине – хотя бы отчасти – ищу забвения в чертовых белых пилюлях и с утра тянусь к бутылке?

Хлопает входная дверь. Стискиваю зубы и, бросив посуду, наливаю себе чай. Иду с чашкой в гостиную и по дороге замечаю: подвал открыт. Прежде такого не случалось. Как только мы переехали, Патрик заявил, что подвальная дверь всегда должна быть заперта.

– Погреб предназначен для хранения химикатов, растворителей, отбеливателей. Они представляют опасность для детей, – сказал муж, поворачивая ключ в ржавом замке.

Как будто Джо и Миа по три года и нужно запираť все шкафы, чтобы дети не добрались до баллончиков с бытовой химией.

Но в замке торчит ключ, а дверь открыта. От страха у меня волосы встают дыбом, слышу стук собственного сердца. Наверное, ее открыл Патрик.

Нет. Он этого не делал. Я видела, как он взял со столика в прихожей ключи, кошелек и зашел ко мне попрощаться. В тот момент дверь была закрыта. Не помню, торчал в замке ключ или нет. Разве я не убрала его на место после ухода Бена? Постояв минуту в нерешительности, захопываю дверь в подzemелье и пытаюсь запереть ее, однако ключ не поворачивается. Приходится оставить подвал открытым.

Возвращаюсь на кухню. Вернее, я там прячусь. Вдруг слышу стук. Подпрыгиваю, и тут же самой становится смешно: вот глупость! – почудилось, что кто-то стучит в незапертую дверь погреба изнутри.

Идти мимо нее страшно, но делать нечего. Может, приехала Кэролайн? Последний раз мы разговаривали еще в январе, в клинике.

На пороге стоит Анна. Одетая во все черное: джинсы, ботинки, кожаная куртка и даже шарф с белыми звездами. Красная клетчатая салфетка, прикрывающая тарелку в руках, до нелепости не вяжется с ее обликом. Чудится, из-под яркой ткани сейчас кто-то выскочит и нападет на меня.

– Извини, знаю, что пришла рановато, – говорит Анна, – но сегодня рабочий день. Принесла тебе пирог – к сожалению, не самодельный. Взяла из кафе остатки вчерашней выпечки.

Я и забыла, что пригласила Анну зайти именно сегодня. Она напряженно ждет в нескольких шагах от входа и, кажется, в любую секунду готова сбежать. Из дома доносятся щелчки и скрипы – на сквозняке раскачивается дверь подвала.

Поспешно уношу пирог в холл, оставляю на столике и, вернувшись к гостю, запираю дом на ключ.

– Планы изменились, – заявляю, – ты не против, если мы куда-нибудь сходим?

* * *

Она ведет меня на ярмарку.

– В детстве я все время здесь пропадала, – рассказывает Анна, – было здорово, было чертовски хорошо. Мне казалось, нет ничего круче, чем ярмарка в твоём собственном городе. Я даже без денег приходила – просто поглазеть. А запахи, а звуки, а огоньки – что может быть лучше?

Из киоска с хот-догами доносится мясной аромат, от прилавка со сладостями пахнет сахарной ватой, а от прохожих – потом и парфюмом. Утро, народу мало, но на всех аттракционах еще мелькают огоньки, крутят бравурную музыку, а над головой одиноко проплывает воздушный шар в форме единорога. Я знаю, о чем говорит Анна. Здесь пахнет детством, катанием вдоль моря на запряженных осликами повозках и назойливыми чайками, которых приходилось отгонять от картошки.

– Забыла тебя поблагодарить: вчера я виделась с Беном из галереи. Ты мне о нем говорила. Помнишь?

С минуту Анна удивленно молчит, потом ее лицо расплывается в улыбке.

– А, Бен! Он неплохой художник, но чудаковатый.

– Чудаковатый? Я думала, он...

– Ой, не обращай на меня внимания, – смеется Анна, – мне всегда казалось, что он немножечко... того. Для меня слишком активный, но, пожалуй, не лишен скрытой сексуальности.

Чувствую, что краснею.

– Я не про это. Просто приятный человек. Правда, когда он возник перед нашим крыльцом, я потеряла дар речи.

– Перед крыльцом? – Анна поднимает брови. – Странно. Адрес я не давала. Назвала только имя и сказала, что постараюсь уговорить тебя зайти в галерею.

– Как же тогда...

– Думаю, ему не составило труда узнать, где ты живешь. Городок-то совсем маленький. И что сказал Бен?

– Сказал, что можно устроить мою персональную выставку.

– Серьезно? – улыбается Анна. – А я боялась, что мои бесконечные рассказы о тебе ему надоели. Выставка – это же прекрасно. И когда?

– Нужно больше работ. Я так давно не брала в руки кисти, – отвечаю уныло, – да и где мне писать? Что писать?

– Если захочешь, покажу несколько красивых мест. Тут есть одна бухта... Туда трудно добраться, но она того стоит. Бери альбом, бери фотокамеру. Если увидишь этот берег – сразу появится вдохновение. Надеюсь, выставка откроется до начала лета. Сама я собираюсь провести его или в Испании, или в Греции. Найду работу, сниму квартиру и буду нежиться на солнышке.

Стоя на холодном ветру под серым небом, закрываю глаза и представляю: солнечно, тепло, можно спать прямо под звездами.

– И я бы с тобой поехала.

Анна смеется.

– Ты? Ты же замужем, двое детей, чудовищная ипотека и куча некрашенных стен. Забыла?

Открываю глаза. Ну да, Анна права.

– А то давай, – добавляет она после короткой паузы, – поехали. Все бросим, убежим и станем европейскими Тельмой и Луизой^[6].

– И, убегая от полицейских, бросим в доках Кале прокатный «Пежо»?

– А ты орешь копам: «Внутренней отделкой сыта по горло!»

Мне становится весело и легко.

– Смотри, карусель. Побежали, – зовет Анна.

– Что? Мы же старые, – смеюсь я, но она – глаза сияют, улыбка до ушей – хватает меня за руку и тянет к аттракциону.

– Да ладно! Притворимся, что нам снова двенадцать.

Крутимся все быстрее. Закрываю глаза и прижимаюсь лбом к раскрашенной гриве карусельной лошадки. Все мелькает и вертится, как будто я пьяная, и музыка звучит чуть замедленно и немного фальшиво.

С ярмарки мы отправляемся к морю.

– Слушай, я должна тебе кое-что рассказать, – говорит Анна. Замираю, зажав в кулаке деньги на два стаканчика кофе. Рассказать? О чем? – Понимаешь, город маленький, ты все равно узнаешь. Мы с твоим мужем учились в одной школе.

– С Патриком?

Анна кивает.

– Мы не были друзьями, ничего такого. Он, наверное, даже не знал меня тогда, но было бы странно, если б тебе сообщили об этом другие.

Даже не знаю, что ответить. Дрожащей рукой протягиваю ей кофе.

– Я больше знала о нем, чем его самого. Он был тусовщиком, из «крутых», а я вечеринкам предпочитала библиотеку.

– Что-то не похоже, – улыбаюсь я.

– Теперь нет, но если б ты увидела меня в школе...

– Мы бы подружились.

– Не... Ты небось все, что можно, прокалывала под украшения, красилась в рыжий цвет и водилась с разными эстетам.

– Ты серьезно так думаешь? Вот если б в школьные годы ты увидела меня...

– Честное слово, Сара Уокер, хоть нам, двум белым воронам, и не удалось встретиться в детстве, я очень рада, что ты сюда переехала.

– Я тоже.

А на самом деле? Разве мне здесь хорошо?

– Так здорово встретить нового друга, – говорит Анна. – Отсюда каждый год уезжает столько народу, что скоро мы будем жить в городе-призраке.

Дом-убийца в городе-призраке. Ветер треплет мне волосы, и по телу пробегает дрожь.

– Почему вы купили этот дом? Как Патрику пришло такое в голову?

– Он ему очень нравится, ведь муж уехал отсюда задолго до трагедии и был здесь счастлив. Он думает, мы сможем снова сделать дом таким, как прежде.

Анна смотрит на меня с недоумением.

– Таким, как прежде?

Не сразу нахожу что ответить.

– Патрик все время рассказывает о прошлом, а я представляю, почти

вижу, каким был этот дом раньше. Но иногда... Как я могу забыть о том, что здесь произошло?

Не поднимая глаз, Анна отряхивает с коленей песок.

– И что Патрик говорил про свое детство?

– Вспоминал о нем так, будто оно прошло в раю, – отвечаю с улыбкой.

– Странно. – Анна поднимает глаза, и от ее взгляда становится не по себе, где-то внутри зарождается страх.

– Почему странно?

– Зная, с кем Патрик дружил в детстве, – произносит она задумчиво, – невозможно понять, зачем он так сюда стремился. Ты сказала, у него остались только счастливые воспоминания, но его друг, его лучший друг... Тот парень, что...

– Знаю, Ян Хупер, – перебиваю новую подругу. – Но они с Патриком не были друзьями.

– Нет, я не о Хупере. – Анна отрицательно качает головой. – Он появился здесь перед самым убийством, а в нашей школе никогда не учился. Патрик дружил с Джоном Эвансом. Они оба и этот тип из галереи были закадычными друзьями – просто неразлейвода.

Это неправда. Не может быть правдой, иначе муж бы мне рассказал. Ведь он был бы потрясен убийством друга. Господи, и разве мог тогда Патрик не поехать на похороны?

– Забудь, – говорит Анна, увидев, как я изменилась в лице. – Столько лет прошло. Я могла ошибиться, ведь в их компанию никогда не входила.

– Пустяки, не имеет значения, – пытаюсь уговорить себя. – Я вообще не помню половины тех, с кем училась в школе.

– Все-таки здорово, что вы взялись за этот дом. Из-за той давней трагедии он так долго стоял заброшенным и мрачным.

Пожимаю плечами.

– Патрик уверяет, что мы сможем избавить дом от мрачного клейма и превратить в нечто особенное. Несчастных, что жили здесь пятнадцать лет назад, не вернешь, убийца в тюрьме... – Умолкаю, потому что вижу, как Анна мрачнеет.

– Ты что, не знаешь? Его выпустили, – шепчет она мне на ухо, чтобы никто не услышал.

– Кого выпустили?

– Убийцу. Яна Хупера.

– Что значит, выпустили? Он же приговорен к пожизненному заключению, – мой голос дрожит.

– Точно не знаю, но несколько месяцев назад Хупер вышел из тюрьмы.

Об этом писали местные газеты.

Вспоминаю о человеке, который бродит вокруг дома и заглядывает в окна. Меня охватывает страх. О боже! Это был он, Ян Хупер. Следил, как мы выгружали вещи. Выливаю в песок остатки кофе и прощаюсь:

– Мне пора.

* * *

Только берусь за телефон, чтобы позвонить Патрику, как вижу на стоянке его машину. Что он делает здесь в такое время? До обеда еще далеко.

– Патрик! – зову, открывая дверь.

Он выходит из кухни.

– А я не могу понять, куда делась ты. У меня здесь неподалеку была встреча, вот и решил заскочить домой.

Про Анну я ему пока не рассказывала. И очень хорошо, учитывая, что он говорил о старых знакомых. А если бы вспомнил ее, стал бы просить меня с ней не встречаться?

– Ходила в магазин.

Патрик переводит взгляд на мои растрепанные волосы, пустые руки, джинсы со следами песка.

– Я слышала разговор в супермаркете. – Умолкаю, чтобы перевести дыхание. – Ты знал, что Хупера выпустили из тюрьмы? – Патрик отводит взгляд. – Господи, почему ты ничего не сказал? По-твоему, это не имеет значения?

– Да, это не имеет значения.

– И давно этот убийца на свободе?

– Месяца два.

Сжимаю кулаки.

– С того дня, как мы переехали? Это он ходит вокруг дома.

– Потому я тебе и не говорил. Знал, что начнешь психовать.

– А как же иначе? Известно, кто этот человек и что он сделал. И ты перевез сюда семью? Господи, ты знал об этом до переезда?

– А если да – что из этого?

– Как что? Он убил целую семью, даже детей.

– Сара, ради всего святого, это случилось пятнадцать лет назад. И не случайно. Хупер знал эту семью. У него были причины, у преступления был мотив.

– Ты говорил, что был знаком с убийцей, – шепчу я. – Ты его действительно знал? Я слышала, что когда он переехал в город, тебя уже здесь не было. – Приглаживаю волосы. – А частного детектива ты выдумал? Теперь понятно, почему ты так упорно отказывался рассказать сыну правду. Ты обманул меня, чтобы заставить сюда переехать. Ты понимал: если б я знала, что Хупер сбежал из тюрьмы, ни за что бы не согласилась.

– Сбежал? Господи, Сара, что ты говоришь? Он не сбежал, его освободили.

На мой вопрос Патрик не отвечает.

– А как насчет Джона Эванса? – спрашиваю я. – Он...

– Прекрати, – перебивает муж. – Эти кровавые убийства однажды разрушили мою семью. Я не допущу, чтобы через пятнадцать лет все повторилось снова.

– О чем ты? Нас же здесь тогда не было.

– Сара, хватит. За домом никто не следил. Хупер не такой дурак, чтобы сюда возвращаться. Забудь о нем.

Забыть? Как я могу о нем забыть?

* * *

Дождавшись, когда она уйдет, изображаю почтальона. Доставить второй подарок удалось не сразу. После того как твоя жена обнаружила раковину, стало ясно: именно ей будет предназначен мой следующий дар. Через окно вижу, как она ходит по комнате и в приступе паранойи запирает дверь на два замка. Удачно, что в этот дом, который в далекие времена был обыкновенным жилищем, она сама внесет мой подарок. Как в страшной сказке, я смешиваю правду и вымыслы, и на всем останутся отпечатки пальцев твоей жены. Ее, не мои. А ты догадался, кто следит за вашим домом? Пока нет. В морском воздухе, что заползает в спальню и будит тебя по ночам, мой запах не различить.

И все-таки очень скоро ты меня вспомнишь. В конце концов – попробуй сказать, что это неправда, – мысль обо мне всегда таилась в самом темном углу твоей памяти.

Глава 11

Сара

В 2001 году человек по имени Ян Хупер пришел в этот дом и тремя ударами ножа убил Джона Эванса. Потом он поднялся наверх – в комнату, где сейчас спит Миа, и нанес двенадцать ударов Мари Эванс; семилетнего Билли – он пытался защитить мать от убийцы – пырнул ножом и сбросил с лестницы. Мальчика увезли в госпиталь, где он вскоре умер.

А младший – Том – остался жив.

Теперь Хупер на свободе.

– Что ты делаешь? – слышу за спиной и тороплюсь закрыть вкладку, но Миа, перехватив мышшь, увеличивает текст на экране.

– Они? – тихо спрашивает дочь.

С газетного снимка весело смотрят Эвансы. И у нас в коридоре висит похожий – обычно такие семейные фотографии делают в фотостудиях. Запечатленные за несколько месяцев до трагедии, Джон и Мари – молодые, полные жизни, – кажутся счастливой парой; мальчишки улыбаются во весь рот, у обоих не хватает выпавших молочных зубов.

Фотография Хупера – она меньше по размеру – помещена ниже. Он не улыбается, лицо бесстрастное, но довольно привлекательное. Ходили слухи, что этот негодяй соблазнил замужнюю женщину, Мари Эванс, а потом убил ее и вырезал всю семью.

– Мам, прямо мороз по коже, правда? – шепчет Миа. – Их убили в этом доме, а мы теперь здесь живем.

– Убили не всех.

– Да, – говорит она и дотрагивается до изображения младшего сына Эвансов.

Он очень похож на маленького Джо. Миа улыбается – наверное, тоже заметила сходство.

Опять всматриваюсь в экран, и по спине бегут мурашки.

Дочь снова стала грызть ногти, поэтому ее пальцы покраснели и воспалились. Под глазами у девочки темные круги. Почти как у меня. По ночам, когда детям положено спать, я слышу, как она ходит.

Миа показала мне в доме шесть холодных точек. Температура воздуха там ниже, чем везде, и очень сыро. Меня охватывает страх. Не знаю, правда

ли там холоднее, или всему виной мое больное воображение, взбудораженное дочкиными историями о призраках? Одна из таких точек – комната дочери, вторая находится около лестницы в холле, третья на площадке второго этажа, четвертая – в ванной, пятая – в кухне. Последняя холодная точка – комната Джо. Миа говорит, что в нашей спальне и в гостиной все в порядке.

В доме погибли трое, а холодных точек шесть. Представляю зарытые в саду гниющие человеческие тела. Ночью, просыпаясь от шума ветра за окном, спрашиваю себя, не спрятаны ли под полом чьи-то останки. Иногда – честное слово – слышу странный звук. Как будто по дереву царапают костью. Может, он, как и меня, будит Миа? Но Патрику я ни о чем рассказать не могу.

– Мам, закрывай это. Меня трясет.

* * *

На коврике вижу письмо. С удивлением смотрю на часы – уже пять. Для почтальона поздно. Поднимаю конверт, он заклеен, но не подписан. Вспоминаю о том письме, с которого все это началось. Дрожащими руками открываю пакет.

Вынимаю две сложенные газеты и, сев на нижнюю ступеньку лестницы, начинаю их читать. Одна статья с маленькой фотографией интерьера нашего дома называется «Дом-убийца изнутри». Снимок бóльшего размера потрясает меня еще сильнее: когда мы впервые здесь оказались, состояние дома было ужасно, однако на этой фотографии я все равно узнаю его с трудом.

Она черно-белая, зернистая, но... Что за углубления в стенах? Их как будто кто-то специально продырявил. Половые доски вздыблены, ковровое покрытие в пятнах, шторы разорваны. Похоже, стены коридора испачканы какими-то надписями, разобрать их я не могу.

На снимке перед открытой входной дверью видна лента полицейского ограждения, так что непонятно, какие разрушения были здесь до того, как раскрыли убийство, а какие появились в процессе расследования. Все статьи, которые я читала, и все сайты, которые просматривала тогда, писали, что преступление против Эвансов выглядело особенно трагично на фоне любви и счастья, царивших в их семье. Однако эти фотографии говорят о другом. Из газеты вырезали дату, не найти ни имени автора, ни фотографа. Кто подложил ее под дверь? И зачем?

Прикасаюсь к стене, к тому месту, где на фото видно углубление. Есть ли оно сейчас? Мне кажется или я в самом деле на месте замазанной дырки нащупала углубление?

Из кухни выходит Патрик. Я все еще сижу на лестнице и, держа одной рукой газету, другой ощупываю стенку.

– Вот, подсунули под дверь.

Он бесстрастно рассматривает газетные страницы.

– Думаю, это Хупер, – добавляю я.

Патрик протирает глаза.

– Сара, ты опять начинаешь? Если бы...

– Если бы что?

Он садится рядом на ступеньку.

– Думаешь, я не знаю, что ты ищешь в интернете? Вся эта конспирология – полная чушь. Какая-то паранойя: тебе за каждым углом мерещится Хупер.

– Но...

– Я знаю, что творилось здесь после убийства. Семью Хупера в буквальном смысле выжили из города.

– Кто – горожане? Как они это сделали?

На лице Патрика появляется подобие улыбки.

– Никакого криминала, хотя один дурак, правда, бросил кирпич и разбил Хуперам окно. Против них ополчились все: у детей появились проблемы в школе, жену не брали на работу ни в один местный магазин. – Складывая газету, муж прячет ее обратно в конверт. – Ты представляешь, что случилось бы с Хупером, вздумай он тайно вернуться в город? Думаешь, убийца поселился бы в гостинице, ходил за продуктами в «Спар», а по вечерам заглядывал в паб? Да любой житель, каждый, кто его помнит, при одном намеке на появление Хупера в панике бросился бы звонить в полицию.

Смотрю на разорванный конверт.

– Это не Хупер, – продолжает Патрик, смягчая тон.

– А кто же тогда следит за нами, звонит по телефону и бросает трубку? Кто... – На мгновение умолкаю: чуть было не проговорилась о ракушке. Ведь о ней я ничего не рассказывала. – А кто подложил под дверь этот пакет?

– Какой-нибудь местный сплетник. Или ребенок, чтобы напугать нас ради прикола, – говорит муж, вставая.

– Патрик, а как ты узнал обо всем, что случилось после убийства?

– От родителей, – остановившись на полдороге в кухню, отвечает он. –

Они жили не в городе, но поблизости. А слухи распространяются очень быстро.

Странно, про своих родителей муж мне этого раньше не рассказывал.

С корзиной чистого белья поднимаюсь наверх и, прежде чем толкнуть закрытую дверь в комнату дочери, стучусь. Там никого. Кладу выстиранную одежду на кровать и собираюсь уйти, как вдруг замираю на пороге. Что меня остановило? Боковым зрением вижу в углу, на туалетном столике, кипу бумаг. Когда пришла, подумала, что это домашнее задание или работа над ошибками. Но почему стопка беспокоит меня как заноза в глазу?

Сверху лежит страница с фотографией, которую я только что видела в интернете: Ян Хупер. Возвращаюсь в комнату. Дрожащими руками беру всю кучку. Это распечатки статей про убийства – тут не только та, что нашла я. И в каждой – один и тот же снимок, с которого прямо на тебя смотрит убийца.

– Из-за них мне снятся кошмары. – Оборачиваюсь на голос дочери. Она смотрит на распечатки. – Снятся кошмары, но я не могу их не читать.

Я тоже все время возвращаюсь на сайт, где описана эта история.

– Знаю.

Конечно, всему виной глаза, глаза Эвансов, их лица... И взгляд убийцы, который прожигает меня насквозь. Счастливые люди, они никому не причинили зла... Непонятно, зачем он пришел к ним в дом. Как и Миа, все смотрю на эти листы, хотя понимаю: стоит закрыть глаза – и перед мысленным взором снова возникнут лица убитых.

– Они снятся мне каждую ночь, – жалуется дочь. – Иногда в кошмарном сне появляется Хупер. Он убивает, а я не могу ни двинуться, ни позвать на помощь. А иногда я как будто одна из семьи Эванс, или это наша семья, но только задолго до того, как сюда ворвался убийца с ножом.

Бросаю распечатки на кровать и, притянув к себе Миа, глажу ее по спине. Много лет назад я успокаивала так свою малышку, когда ей снились страшные сны.

– Мам, я так устала. Каждый раз вечером боюсь ложиться спать. Воеет ветер, слышу какой-то шепот, что-то царапает по стеклу, а меня, если даже усну под этот скрежет, обязательно накроет кошмар.

– Ну что ты, успокойся, – говорю, круговыми движениями поглаживая ей спину. – Скоро лето, ночи станут светлее, уляжется ветер. Подстрижем ежевику, и она не будет скрести по стеклу. Попрошу папу починить окна, чтобы так не дребезжали.

Миа выскальзывает из моих объятий и трет покрасневшие, обведенные темными кругами глаза.

– Тогда я ложусь. Нужно успеть насмотреться страшных снов.

Забираю с кровати стопку бумаги.

– Я их унесу. Может, если не разбрасывать их по комнате, ты будешь лучше спать.

Миа согласно кивает и протягивает мне, достав из-под подушки, какую-то книгу.

– Тогда забери и ее.

Читаю название: «Дома-убийцы в Соединенном Королевстве». Тонкая брошюра в мягкой обложке, никаких сведений об издательстве. На обложке черно-белое изображение дома Викторианской эпохи. Он похож на наш. С первого взгляда мне даже показалось, что это он и есть.

– Кто-то в школе положил ее мне на парту.

– Не слишком удачная шутка.

– Особенно если живешь в таком доме, – соглашается Миа. – Про него тут целая глава.

Я едва не выронила брошюру, но все-таки, погнув обложку, мне удалось ее удержать.

– Страница сорок три, – продолжает дочь. – Есть и фотографии, и все остальное. Там такое понаписано... Кроме выдумок и всякой ерунды есть история дома. – Миа тяжело вздыхает. – По теории автора, если ее можно так назвать, в самих домах-убийцах есть какой-то изъян. В них таится зло, оно заставляет людей идти на страшные преступления.

– Это же...

– Чушь, я знаю. Но тот, кто это написал, смешивает ее с правдой, и когда потом читаешь всякие статьи...

– От этой гадости я тоже избавлюсь, – говорю, сжав пальцами книжку.

– Спасибо, мам.

Выхожу на задний двор, чтобы выбросить и брошюру, и распечатанный дочкой хлам. Поднимаю глаза: она смотрит на меня из комнаты Джо. Машу ей и, открыв крышку бака, опускаю туда пачку бумаги А4. То же самое собираюсь сделать и с книгой, но вместо этого, увидев, что дочери в окне больше нет, уношу брошюру в дом и прячу в один из кухонных ящиков.

Чтобы успокоиться, иду через гостиную. Она отделана только наполовину, но обои приятные, на окнах шторы, на подоконнике цветы – в таком уюте, ничем не напоминающем дом с газетной фотографии, мы

могли бы жить счастливо. И все-таки краем глаза вижу на свежееокрашенной стене еле заметные черточки-отметки, и они не дают забыть ни газетной статьи, ни фотографий. Знаю: под обоями в бабочках, под слоями старой краски и грунтовки прячутся следы, которые многое могут рассказать о семье Эванс.

* * *

Он меняется. Когда-то был обыкновенным домом, потом превратился в дом-убийцу, а что теперь? Раскрашенная французская мебель, изысканные обои от «Фарроу энд Болл», в коридоре – некогда черном и ободранном – банки с белилами.

Но стоит присмотреться – на свежей поверхности проступают черные пятна, отстают по краям обои. Понурая женщина – спина скукожена – ходит, кусая губы, и все присматривается.

За женщиной на стене вижу фотографию: два младенца с одинаковыми улыбками – один темноволосый, другой блондин. Близнецы, наверное. Не первые дети в этом доме. Помню запах детской присыпки, крошечные пальчики, впившиеся в мягкое белое одеяльце; наступишь в темноте на резиновую игрушку, она запищит – и замираешь, затаив дыхание, боишься разбудить... В такую минуту хотелось оказаться где угодно, только не здесь.

Нет, детям в этом доме не место.

Глава 12

Сара

Миа слоняется по кухне. Она бесцельно распахивает и снова захлопывает дверцу холодильника, снимает крышку с коробки с печеньем и, не взяв ни одного, опять закрывает жестянку. Утром, поднимая на второй этаж два картонных ящика, я почувствовала из комнаты дочери запах сигарет. В старом доме она украшала стены фотографиями – и своими, и подружек, – а сегодня я обнаружила почти все это в мусорной корзине. Миа выглядит измученной, а мешковатый школьный джемпер только подчеркивает ее худобу.

– Откуда это? – спрашивает девочка, доставая из холодильника остатки пирога.

– Знак местного гостеприимства от одной подруги.

– От подруги? – удивляется Миа и отщипывает кусочек бисквита.

– Ну да. Ее зовут Анна. Как-то познакомились в городе. Работает в кафе, иногда встречаемся за чашкой кофе. – Подвигаю к дочери тарелку. – Сегодня нужно доесть. Возьми еще кусочек.

Миа кривится и отрицательно качает головой.

– Как дела в школе?

Дочь смотрит на меня странным пустым взглядом – без тени улыбки, угрюмо, даже как-то враждебно.

– Ты о чем? – голос Миа звучит глухо.

– Подружилась с кем-нибудь? – спрашиваю, и самой становится неловко от такого вопроса.

Можно подумать, что обращаюсь к пятилетнему ребенку.

Она хмурится и, похоже, готова наброситься на меня с оскорблениями. Внезапно лицо дочери озаряется какой-то новой, незнакомой улыбкой.

– Подружилась? Да, подружилась тут с одним. Только пирогом он меня не угощал.

Хочу о многом расспросить дочь, но сдерживаюсь.

– Хорошо, что нашла себе друзей, а то я волновалась.

– Понятно, волновалась. – Миа фыркает и берет из миски яблоко.

– А что в этом удивительного? Я хотела, чтобы в этом городе вам с братом жилось счастливо. Ты хорошо спала? Выглядишь усталой.

Дочь откладывает надкушенный плод.

– Мне все время снятся страшные сны.

Вспоминаю, что этой ночью приснилось мне: чьи-то кости под полом, брызги крови на стенах.

– Все еще снятся? А про что?

Миа пожимает плечами.

– Про этот дом. И про людей, которых здесь убили. Ночью в шуме моря мне слышится какой-то шепот. – Вдрагиваю. Руки дочери тоже покрываются гусиной кожей. – Вчера ночью папа сказал...

– Папа? – вырывается у меня от неожиданности.

Дочь снова берет яблоко, катает его в ладонях.

– Наверное, я кричала во сне, а он услышал и пришел.

– В твою комнату?

– Проверить, все ли в порядке, – говорит девочка, глядя исподлобья. – Сказал, что мы можем поменяться спальнями, потому что у вас не так слышно море.

Однако утром ни о кошмарах дочери, ни об обмене комнатами Патрик даже словом не обмолвился.

– Ну да, можем перебраться в выходные. Слушай, если тебе опять приснится страшный сон, разбуди меня. Договорились? Посидим, выпьем по чашке горячего шоколада. А папа пусть спит.

Миа роняет яблоко, и оно с глухим стуком падает на пол.

– Только, пожалуйста... Забудь про это, – говорит она и, хлопнув дверью, выбегает из кухни.

Выхожу следом и на столике в прихожей вижу ракушку. Такую же, как нашла тогда на крыльце, только меньше, вроде тех, что дети, когда были помладше, собирали на берегу.

Беру ее, чтобы рассмотреть, и вдруг вылезшая наружу красная клешня на тонкой ножке царапает мне руку. Рак-отшельник. Вскрикиваю от неожиданности, и раковина с треском падает на пол.

От прикосновения рачьих конечностей сердце бешено колотится. Рак противнее паука, даже противнее жука, забравшегося однажды мне в туфлю. Вот когда я орала на весь дом.

– Это ты принесла? – спрашиваю я Миа.

– Нет. – Дочь недоуменно пожимает плечами.

Наверное, Джо. Подобрал ракушку, не заметил, что в ней рачок, и принес домой. Утром я видела сына на берегу. Джо разговаривал с каким-то парнем. Они жались друг к другу, спасаясь от холодного ветра.

Отколовшийся кусок раковины обнажил беззащитное тельце

членистоногого – и моя старая подруга – вина – снова тут как тут: опять я сломала чью-то жизнь.

* * *

Накрываю стол к ужину и слышу, как хлопает входная дверь. Выглядываю в окно – по улице, по направлению к городу, идет Миа. На ней короткая черная юбка – такой я раньше не видела – и туфли на каблуках. Смотрю на часы – только восемь, но за окном уже темно. Странно: ушла, не поужинав, ничего не сказала.

– Куда это она? – спрашивает Патрик.

– Не знаю. Может, у Миа появился бойфренд, а от нас она скрывает?

Вспоминаю ее полуулыбку, загадочную, словно намек на какой-то секрет.

Патрик отходит от окна.

– Не думаю. Миа нам сказала бы. По крайней мере, мне. Слушай, ужин стынет. Позови Джо.

Стучусь в комнату к сыну – там тишина. Дверь не заперта, так что я толкаю ее и вхожу. Джо, уставившись в потолок, лежит на постели, на полу валяется блокнот для набросков. Он раскрыт, и на развороте вижу мальчика. Похоже, он стоит у края скалы.

– Пора ужинать.

– Не хочу, – бормочет Джо.

Вздыхаю и, собираясь присесть рядом с ним на кровать, под отклеившимся краем обоев – не одного слоя, а всех, накопившихся за годы, – замечаю кусок оштукатуренной поверхности. Закусив губу, поднимаю отставший край. Вместе с бумагой от стены отваливаются и прилипшие к обоям куски штукатурки.

– Повторяешь мою ошибку, – произносит сын.

Стена сырая, в черных пятнах. Под отклеившимся полотном вижу неумелый детский рисунок, вспоминаю самодельную ростовую линейку на стене гостиной и стараюсь прилепить обои обратно.

– Посмотри, там еще кое-что есть.

– Не сейчас, – отвечаю, приглаживая обои.

– Не сейчас? – Сын смеется, не весело, а как-то горько. – Мам, я видел папу... – Джо окликает меня уже в дверях, но тут же умолкает на полуслове.

Я удивленно поднимаю бровь.

– Отец был здесь, в моей комнате. Я пришел, а он смотрел в окно и...
Все выглядело как-то странно.

– Странно?

Чувствую, Джо опять колеблется. Мне хочется поднять альбом – кого сын нарисовал на скале? Может быть, себя?

– Мне показалось, что папа плакал.

– Плакал?!

Джо кивает.

– Наверное, я ошибся. Это же отец.

Снова бросаю взгляд на рисунок. Может, на утесе не Джо, а Патрик? Скорее всего, мальчик что-то неправильно понял. Представить плачущего Патрика невозможно.

– Ты мне не веришь? – спрашивает сын.

– Нет, просто Патрик... С чего бы ему плакать?

Джо качает головой.

– По-твоему, это «жизнь с чистого листа»? Такая жизнь – дерьмо. Стало только хуже. И все твои разговоры о том, как преобразится дом... Этого не будет никогда. – Джо поднимает с пола альбом и прячет под подушку. – Мам, пожалуйста, иди ужинать.

У меня перехватывает дыхание. И раньше случалось, что сын впадал в мрачность, становился замкнутым и отчужденным. Зная историю его родной матери, я очень боюсь за мальчика.

– Джо...

– Говорю тебе: уходи!

* * *

Ты – в костюме с иголки – выходишь из дому, садишься в сверкающий автомобиль, рулишь в центр, в свою большую контору. А твоя половина бродит по дому, бесцельно ходит из комнаты в комнату и ничего не делает: в степфордской жёнушке что-то сломалось.

Мне в голову не приходило, что я окажусь здесь и произойдет то, что случилось. С тех пор как ты уехал из города, прошло много лет, и все они потеряны зря: пределом моих жизненных устремлений была еще одна рюмка, еще одна сигарета, еще одна таблетка...

Потом наступило прозрение. Только молодость ушла, а я все еще здесь, в этом вымирающем отстойном городишке, где вдруг появляешься ты – с улыбочивой мечтательной блондинкой и на взлете карьеры. Но я

говоря «нет».

Ничего, черт возьми, у тебя не выйдет.

Глава 13

Сара

– Кэролайн? Это сообщение от Сары. Слушай, приезжай в гости. – Оглядываюсь по сторонам: на кухню мужниной мечты совсем не похоже, хотя кое-какие шкафчики я уже покрасила. – Мы почти обустроились, и есть коробка печенья, – продолжаю я, – набита доверху, просто переполнена. Может, ты очень занята или все еще меня наказываешь? Приезжай. Я так соскучилась. Да, не знаю, дошла ли до тебя моя просьба про Джо...

Неожиданно замечаю на столе свою сумку. Расстегнутая, она лежит на боку, блокнот, расческа и несколько клочков бумаги выпали на пол. Один мятый клочок кто-то тщательно разгладил и положил на стол.

Не окончив фразы, не попрощавшись, бросаю трубку. На листке телефон Бена. Визитку он забыл, поэтому нацарапал имя и номер на обороте какого-то чека. Кто же рылся в моей сумке? Решаю, что это Патрик. Вспоминаю рукопожатие Бена и охватившее меня приятное чувство. Неужели я с ним кокетничала? Запихиваю содержимое обратно в сумку и обнаруживаю, что кошелек тоже открыт – он пуст. Разве утром там не лежала двадцатифунтовая бумажка?

– Миа! – зову с нижней ступеньки лестницы.

В комнате дочери грохочет музыка.

– Миа! – кричу громче. Сгорбленная, она появляется на верхней площадке. Одежду дочери я опять не узнаю. – Ты не...

– Что?

Я точно помню, что в сумке лежал рекламный листок из галереи, на котором были записаны возможные даты моей выставки. Я выудила его тогда из мусорной корзины. Теперь он исчез.

– Ты брала что-нибудь из моей сумки?

– Что? Я что – воровка?

– Тебя никто в воровстве не обвиняет. Я только спросила...

– Что пропало-то?

– Одна... рекламная листовка.

– На кой черт мне твоя листовка? И что рекламируют?

Смотрю на незнакомую футболку. Очень хочется спросить о деньгах,

но боюсь, что возникшая между нами пропасть станет еще шире.

– Ты, наверное, опять перебрала и забыла, куда сунула свой листок, – скрестив на груди руки, сердито говорит Миа.

Отрицательно качаю головой.

– Ладно, ничего. Не имеет значения.

Дочь ошибается. Последние несколько дней я не брала в рот ни капли и, в надежде пополнить опустевший банковский счет, все время рисовала, делала наброски.

* * *

На заднем дворе Патрик ворошит палкой огонь, который разжег в старом железном баке. Приготовив кофе, я тоже выхожу из дому. Под ногами шуршат опавшие листья. Сейчас апрель, но из-за холодного воздуха и дыма кажется, что осень. В том году и лето, и осень прошли мимо меня. Убитая горем, я жила как в тумане. Теперь все будет по-другому. И я стану другой.

За домом, где сорняки задушили все цветы, все кустарники, в зарослях сухой спутанной травы уцелело одно дерево – яблоня. Она уже зацвела.

– Решил начать с расчистки?

Муж оборачивается и берет чашку.

– Строю планы, обдумываю. Конечно, этим стоило бы заняться месяца два назад, но, работая по выходным, через две-три недели мы сможем все привести в порядок. Купим растения, новую мебель – и, как в прежние времена, летом в саду будет очень красиво.

О моих усилиях покрасить и обновить интерьер муж словно забыл. Думаю, на обустройство сада двух-трех уик-эндом не хватит. За полдня Патрик – вспотевший, грязный и растрепанный – сумел освободить от пожухлой травы лишь клочок глины.

– Кстати, тебя ждет сообщение на автоответчике. – В голосе Патрика слышатся нотки раздражения.

Кто мне звонил? Бен? Я вздрагиваю. Налетевший ветер швыряет в лицо облако черного дыма, от него щиплет глаза.

Собираюсь уйти, но мое внимание привлекает очередная пачка мусора, которую Патрик приготовил сжечь: сквозь дым вижу улыбающуюся физиономию Джо – мой старый рисунок, край которого уже сворачивается в пламени. Бросаюсь, чтобы вытащить работу, но Патрик хватает меня за руку.

– Не дури. Сгоришь сама.

Огонь лижет юное лицо, превращает в пепел. Теперь я вижу, какой хлам приготовил муж для своего первого костра – мои альбомы для набросков. Среди них и тот, что я показывала Анне, – Джо и Миа вдвоем, спящий Патрик, смеющаяся Кэрлайн у озера, танцующая Миа...

Смотрю на мужа и не могу вымолвить ни слова.

– Звонила психотерапевт, которая раньше лечила Джо. Похоже, ты опять пыталась записать его на прием?

– Я очень беспокоюсь, Джо...

– Ему не нужен врач.

– Нет, нужен. Господи, Патрик, я же вижу – он опять замыкается в себе.

– Слушай, ну почему ты не можешь оставить все как есть?

– И что, – цежу я сквозь зубы, – из-за звонка доктору ты сжигаешь мои альбомы?

– Ты же сказала, что все вещи распакованы. Поэтому, когда я увидел за дверью в гостиной эти пакеты, – тыча палкой в золу, говорит Патрик, – то решил, что ты приготовила их на выброс.

Бегу в дом, в гостиную, где временно держала все альбомы, кисти, краски и карандаши, пока для работы не найдется более подходящее место, чем подвал.

Теперь за дверью пусто. Там, где стояли коробки, видны пятна сырости, черная и зеленая плесень.

– Все должно быть чудесно, – бодро произносит Патрик, обнаружив меня в опустевшем углу.

Что значит – «чудесно»? Разве муж не замечает этих пятен?

– Я кручусь, пытаюсь свести концы с концами, а ты бродишь мрачная, всех расстраиваешь и за моей спиной тратишь кучу денег на лечение Джо. Но все. Хватит. На этот раз все будет чудесно.

* * *

Рано утром в воскресенье пью на кухне кофе и неожиданно взрываюсь от резкого звука. Это Патрик, ни слова не говоря, громко хлопает дверью и уходит. Ставлю в духовку мясо, чищу картошку, только чтобы забыть о пустых пакетах, которые он, аккуратно сложив, убрал в один из кухонных ящичков.

Патрик возвращается и, не снимая пальто, протягивает мне какую-то

сумку.

– Пожалуйста, прости меня!

Там коробка карандашей и новый альбом – замечательный, в твердой обложке, с дорогой плотной бумагой. Но все страницы пусты, и у меня не возникает желания заполнять их рисунками.

– Прости меня, – повторяет муж, – я был так расстроен, злился, что ты, не сказав мне, звонила доктору. И вообще у нас все так медленно движется. Честное слово, если бы я только знал, как ты дорожишь своими набросками, никогда бы их не сжег.

Извиняясь, Патрик отводит взгляд. Я же вспоминаю о сумке и пропавшем рекламном листке. Хочется спросить мужа: неужели он действительно не знал, что лежало в пакетах? Неужели не понимал, что бросает в огонь?

Патрик снова уходит. Собираюсь закрыть за ним дверь и замираю: она слегка приоткрыта, и сквозь щель я опять вижу кого-то на противоположной стороне дороги. На сей раз он смотрит на море, но стоит там же, где и тот, шпионивший за нами в первую ночь. Вот сейчас человек обернется, и я увижу лицо Хупера. Вздрагиваю от сквозняка. Мне кажется, что поток воздуха идет изнутри дома, я словно чувствую на шее чье-то ледяное дыхание.

* * *

Первое знакомство с вашим домом. Тогда до меня не сразу дошло, на что он похож. Помнишь ярмарочный аттракцион «Дом с привидениями»? Только у вас внутри все было красиво, а если смотреть снаружи... Снаружи дом всегда казался странным. И не говори, что ты сам этого не чувствовал.

Да, внутри все было очень мило. Мы пришли в твою комнату, и ты, развеселившись, как от невероятно смешной шутки, показал мне то, что скрывалось под модными обоями.

Глава 14

Сара

Из книги «Дома-убийцы в Англии», страница 44: «Когда на сцене появляется Ян Хупер? По слухам, он был вхож в дом Эвансов почти сразу, так как с Мари его связывал давний роман, и близкие отношения между Яном и миссис Эванс сохранялись до самого ее убийства. Однако сам Ян Хупер, выступая в суде, утверждал, что их связь началась за два-три месяца до трагедии, что в дом он пришел по просьбе Мари и застал рыдающую женщину со следами побоев: на нее напал муж.

Обвинитель же сослался на твердое убеждение родителей Джона Эванса, что их сын никогда свою жену не избивал, и суд показания Хупера во внимание не принял. Мари однажды обращалась в полицию с жалобой на домашнее насилие, но, так как обвинения против Эванса были отклонены, упомянутый случай на процессе не всплыл. По словам Лоретты Андерсон, это она посоветовала Мари, своей сестре, позвонить в полицию; прибыв по вызову, страж порядка услышал от миссис Эванс, что она отказывается от обвинения: хотя они с Джоном действительно ссорились, но муж ее не бил.

Лоретта же продолжает настаивать: рукоприкладством он занимался и раньше. Правда, до переезда этого не случалось. «Мари не раз говорила, что все дело в новом доме: он изменил мужа до неузнаваемости», – свидетельствует миссис Андерсон».

* * *

Прячу книгу в тумбочку, на самое дно. Принимаю душ, одеваюсь и страницу за страницей вспоминаю прочитанное. Накатывает ноющее чувство тревоги. Перед глазами лицо Патрика, бросающего в огонь мои альбомы. Раньше мужа невозможно было вывести из себя. Потому-то Кэролайн его и недолюбливала – считала слишком холодным. Если бы она увидела, как он орал на меня у мебельного магазина и потом чуть не сломал руль или когда жег мои рисунки, назвала бы Патрика бесстрастным? И что бы я ей ответила? Все дело в новом доме. Он изменил

мужа до неузнаваемости.

Как-то мы с Кэролайн гуляли в парке, обсуждали кинокомедию, которую мы с Патриком недавно смотрели. Подруга сказала:

– Никогда не видела, чтобы он смеялся – ни безудержно, до упаду, ни просто так.

Я защищала мужа, говорила, что ему было весело, что он не робот какой-нибудь, но она не соглашалась.

– Не могу вообразить Патрика ни расслабленным, ни веселым. – Неподалеку, промочив в высокой траве ботинки, резвились, бегали по опавшей листве наши дети. – Невозможно представить его ребенком, – взглянув на них, добавила Кэролайн.

В воспоминаниях Патрика о детстве главное место занимал дом с видом на море, царившие здесь счастье и благополучие. Однако, думая о рассказах мужа, понимаю, что они какие-то нереальные. Картинки, а не истории. Разве мог Патрик быть таким хладнокровным, так владеть собой, когда был ребенком? А в подростковом возрасте, полном сомнений, гормональных бурь и перепадов настроения? Я надеюсь получить доказательства, что Анна ошиблась, задаю вопросы о Джоне Эвансе, и Патрик каждый раз меня обрывает.

– Сара! – слышу снизу его голос. Спускаюсь. Муж – одетый, стоит в дверях – набирает что-то на экране мобильного. – Не забудь о сегодняшнем вечере.

– О вечере? – удивленно спрашиваю я, но Патрик уже ушел.

Оставшись одна, беру телефон. Хочу наговорить очередное – ежедневное – сообщение для Кэролайн и, подумав минуту, откладываю трубку. Что я скажу подруге? Признаюсь ее бездушному автоответчику, что, с тех пор как мы переехали, муж стал другим человеком? Что рассказы Патрика противоречат тому, что я слышу от других людей? Или, хуже того: в ярости, с которой он лупил по рулевому колесу, мне почудилось что-то странно знакомое. Странное ощущение, будто раньше мне это приснилось. Дежавю.

* * *

Докрашиваю створку последнего кухонного шкафчика – хлопает входная дверь. Пришла из школы дочь.

– Что насчет чая? – кричит она из холла, бросая на пол сумку с учебниками.

Разгибаю спину. Который час? Полседьмого. Боже, скоро вернется Патрик. И на что ушел целый день?

– Прости, – говорю дочери, – я забыла. Осторожно! Краска еще не высохла. Где ты была?

– Мам, ты чего? Проснись, черт возьми! Я же оставила сообщение – мы были в библиотеке. Хочу есть.

– В библиотеке? Разве в этом городе есть хоть одна библиотека?

Миа отводит взгляд.

– Я сказала «в библиотеке»? Нет, я имела в виду, что была на берегу.

Открываю рот, чтобы выяснить, куда она все-таки ходила, но осекаюсь. Не хочу новой ссоры, поэтому спрашиваю:

– Где Джо?

– Пошел к морю. Он и сейчас там.

Смотрю на темнеющее небо.

– До сих пор?

Миа с удивлением разглядывает пустой холодильник.

– Сейчас что-нибудь приготовлю, что-нибудь придумаю, – говорю.

– Да ладно, съем бутерброд. – Выходя из кухни, она вдруг оборачивается: – Мам, если серьезно, а что ты скажешь папе?

Миа кусает нижнюю губу – моя девочка опять нервничает.

Я не только забыла приготовить ужин, я забыла купить продукты. Патрик предлагал сделать заказ по интернету, но я, начав красить, совсем потеряла счет времени. И в холодильнике, и в морозильном шкафу – хоть шаром покати. Не могу же я положить на тарелку мужу бутерброд с сыром и назвать его обедом. Когда-то я читала Миа сказку о тигре, который пришел выпить чаю^[7], а съел весь дом. Стою перед пустым холодильником и смеюсь, представляя, как расскажу ее Патрику.

– Привет, – слышу голос мужа и, зажав ладонью рот, умолкаю.

Ничего, хоть тигр все съел, это не страшно. Извинюсь, скажу Патрику, что забыла сходить в магазин. Закажем еду с доставкой.

Выхожу в холл. Патрик оглядывает меня с ног до головы – на мне надетые с утра джинсы, заляпанные краской, и свитер. Убираю в хвост растрепавшиеся волосы.

– Ты что, ничего не помнишь?

– О чем?

– Сейчас придут Дэвид и Элли. Я же предупреждал тебя, что пригласил их на ужин.

Господи! В доме пахнет краской, нет продуктов, не распакованы ни сервизные тарелки, ни бокалы. Пытаюсь вспомнить, нет ли чего

замороженного, чтобы наскоро сварганить какое-нибудь блюдо, а Патрик уже заглядывает в пустой холодильник.

– Ты забыла.

Это не вопрос. Голос мужа звучит мрачно. Мне нет прощения.

– Я действительно забыла, – шепчу виновато.

– Ничего, все хорошо. – Махнув рукой, Патрик захлопывает дверцу холодильника. По движению руки, по глубокой складке на лбу вижу: ничего хорошего нет. – Куда-нибудь сходим. Я позвоню, скажу, что планы изменились, сочиню про сломавшуюся плиту или проблемы с электричеством.

– Давай не будем звонить, – говорю, с трудом проглатывая подступивший к горлу комок. – Я сейчас найду что-нибудь в морозилке, или закажем доставку, можно...

– Нет, идем в ресторан.

Лоб Патрика перерезают уже две складки, и я понимаю: возражать бесполезно.

* * *

По дороге в ресторан не говорим друг другу ни слова. На переодевание муж отвел мне пять минут, так что выгляжу ужасно. Надела юбку, туфли на каблуках, но юбка мятая, туфли жмут. Я без макияжа, волосы висят. Патрик поменял только рубашку и остался в том же костюме, в котором пришел с работы. А у ресторана нас ждут нарядные Дэвид и Элли – сияющие и ухоженные. Элли целует меня в щеку и по случаю новоселья вручает подарок. Мне кажется, жена Дэвида целую неделю не вылезала из салона красоты.

Дэвид – в руках бутылка – улыбается во весь рот.

– Наверное, стоило оставить ее в машине?

– Это мы должны были принести вино в честь важного события, – возражает Патрик.

– Важного события? – удивленно смотрю на мужа.

– Разве я не говорил? Дэвид получил повышение, – радостно сообщает Патрик и подталкивает меня к дверям ресторана.

Дэвид? Бывший подчиненный Патрика? Блондин с искусственным загаром и «БМВ»? Бездетный Дэвид, которому всего тридцать два? Не означает ли грандиозное повышение, что теперь он станет боссом моего мужа? Перевожу взгляд с одного на другого: на фоне преуспевающего

Дэвида Патрик как-то стушевался и кажется ниже ростом. Обычно, когда муж рассказывает о проблемах на работе, я не слишком вникаю.

Теперь мне понятно, почему сегодняшний вечер так важен для Патрика. Он хотел сохранить хоть толику превосходства, продемонстрировав новоиспеченному начальнику дом своей мечты.

Официант кладет передо мной меню. Придавленная сознанием вины, я не могу даже думать о еде.

А Патрик расписывает гостям дом, рассказывает о планах переустройства, о том, что уже сделано. Правда, не говорит ни слова о сырости, об удручающем состоянии почти всех помещений; не упоминает о фиаско в мебельном магазине и о том, что пятнадцать лет на эту недвижимость не могли найти покупателей. И о том, что учился в школе с одной из жертв совершенного в нашем доме преступления, он тоже не говорит.

– Извините, – шепчу я, не дослушав оживленный рассказ Дэвида о несносном клиенте.

Петляя между столиками, ищущая указатель и через весь зал иду по направлению к туалету. В ресторане жарко, много народа, влажный воздух наполнен испарениями жареного масла и неистребимым запахом рыбы, который, кажется, пропитал здесь все, даже фундамент. Патрик заказал столик в центре зала, поэтому на расстоянии вытянутой руки сидят парочки, группы туристов и припозднившиеся семьи с маленькими детьми.

Этот ресторан – неподходящее место, чтобы приглашать сюда гостей. И плохая замена вечеринки в новом доме, как представлял ее себе Патрик: марочный алкоголь в хрустальных бокалах, тихая музыка, цветы на окнах, вид на море. Так что вместо изысканного ужина – креветки в чесночном соусе, жареная картошка и дешевое красное вино.

– Я взял на себя смелость и на закуску заказал кальмаров, – говорит муж, когда я возвращаюсь к столу.

Мимо нас, держа на подносе торт с фонтанчиком бенгальского огня, протискивается официант, и громкое «С днем рождения!» за соседним столом заглушает мой вздох разочарования.

Когда мне было восемнадцать, я один-единственный раз побывала на Крите. Мы, восемь девчонок, провели там неделю каникул, и однажды, поев кальмаров, я чуть не умерла. Два дня не могла выйти из душной комнатки – там не было кондиционера, ползком добиралась до туалета; все время схватывало живот, знобило, рвало даже от глотка воды, трескались губы. Под конец у меня возникли галлюцинации. Помню, как просила подруг дать мне умереть, убить, прекратить мои мучения.

С тех пор меня тошнит от одной мысли о кальмарах, от одного их названия, вида, запаха. И Патрик – я уверена – об этом знает.

Приносят закуску. На потемневших по краям и сбрызнутых маслом листьях салата лежат кальмары. Стараюсь дышать ртом, но на меня все смотрят, зажмуриться не могу. Делаю над собой усилие и бросаю взгляд на скользкие белые кольца. На лбу выступают капли пота, волосы становятся мокрыми, кожу на голове начинает щипать. Подкатывает тошнота. Сдерживаюсь из последних сил.

– Ешь, – сквозь зубы шипит Патрик.

Другие его не слышат. На щеках мужа горят красные пятна. Заметив удивленные взгляды Дэвида и Элли, изображаю улыбку и подношу ко рту вилку с салатом. Муж тоже улыбается.

Отщипываю крошечный кусочек кальмара и быстро кладу его в рот. Все с облегчением возвращаются к прерванному разговору. Стараюсь как можно быстрее, не почувствовав вкуса, проглотить этот кусочек, поэтому приходится дышать носом. От резинового вкуса во рту и резкого запаха меня тошнит. Бросив вилку, обеими руками зажимаю рот. Теперь настала очередь Патрика затаить дыхание и ждать, что будет дальше. Гости, оторвавшись от своих тарелок, тоже не сводят с меня глаз.

Проглатываю и кальмара, и подкатившую к горлу желчь. Залпом выпиваю стакан воды и опять – кольцо за кольцом, стараясь не думать, не чувствовать, не дышать, – запихиваю в себя куски серовато-белого морского гада.

Не останавливаясь, съедаю все. Прошло не больше трех минут. Руки трясутся, в животе буря. Набрал в легкие воздух, поднимаю глаза на Патрика. «Может, он тигр?» – приходит в голову нелепая мысль. Муж – он до своей порции даже не дотронулся – широко улыбается.

– Вижу, тебе понравилось.

Воспринимаю его слова как разрешение выйти из-за стола и хочу, пока лед, проглоченный с водой, не растаял и меня не вывернуло наизнанку, добежать до туалета.

– А я не голоден, – добавляет Патрик. Я нервно царапаю спинку стула. – Когда вернешься, можешь съесть и мою порцию.

* * *

Ночью просыпаюсь, живот крутит, меня опять тошнит. Мчусь в ванную. На сей раз Патрик идет следом и, когда я склоняюсь над унитазом,

помогает мне, убирает с лица волосы.

– Сегодняшний вечер был для меня очень важен, – говорит муж. Меня снова выворачивает одной желчью. – Я столько рассказывал Дэвиду об этом доме и так хотел позвать их не в паршивый дешевый ресторан, а сюда, показать, что плевал я на их чертово повышение.

– Ты был знаком с Джоном Эвансом? – шепчу я.

На мгновение рука Патрик сильнее стягивает мне волосы.

– Сара, прекрати! Оставь это, – говорит он, ослабив хватку и протягивая мне полотенце.

Беру его трясущимися руками, споласкиваю лицо водой и, вытираясь, смотрю в зеркало, на отражение Патрика – на человека, который кажется мне совсем чужим.

– Я хотел извиниться. Эти кальмары, – говорит он, уже выходя из ванной. – У меня совсем вылетело из головы. Я тоже иногда могу что-нибудь забыть.

* * *

Не было лучшего места для всяческих тайников, чем этот дом. Мой – новый и безликий, а здесь сокровища можно было прятать и в широких трещинах стен, и под сломанными половицами, и в отверстиях, которые словно нарочно проделали в штукатурке. Когда мы были маленькими, то прятали игрушки и сладости. Когда стали старше, хранили там записки и фотографии, тексты песен и плохие стихи, а еще ворованные сигареты, которые там и высыхали, потому что никто из нас даже не пробовал курить. Однажды в тайном хранилище оказалась пара бледно-розовых трусиков Крисси. Дело было в школе. Сначала она вздернула юбку, чтобы ты их увидел, потом вышла и, вернувшись с розовым комком в руке, сунула его тебе в карман и убежала. Ты спрятал это сокровище в самом секретном месте, но не знал, что с ним делать – ни тогда, ни позже. Тебе едва исполнилось тринадцать, а Крисси была старше. Ты не понимал, зачем она положила тебе в карман эту деталь нижнего белья, но догадывался: это какой-то знак: девочка предлагала тебе нечто бесценное.

Глава 15

Сара

На следующее утро раздается стук в дверь. Думаю, что это Анна, но на пороге – с парой пинеток в руках – стоит Бен.

– Извините, это не ваши? – спрашивает он. – Проходил мимо, заметил башмачки и подумал, вдруг их потеряли вы. Кажется, дождь собирается, не хочу, чтобы они намокли, – подняв глаза к небу, добавляет неожиданный гость.

Смотрю на ботиночки. Очень похожие были когда-то у Миа: из кремового атласа с бархатной отделкой и длинными шелковыми лентами-завязками. Эти же перепачканы грязью, края лент обтрепаны.

– Лежали на ступеньках, – объясняет Бен.

Оборачиваюсь и бросаю взгляд на стоящий в холле шкаф, куда я положила найденную перед дверью раковину. Вспоминаю, что Анна считает Бена чудачком, и удивляюсь: не слишком ли часто он «проходит мимо»? Честно говоря, в том направлении ничего нет.

– Не мои, – отвечаю. – Наверное, кто-нибудь оставил здесь ради шутки.

– Ради шутки? – Бен держит башмачки за шелковые ленты.

– Давайте я выброшу, – говорю, но брать ботиночки в руки не спешу. Неправильно это – выбрасывать пинетки в ведро с картофельными очистками. Видно, что крошечную обувь много и с удовольствием носили.

– Когда буду уходить, я сам положу их в ваш мусорный бак. А с вами все в порядке? – вдруг спрашивает Бен. – Вы очень бледная.

– Ничего. Пустяки. Последствия от несвежих морепродуктов.

Ночью я не сомкнула глаз: и мутило, и не давали покоя ужасные мысли. Сегодня от белой таблетки я не отказалась, и меня устраивает заторможенность, которая возникает после приема пилюли. Однако я не собираюсь рассказывать ни об антидепрессантах, ни о кальмарах, ни о Патрике.

Прикрываю дверь, однако Бен не двигается с места.

– На самом деле я... Я не просто шел мимо.

Упираюсь рукой в дверную раму, опасаясь, что он – со своими странностями и чудачествами, о которых говорила Анна, – войдет в дом.

Лучше бы я вообще не открывала. Когда Бен приглашал меня на обед, не надо было с ним кокетничать.

– Один художник переносит выставку на более поздний срок, и я хотел спросить, не согласитесь ли вы представить свои работы в следующем месяце. Мы напечатаем плакаты, проспекты и, надеюсь, привлечем к ней внимание.

Чтобы подавить приступ паники, прижимаю руки к животу.

– Я не могу. У меня мало картин. У меня... Как я за один месяц подготовлю целую выставку?

– А вы не заглянете в галерею? Там... Там как раз есть то, что вам поможет.

* * *

Бен уходит. Оглядываюсь по сторонам: что-то здесь не так, что-то изменилось. Восклицательный знак, что я расчистила на стекле, почти не виден, но рядом появился второй. Он меньше, не такой заметный, и все же это еще одна прочерченная по соляной корке линия. На клумбе валяются маленькие белые камешки – раньше их здесь не было. Они так похожи на мои таблетки, что я даже проверяю сумку: вдруг случайно вместо семян я посеяла пилюли? Но пузырек полный, и, приглядевшись, понимаю: на земле рассыпаны не камешки и не семена. Это крошечные обломки раковины, а рядом с ними, прямо под новой меткой на стекле, – чей-то след.

Глотаю очередную таблетку и не могу избавиться от мысли, что мои пилюли – настоящие семена. Они пустят корни, заполнят меня чем-то гадким, и я все просплю: мой восклицательный знак на стекле, зарастая солью, исчезнет, а новые картины для выставки так и останутся ненаписанными. Достаю из сумки пузырек, отвинчиваю крышку. Не обращая внимания на грязь, не думая о том, что испачкаю джинсы, опускаюсь на колени. Голыми руками, проковыряв среди ракушечных осколков несколько ямок, раскладываю в них пилюли и, замечая следы, старательно разравниваю поверх белых крошек и отпечатка чьей-то ноги мокрую землю.

В поисках мятных драже роюсь в карманах дочери. У нее всегда есть «Тик-Так», одна-две коробочки. Мятные конфетки крупнее моих, но в бутылочке, на расстоянии, их не отличишь.

Я как раз закручиваю крышку, когда появляется Патрик.

– Пьешь лекарство? Хорошая девочка.

Я киваю. Сердце выпрыгивает из груди. Изо всех сил стараюсь унять дрожь. Только бы Патрик не заметил, что меня трясет. Рука, сжимающая пузырек, болит от напряжения. Под ногтями еще осталась грязь – не смогла отмыть пальцы дочиста. Если Патрик спросит, скажу, что сеяла цветы.

Никогда не умела врать. Если скажу Патрику, что не хочу принимать пилюли, он пошлет меня к доктору. Тот заглянет в историю болезни, почитает и отменять лекарство не позволит. Так что учусь притворяться – вытряхиваю на ладонь драже и кладу его в рот.

Убираю «лекарство» в сумку и отворачиваюсь. Сводит плечи, волосы становятся мокрыми от пота. Вдруг Патрик обнимет меня и по запаху мяты догадается, что я лгу? Муж подходит сзади, обнимает за плечи, целует в макушку. Поворачиваюсь к нему лицом. Теперь Патрик гладит меня по спине. Он гораздо выше меня, у него сильные руки. Раньше мне это нравилось – в его объятиях я чувствовала себя в безопасности, а сейчас трудно дышать. Пытаюсь ослабить хватку, но Патрик сжимает меня еще крепче.

– Патрик... – говорю я, уткнувшись рукой ему в грудь.

Он слегка отодвигается.

Спина упирается в подоконник, а Патрик держит меня за руки, так что повернуться я не могу.

В этот момент мне кажется, что я в доме его родителей. Представляю, как в приступе клаустрофобии покрываюсь холодным потом, как сбивается дыхание.

– Сара, в чем дело? – спрашивает Патрик.

Он берет меня за подбородок и целует в щеку.

Я все еще не могу сдвинуться с места. Вспоминаю о Бене, о галерее, воображаю в витрине свои работы. Под пристальным взглядом мужа сердцебиение усиливается. Вдруг ему все известно?

Хлопает дверь. Патрик отступает на шаг и поворачивает к дочери сияющее лицо.

– Привет, – говорит Миа и смотрит на меня.

Читаю в ее глазах тревогу. Что не так? Отчего у Миа такой унылый вид? Что заставляет дочь грызть ногти?

– Как дела, – спрашиваю, – как прошел вечер?

Она смахивает упавшую на лицо прядь волос и, уже собравшись уходить, пожимает плечами.

– Мы с Джейн делали домашнее задание, смотрели телевизор. Что на ужин? Я такая голодная! Макароны в сливочном соусе, которые

приготовила ее мать, есть было невозможно.

– А я думал, ты пошла к Бетти, – говорит Патрик.

Щеки дочери покрываются красными пятнами. Прихожу ей на помощь.

– Миа мне звонила. Объясни папе, – обращаюсь к дочери, – что Бетти не было дома и ты спрашивала, можно ли пойти к Джейн.

Бросив на меня хмурый взгляд, дочь кивает и, не дожидаясь новых вопросов отца, поднимается к себе.

Я спешу за ней, а Патрик – притворная улыбка уже сползла с его лица – молча смотрит мне в спину.

– Спасибо, – бормочет Миа, когда мы встречаемся на верхней площадке. Девочка держится за дверную ручку, но в комнату не входит. – Ты не должна из-за меня врать.

– С тобой все в порядке?

Миа смотрит на меня долгим взглядом.

– Конечно. А что со мной может случиться?

Она открывает дверь своей спальни, и я опять вижу голые стены. Ни ее фотографий, ни новых друзей. Может, у Миа нет компании, а есть только один друг, о котором я слышала раньше и чьи фотографии она прячет от посторонних глаз в телефоне?

Хочу поинтересоваться, с кем дочь провела вечер, что делала, однако по ее сгорбленной спине, по настороженному взгляду понимаю: стоит об этом спросить – и мы опять поссоримся. Поэтому задаю совсем другой вопрос:

– А страшные сны тебе больше не снятся?

Ее рука с такой силой впивается в дверной косяк, что от напряжения костяшки пальцев становятся белыми. Мне кажется, дочь сейчас захлопнет дверь прямо перед моим носом. Но она опускает руку и отступает. Принимаю это молчаливое приглашение и сажусь на край кровати. Миа смотрит в окно.

– После того как ты выбросила те книжки, те статьи, стало лучше, – отвечает она и оборачивается. На ее лице появляется слабое подобие улыбки. – Нет ничего удивительного, что мне снились кошмары. Ты... Ты хоть одну из них прочитала?

Вспоминаю строчку из «Домов-убийц»: «Соседи сообщают, что за несколько месяцев до преступления дети, живущие в доме, стали замкнутыми, слишком тихими».

Помедлив, отрицательно качаю головой. Миа не нужно знать, что я читаю перед сном и что прячу у себя в тумбочке. Лучше успокоить девочку.

– Мне известно достаточно и об этом доме, и об убийстве. Известна правда, а не сплетни. – Встаю. Протягиваю руку, чтобы погладить Миа по голове. Мне хочется вновь увидеть ее улыбку. – Слушай, ведь мы так и не были в магазине. Что, если сходить туда в выходные? Отпразднуем начало пасхальных каникул. Зайдем куда-нибудь поесть... – Опять оглядываю пустые стены. – А ты не хочешь провести несколько дней у Кэролайн? Я могу ей позвонить.

Миа морщится, как от боли, и на лице появляется непроницаемое выражение. Опять эта отчужденность, враждебный настрой.

– У Кэролайн не хочу.

Странно. У них раньше были прекрасные отношения. Однажды, когда они секретничали, я даже приревновала дочь к подруге.

– Ты могла бы встретиться с друзьями.

– Господи, мама, тебе недостаточно намека? Хочешь, чтобы я назвала вещи своими именами?

– Ты о чем?

– О том, из-за чего ты наглоталась таблеток.

Теперь моя очередь вздрагивать как от удара.

Дочь бледнее обычного, ее щеки пылают.

– Я думала, – говорит она срывающимся голосом, – ты так наказывала папу за измену.

У меня перехватывает дыхание. Ее слова, как она и рассчитывала, попадают в цель, ранят в самое сердце. Вспоминаю письмо, с которого все началось. Женский почерк на конверте. Его, как подсказывал инстинкт, нужно было спрятать, похоронить, забыть навсегда; притвориться, что никогда не брала то письмо в руки.

Знала ли я? Подозревала ли?

– Я их видела. Только поцелуй, но было ясно, чем они занимались. – Миа трясет головой, будто хочет избавиться от тяжелого воспоминания. – Но я тебя не осуждала. Как я могла? Я бы тоже решилась на самоубийство. Если папа мог обманывать тебя с твоей подругой, с этой...

– Что?!

Миа смотрит мне прямо в глаза.

– Он целовался с Кэролайн.

Не верю своим ушам: с Кэролайн?

Кэролайн?!

Ты всегда мечтал. Мы встречались на берегу и, спасаясь от ветра и дождя – без них не обходится ни одно воспоминание, – жались к скалам. Перекрикивая шум ветра, ты посвящал меня в свои мечты, а твое дыхание, сладкое и горячее от украденной из дома выпивки, было там единственным теплым дуновением. Тогда ты еще не завязал с алкоголем. Смешно: кто, черт возьми, бросает пить в восемнадцать? Твои мечты о фантастическом будущем вдохновляли меня, зажигали воображение. Ты говорил, что мы – ты и я – пойдем против всех и всего добьемся. И ты стал карабкаться наверх, а мне никак не удавалось выбраться из трясины. Теплилась надежда, что придешь, протянешь руку, поможешь. Но этого не случилось. Ты не пошевелил даже пальцем и оставил меня гнить и умирать.

Можно было догадаться, что так и будет. Ты ведь бросил меня, как только понял: мне никогда не достичь того уровня, на который поднимешься ты.

Глава 16

Сара

Выставив только лицо, лежу в ванне. Она такая полная, что при каждом движении на кафельный пол выплескивается вода.

Миа, конечно же, не права. Она могла что-то заметить и не так понять, ошибиться. Но... Кэролайн Патрика терпеть не может. Дочь просто увидела их рядом и решила, что они целовались. И вдруг меня как подбросило. Мы были неразлучны с Кэролайн почти двадцать лет. Она моя лучшая подруга. Она знала обо всем: как я познакомилась с Патриком, влюбилась, как была на седьмом небе от счастья, упиваясь близостью со своим первым мужчиной.

Неправда. Это не может быть правдой. Однако внутренний голос воскрешает забытые эпизоды – и колкости, которыми Кэролайн обменивалась с Патриком, теперь кажутся флиртом. Вспоминаю, что при моем появлении в комнате они часто прерывали разговор: конечно, они не спорили, не обсуждали меня, а просто договаривались о встрече. И тогда в клинике, уговаривая меня отказаться от переезда, Кэролайн волновалась вовсе не из-за меня, а из-за Патрика.

Каждая догадка острой иглой ранит мне сердце. Хочу позвонить ей, умолять, чтобы разуверила меня, сказала, что ничего не было. А что, если было? Вдруг она все подтвердит? Что я буду делать тогда? Боже, я просила ее найти родственников Джо. Кэролайн могла все рассказать Патрику. Может, уже рассказала. Закрыв глаза, сползаю глубже в воду, а внутренний голос все не умолкает.

– Кто это сделал?

От резкого крика я подпрыгиваю. Вода переливается через край. Выскакиваю из ванной, спускаюсь вниз. Патрик трясет сына за плечи.

– Что случилось? – спрашиваю.

Они оборачиваются. Сын испуган, а от искаженного холодным гневом лица Патрика меня бросает в дрожь.

– Кто это сделал? – снова орет он, обращаясь к Джо.

– Что сделал? – бормочет мальчик.

Патрик тащит его в кухню. Иду следом. Открыв дверь, ведущую в сад, муж выталкивает сына наружу.

– Смотри! – Патрик показывает пальцем на растущее под окном Джо старое дерево.

Сначала мне кажется, что там болтается пара кроссовок. Не понимаю, чего Патрик так злится. До ветки дотянуться нетрудно, и Джо вполне мог их повесить. Подойдя ближе, понимаю: это не кроссовки Джо и не кроссовки Миа. Эта обувь не принадлежит никому из обитателей нашего дома. На дереве качаются атласные пинетки с шелковыми лентами – те самые младенческие ботиночки, которые нашел, а потом выбросил Бен. Или только сказал, что выбросит?

Муж – дыхание неровное, учащенное – одной рукой цепко держит сына, вторая – до белых костяшек – сжата в кулак.

– Послушай, это не Джо. Зачем ему вешать перед окном детские башмачки? Я думаю, их случайно забросила игравшая на улице ребятня.

Патрик, не отрываясь, смотрит, как ветер треплет розовые пинетки. Мне становится жутко: я и раньше видела этот полный ужаса взгляд, но не знаю, в чем его причина.

– Извини... – говорит муж и, отпустив Джо, взъерошивает волосы. – Конечно, ты права. Убери их отсюда, – с каменным лицом кивая в сторону яблони, бросает Патрик и возвращается в дом.

Хлопает входная дверь. Замираю. Только услышав рокот мотора и звук отъезжающего автомобиля, перевожу дыхание.

– Мам, ты и теперь скажешь, что нам здесь будет лучше? – спрашивает Джо, расправляя смятую отцовской рукой футболку. – Все еще думаешь, что этот дом нам подходит?

* * *

Разве это нормально? Ненавижу себя за то, что задыхаюсь при ходьбе. Кажусь себе старой, больной, не следящей за модой домохозяйкой. Я никому не интересна, даже в собственной семье меня видят как сквозь матовое стекло.

«Мне ведь только тридцать шесть», – бормочу себе под нос, спускаясь по грязной тропе.

Далеко впереди, поскользнувшись на мокрой глине, хохочет Анна. Рядом шумит река, и мне вспоминается одно свидание с Патриком из тех времен, когда мы жили в Кардиффе.

Мы только начали встречаться и ходили, держась за руки. В тот раз мы сидели на берегу реки и по очереди откусывали от одного бутерброда. Мы

смеялись, потому что куски сэндвича падали на землю, а Патрик не хотел отпускать мою руку. Он всегда так крепко держал меня.

– Давай быстрее, – обернувшись, кричит Анна.

Небо чистое, день солнечный, но воздух холодный: изо рта вырываются облачка пара. Впереди блестит море. В страхе перед пустыми холстами, которые еще только предстояло заполнить красками, я попросила Анну показать ее секретный пляж. Но сегодня утром я вдруг передумала. Даже запирая дверь, я все еще искала отговорки. Нарочно пошла в другую сторону – не от города, а в город, и, разрываясь между желанием увидеть обещанные Анной красоты ее тайного пляжа и вернуться домой, остановилась на ярмарочной площади. Вдруг я увидела Джо – он прятался в тени, за палаткой с сахарной ватой. Стараясь остаться незамеченной, я тут же повернула обратно, но все-таки успела разглядеть рядом с ним другого парня в школьной форме. Он целовал моего сына.

Я пустилась бежать – не фигурально выражаясь, а почти буквально. Что бы я сказала, попадись им на глаза? Какую-нибудь глупость, вроде «почему вы не в школе?», или «я так за тебя переживаю», или «только не говори отцу». От подобных вопросов улыбка на лице сына – я так давно ее не видела! – сразу бы погасла.

Ноги сами привели меня на прибрежную тропу, туда, где мы условились встретиться с Анной. Она – совсем как на картине, выставленной в витрине галереи, – сидит на скамейке и смотрит на море.

– Ну как? – спрашивает Анна, пока мы спускаемся по каменистому склону.

Выпрямляюсь и смотрю вниз. Анна права: как и берег около дома, этот пляж покрыт галькой, только камешки здесь разноцветные – сотни оттенков голубого, зеленого, розового. Вода местами кобальтовая, местами нефритовая, кое-где серая. Кажется, что тусклый пейзаж из витрины разрезали на кусочки и опять собрали. Сложенный заново, он заиграл настоящими красками природы. Вдоль берега на мили тянутся мягкие, поросшие зеленой травой утесы. Если бы сегодня у меня был с собой альбом, думаю, мне захотелось бы рисовать.

Бросаю взгляд на Анну: спускаясь, она разругалась, прыгает с камня на камень, отчего и выглядит моложе своих лет.

– Мне так это было нужно, – говорю. – Сегодня плохо спала, а здесь утреннюю вялость как рукой сняло.

Хочется рассказать о муже, о Кэролайн. Впрочем, Анна их не знает, поэтому разубедить меня не сможет. Чего доброго, еще поверит, что так и было. Накатывает страх.

– Как вы познакомились с Патриком? – спрашивает она, когда мы оказываемся у кромки воды, которая то подкрадывается к нашим ногам, то снова отступает.

– На вечеринке. Я еще училась в художественном колледже. Была молодой – всего девятнадцать – и глупой. Слишком молодой.

– В таком возрасте засесть дома с детьми? Не жалеешь?

Джо и Миа – помню их малышами: первые зубки, слезы, истерики и заливи́стый младенческий смех; помню, как впервые отвела в школу сына, потом дочь, как они выступали на школьных концертах.

– Я никогда не пожалела ни об одном дне, проведенном с детьми.

– Странно. Трудно представить, что Патрик Уокер, с которым училась в школе, остепенился, обзавелся семьей, – произносит Анна, отступая от набегающей волны.

– Почему странно?

– Он всегда твердил, что никогда не женится. Он раньше всем говорил, что достаточно насмотрелся на своих родителей и никогда не повторит их ошибку.

– Но...

Слова Анны никак не вяжутся с рассказами Патрика. Я думала, что брак его родителей был счастливым и им хорошо вместе даже в старости. Мне это нравилось.

Мы нашли подходящий камень и сели. Разгоряченная прогулкой, я сняла куртку, закатала рукава.

– Слушай, а почему ты согласилась сюда переехать?

– У меня... У меня был срыв. Умерла мама, еще кое-какие причины. Короче, я сломалась. Потом, правда, почти пришла в норму, но нам всем нужно было что-то изменить в жизни, начать с чистого листа. Только это не совсем то, чего мы хотели.

– А галерея? По-моему, неплохо для начала. Настоящая новая жизнь.

– Патрик против выставки. Думает, что я опозорюсь.

Вспоминаю, как он комкал рекламный листок. Это было больно и унижительно.

Какое-то время сидим молча, смотрим на море.

– Я открыла это местечко еще девчонкой – взбалмошным, неуравновешенным подростком, когда настроение меняется каждую минуту: то летаешь, то хочется лечь и умереть. Помнишь то время?

Я киваю.

– С Джо и с Миа сейчас происходит то же самое. Мне тяжело это видеть. Вот бы они снова стали пятилетними малышами. Тогда я знала, как

сделать их счастливыми.

– Приведи их сюда. Здесь жизнь кажется легче и ярче.

– Твой секретный пляж мне очень нравится.

– Тогда он станет и твоим, – улыбается Анна, – будет у нас в общей собственности – пятьдесят на пятьдесят.

Ну вот, еще один секрет от Патрика.

– Нарисуй это место. – Она протягивает мне на ладони несколько мокрых камешков, сверкающих, как самоцветы. – Устрой выставку. Хоть что-нибудь сделай для себя.

Облизываю пересохшие губы. Они соленые.

– Я сделаю. Обязательно сделаю.

* * *

Иду в галерею, чтобы поговорить с Беном. Около двери останавливаюсь в нерешительности: Анна считает его странным, и эти башмачки на дереве... Однако Бен – он занят с посетителем, – заметив меня, расплывается в улыбке. Вхожу внутрь и, не прерывая их тихий разговор, брожу по галерее. Полированные деревянные полы, белые стены, огромные окна. Здесь красиво, светло и тепло.

Попрощавшись с посетителем, Бен подходит ко мне. А я целиком поглощена одной картиной. По размеру она невелика, но так прекрасно передан простор, стелющийся по земле туман... Кажется, что дюны парят в воздухе.

– Ваша?

Бен утвердительно кивает.

– Она великолепна. Отличная работа... только от нее веет одиночеством, тоской.

– Есть другие, более удачные. Эта слишком грустная.

Точно. Грусть – вот каким настроением дышит эта картина.

– Одна из тех, что я писал после развода. Сейчас в моих работах гораздо больше радости, – говорит Бен с улыбкой, но я понимаю, что она скрывает печаль.

– Вы сказали, что поможете с подготовкой к выставке.

С минуту Бен смотрит на меня, потом, заперев галерею изнутри, направляется к двери во внутренние помещения. Мне становится не по себе. Зачем я это сделала? Может, я его неправильно поняла?

– Пойдите, – шепчу еле слышно. – Вы, когда выбрасывали пинетки,

повесили их на дерево?

– Что? Какие пинетки?

– Детские ботиночки, которые вы нашли перед нашим домом.

– Повесил на дерево? – Бен хмурится. – Да нет же. Как обещал, я положил их в мусорный бак.

– А они оказались не в баке, а в саду, на дереве. Висели на ветке.

– Клянусь, я... Я как сказал, так и сделал: взял и отнес их в бак. Вот и все.

– Значит, их повесил кто-то другой.

– Сара, в чем вы меня сейчас обвиняете? Мне кажется, это дело рук неизвестного шутника, – говорит Бен. Я отступаю. Он мрачнеет. – Честное слово, я не преследую вас, не пугаю младенческими туфельками, не замышляю против вас ничего ужасного, но, если вы не чувствуете себя в безопасности, не стану вас задерживать. А по поводу выставки с вами свяжется кто-нибудь другой.

Из-за слежки за домом я совсем рехнулась. Настоящая паранойя. Я в общественном месте и пришла сюда сама.

– Извините, – говорю, – но вы заперли дверь, и...

– Запер, потому что мы уйдем отсюда, а картины представляют определенную ценность. Просто я хотел вам кое-что показать, вот и все. – Медлю с ответом. – Взглянете? Это не займет и минуты, – вздыхает Бен.

По лестнице, что скрывалась за дверью, поднявшись на пролет, входим в большую комнату. Один угол занимают заляпанная краской раковина и дребезжащий холодильник, от растрескавшегося пола тянет сыростью; довершают картину облупленные стены. Впрочем, сквозь два огромных окна льется свет, поэтому в помещении тепло и солнечно.

– Что скажете? – спрашивает хозяин.

– О чем?

– Это студия. – Осматриваюсь: тихо, много света, воздуха. Я могла бы здесь работать. – Я дам вам ключи. Тут есть еще отдельный вход. Вы сможете приходить и уходить, когда захотите. Пока не купил домик, я здесь жил, – подходя к окну, добавляет Бен.

Он меня не знает и предлагает место для работы? За что? За нелепые обвинения, с которыми я на него напустилась?

– Как? Почему? – спрашиваю удивленно.

– Почему нет? – говорит он, пожимая плечами и улыбаясь, когда мы выходим из комнаты. Моей мастерской! – Я тут больше не пишу. А вам это помещение необходимо. Здесь всегда было что-то вроде убежища. Еще в детстве тут какое-то время жил один мой друг... Когда у него дома жизнь

становилась невыносимой.

Молча возвращаемся в галерею. Не знаю, хорошо ли принимать его... Нет, это не жалость. Скорее сочувствие. Или забота? Не знаю что, но раньше ни один чужой человек не делал для меня ничего подобного.

– Сара, если есть что-то еще, – говорит Бен, прощаясь, – если что-то будет нужно или вообще понадобится помощь, дайте знать. Договорились?

Я киваю и отворачиваюсь. Чувствую, как горят щеки. Я захожу слишком далеко. Он предлагает больше, чем дружбу, и я готова броситься ему на шею, расцеловать, заставить снова запереть дверь, раздеть меня прямо здесь, на полу этого тайного убежища. А потом я вернусь домой, и пусть Патрик – по моему виноватому взгляду – поймет, что теперь мы квиты.

* * *

Снова и снова прокручиваю в голове былое время, былые годы. Мне представлялось тогда, что мы – два верных друга – окружены враждебным миром. Наркотики, выпивка – где какая найдется – помогли не думать, не вспоминать, а просто плыть по течению. Но стоит протрезветь – включается проектор, и в который раз смотрю старый знакомый фильм.

Середина лета, вечер, берег моря. Начался отлив. Ты разжег костер. Ближе к полуночи еще двое, что были с нами, ушли домой. Ты спросил, не волнуются ли мои родители, когда я не ночую дома. Мне нужно было задать вопрос про твоих, но вместо этого ты услышал правду: без меня предкам даже лучше. Когда прихожу, у них делаются такие кислые лица: как же, меня надо кормить, со мной надо разговаривать. Ты поворошил палкой костер, и огонь разгорелся с новой силой. «Господи, если у меня будут дети, с ними все будет по-другому», – сказал ты той ночью.

Думаю, ты сам не понимал, как искренне и честно прозвучали тогда твои слова. А если бы понял, то наверняка бы смутился.

Глава 17

Сара

Домашние заняты каждый своим делом, а я, дождавшись, когда все стихнет, достаю из кармана куртки разноцветные камешки. Поднимаюсь наверх, открываю шкаф. Там, в глубине, лежит старая деревянная коробка. Ее сделал для меня отец, и я всегда хранила в ней свои сокровища. Туда же, чтобы, когда захочется, любоваться цветной галькой, собираюсь положить и частичку тайного пляжа.

Проверяю, заперта ли дверь спальни, и сажусь на пол. Открываю крышку – и по телу пробегает дрожь: что-то не так, что-то изменилось. Закусив губу, вынимаю связку исписанных выцветшими строчками почтовых открыток. Отец присылал их из таких уголков, о которых я раньше никогда не слышала. Под открытками должна быть мамина шкатулка с драгоценностями – старинными ожерельями и сережками. Ничего из этого я бы не надела, но в них много золота – такие вещи всегда прячут в надежном месте. Вытряхиваю из коробки открытки, детские дневники, младенческие кофточки, что когда-то для Джо и Миа связала мама. Шкатулки на месте нет.

Убираю коробку обратно в шкаф и опускаюсь на кровать. Ноги меня не слушаются. В комнату заглядывает Патрик.

– С тобой все в порядке?

Киваю. Сердце бьется так сильно, что кажется, муж тоже слышит гулкие удары.

– По-моему, я не смогу встать, – шепчу еле слышно. – Подожди, – говорю, останавливая его на пороге, – ты не видел маминой шкатулки с украшениями?

– Шкатулки с украшениями?

Патрик бросает взгляд на туалетный столик: крышка моего сундучка открыта, но там нет ничего, кроме нескольких пар серег и спутанных серебряных цепочек. Все мои драгоценности не стоят и сотни фунтов. Их можно не прятать.

– Не эта. Украшения моей мамы – золотая цепочка, обручальное кольцо...

– А почему я должен был ее видеть?

– Она пропала.

– Детей спрашивала? – Муж явно озабочен.

Думаю о новых туфлях дочери, о незнакомых вещах, которые она теперь носит, о сыне, часами не выходящем из своей комнаты.

– Наверное, переложила куда-нибудь при переезде. – Я делаю над собой усилие и улыбаюсь.

– Ну да. А ты опять рисуешь? – мрачно спрашивает Патрик, увидев на полу, около кровати, мой альбом. – Можно посмотреть?

– Нет, работы сырые, там пока нечего смотреть.

Вспоминаю о заметках, которые нацарапала на его страницах, о незаконченных набросках и спешу убрать, пока до него не дотянулся Патрик.

– А это что? – подняв с пола брошюру, спрашивает муж.

Альбом лежал поверх книги о домах-убийцах, которую я забыла спрятать.

– Ничего особенного. Нашла в городе, в комиссионном. Подумала...

Смотрю на Патрика. Он с непроницаемым видом листает страницы. Если бы муж увидел в альбоме записи, которые я делала, читая эту дурацкую книгу, мои безумные мысли по поводу странных предположений автора, то нашел бы там помеченное вопросительным знаком свое собственное имя и увидел связанные стрелками имена Джона Эванса, Бена и Яна Хупера.

– Зачем ты это читаешь?

– Из любопытства, – отвечаю виновато.

– Черт возьми, какое любопытство могут удовлетворить эти выдумки?

– Это все неправда, я знаю. Но...

– Неправда? «Что касается Уокеров, то дом был изъят у них за долги. Общеизвестна также их ненависть к его новым владельцам – Эвансам», – перевернув страницу, вслух читает Патрик. – Похоже, тебе очень понравились эти строчки, ты их даже подчеркнула. – Он сверлит меня взглядом. – Сара, ты что? По-твоему, мы с матерью пробрались сюда, вырезали целую семью, а потом, сунув нож в руку Хупера, вылили на него ведро крови?

– Да нет же! Но...

– Какое, к черту, «но»? – Патрик принимается вырывать из книги листы, комкает их, разбрасывает по комнате. – Ты знаешь, что эта злобная, дьявольская клевета чуть не убила моих родителей?

Отрицательно качаю головой. После случившейся в этом доме трагедии мы почему-то стали реже их навещать. Не бывали месяцами.

– Родителей одолела пресса: журналисты неделями ходили по пятам, все выведывали подробности о так называемом доме-убийце. – На лбу Патрика выступают капли пота. – У отца начались проблемы с сердцем, – добавляет муж, переведя дыхание, – а теперь эту мерзкую дрянь читаешь ты.

Листы как гигантские конфетти разбросаны по полу. У Патрика в руках осталась одна обложка. Он закрывает ее, словно это все еще книга.

– Прошу тебя, не читай больше подобных выдумок, – говорит он и уже в дверях добавляет: – Уберешь здесь, ладно?

Начинаю собирать порванные листы, но в голове крутятся выхваченные взглядом слова и фразы:

*«дом-убийца»
«избитый и плачущий»
«все дело в новом доме. Он изменил мужа до неузнаваемости»
«запущенное состояние»
«пятна крови»
«ужас»
«разрушения»
«действительно ли дело в самом доме?»
«в доме ли дело?»»*

Смотрю на шкаф и, прижимая к груди обрывки книги, думаю о коробке, о пропавшей шкатулке с драгоценностями. Когда мама умерла, Патрик уговаривал, чтобы я их продала. Мы не ссорились. Он просто не мог понять, зачем хранить украшения, которые не собираешься носить.

Нужно отнести ему все смятые листы, пусть сожжет. Он ожидает от меня именно этого. Однако я опять прячу их в ящик, на самое дно.

Спускаюсь следом за Патриком. По дороге поднимаю с пола куртку дочери. Джо, сбегав по ступенькам, пытается незаметно проскользнуть к выходу, но отец преграждает ему дорогу.

– Никуда не пойдешь, – приказывает он, обращаясь к сыну. – Никто никуда не пойдет. Скоро ужин, это время, когда семья должна быть в сборе.

– С каких это пор? – удивляется Джо.

– Марш в свою комнату и сиди там до ужина.

– Нет. Я уйду.

– Разговаривать со мной в таком тоне? Да как ты смеешь?

– Что тут происходит? – Это пришла Миа.

Задев меня – я стою на пути, – Джо пытается за спиной Патрика пробраться к входной двери. Отец отталкивает мальчика к стене, а потом, судорожно вцепившись в его футболку, притягивает к себе и с такой силой отбрасывает вновь, что дыхание сына прерывается, а его упирившиеся в грудь Патрику руки повисают как плети.

– Перестань! Патрик! Прекрати немедленно!

Хватаю мужа за рукав, и Патрик мгновенно отпускает мальчика. Скрюченный, он задыхается, заходится в кашле.

Миа плачет.

– Как ты? – шепчу, склонившись над сыном.

– Ты видишь? – Его едва слышно, в глазах стоят слезы.

Шатаясь, Джо расталкивает нас и вырывается на улицу.

– Парень совсем выходит из-под контроля, – переводя дыхание, говорит Патрик и тыльной стороной ладони вытирает мокрый лоб. – Он чуть не сбил тебя. Не ударилась?

Молча качаю головой.

– Знаю, – бормочет муж, – я зашел слишком далеко. Но ты слышала, как он разговаривал? Надо его найти. – Патрик откидывает со лба волосы. – Обещаю: я все улажу.

– Подожди. Тебе нужно...

– Нужно что? Успокоиться? Я совершенно спокоен. Разве я ругался? Разве кричал? Отыщу Джо, приведу домой, и мы поговорим. Поговорим спокойно.

– Патрик... – Тревога нарастает, внутри все сжимается.

Он оборачивается: волосы приглажены, застегнут на все пуговицы. Передо мной снова невозмутимый и улыбающийся Патрик.

– Сара, ты не ходи. Останься. Джо успокоится и вернется домой.

От порывов ветра раскачивается и дребезжит почтовый ящик.

– Собирается дождь, – озабоченно говорит муж, – надвигается шторм. В такую погоду нечего делать на улице. Не волнуйся, я его найду.

– Именно этого я и боюсь, – шепчу одними губами.

Но Патрик уже вышел. Он меня не слышит.

* * *

Заглядываю в комнату Джо. На кровати его альбом. Сажусь, перелистываю страницы. На нескольких первых листах – зарисовки, которые сын делал с меня. На каждой странице два изображения: грустная

и счастливая, плачущая и веселая, спящая и едва открывшая глаза. Чтобы понять, когда я настоящая, сын словно разделил мой образ надвое. Мне всегда хотелось представить, какой меня видит Джо. Теперь точно знаю: потерянной, нервной, балансирующей на грани срыва.

Думаю, что на следующем развороте должна появиться Миа, но вместо дочери нахожу полдюжины набросков с незнакомого темноглазого юноши. У него приятная улыбка, и мне кажется, разглядывая эти страницы, я вторгаюсь в чужую личную жизнь. Может быть, Джо и сейчас у этого парня?

Откладываю альбом, иду к себе. С тревогой смотрю в окно. Надеюсь, что буря улеглась и сейчас к дому подъедет совершенно спокойный Патрик и на пассажирском месте я увижу Джо – целого и невредимого.

На противоположной стороне дороги, вдоль парапета, кто-то идет. Остановившись, едва заметная в сумерках фигура вдруг поворачивается лицом к дому. Наверное, вернулся Джо. Хочу помахать ему через окно, но, вспомнив о неизвестном, который следит за домом, опускаю руку. На фоне темнеющего неба этот кто-то стоит неподвижно, он смотрит на меня, я – на него. Кажется, что наползающая тьма его постепенно «съедает». Дождавшись, когда он исчезнет совсем, задергиваю шторы.

Светящиеся цифры на будильнике показывают десять. Снова накатывает тревога: Джо нет дома уже два часа, и Патрик уехал почти сразу. Пытаюсь дозвониться до обоих, натываюсь на автоответчики.

– Не вернулись? – заглядывает в дверь Миа.

Отрицательно качаю головой, открываю штору и опять всматриваюсь в темноту за окном. Дочь подходит ко мне.

– Ты видела? Там был тот, кто наблюдал за домом раньше, – шепчет она так тихо, будто ее могут услышать на противоположной стороне улицы.

Я вздыхаю.

– Видела.

– Как ты думаешь, кто это?

– Не знаю.

– Я думала... Я подумала, может, тот мальчик, – говорит она тихо, – тот, что выжил. Сейчас он, конечно, не ребенок, но я иногда думаю... Если пережил такой ужас, если потерял в этом доме всю семью, разве можно о нем забыть?

Мысль о Томе Эвансе меня не пугает. Хупер – другое дело. Почти двадцать лет провел в тюрьме, недавно вышел на свободу. Раньше я детям о нем не говорила, однако, думаю, пришло время это сделать.

– Для меня дом навсегда останется домом-убийцей. – По голосу

слышу, что девочку бьет дрожь. – Что бы папа ни делал, сколько бы ни рассказывал, как потрясающе жилось здесь раньше, ничего не изменится.

– Отец любит вспоминать о своем прекрасном детстве, но мне кажется, что все это неправда.

* * *

Притворяемся, что смотрим телевизор, хотя ни я, ни Миа не смогли бы сказать, что там идет. Она держит в руках учебник, он открыт на одной странице. Опять беру телефон. Ни Джо, ни Патрик не отвечают.

Половина одиннадцатого. Прошло уже два с половиной часа, за окном бушует непогода, а сына все нет.

Кто-то колотит в дверь. Подскакиваем – книги и тетрадки летят на пол. Вслед за Миа выбегаю в прихожую.

В дверях насквозь промокшая и продрогшая Анна.

– Джо, – говорит она, с трудом переводя дыхание. – О господи! Там Джо. Я вызвала «Скорую», но... Сара, я пришла слишком поздно.

Миа, чуть не сбив Анну, вырывается на улицу.

– Вернись! – кричу дочери, выскочив на крыльцо. И вдруг посреди дороги, прямо под фонарем, в темной луже, вижу распластанное тело. Боже, что это? Кровь? Столько крови?

Анна... Она сказала... слишком поздно...

– Джо, – шепчу одними губами.

Не чувствуя ног, опускаюсь на колени. Хочу только одного: упасть и, как мой мальчик, неподвижно лежать на холодной мостовой. Но Анна не дает – подхватывает под мышки, тащит, пытается поднять.

– Вставай! – Ее пальцы больно впиваются в тело. Издалека доносится звук сирен, с каждой секундой он все громче, все ближе. – Поднимайся, там твой сын, иди к нему! – яростно трясет меня Анна. – Да очнись ты, дьявол тебя побори! Ради всего святого, Сара, проснись!

Часть III. Просыпаясь

«Ян Хупер и Мари Эванс были любовниками».

*Заголовок из «Саут Уэльс эко» через неделю
после трагедии в доме Эвансов*

Источник, близкий к семье, свидетельствует, что роман длился несколько месяцев и Мари собиралась уйти от Эванса к Хуперу.

Есть ли связь между убийствами и предполагаемой любовной интрижкой? Местный писатель Уэйн Мэттьюс, работающий над книгой, посвященной дому-убийце, отвечает на этот вопрос утвердительно.

Глава 18

Сара

Я решила, что сын умер. «Ты видишь?» У меня не выходит из головы его шепот. Чтобы унять боль, прижимаю руки к животу. Не могу вдохнуть... Так уже было после смерти мамы, когда Джо разбил машину. В тот момент я подумала, что он умер. К счастью, тогда все обошлось.

Говорю себе снова и снова: «Мой сын жив», распрямляюсь. Джо привезли не в ту больницу, где лежала я, но и здесь тот же запах, те же гулкие коридоры без единого окна, тот же сухой воздух, и так же берет за горло клаустрофобия. Прислоняюсь к стене и спиной чувствую, какая она холодная. Вышла из палаты глотнуть свежего воздуха, но в этих длинных коридорах тоже нечем дышать. Только бы выбраться из этих коридоров. Миа осталась с братом. Она не отходит от него ни на минуту, держит за руку, а я, бесполезная, не нахожу себе места.

Закрываю глаза и вижу шрамы на руках мальчика. Когда я еще ждала на улице, меня окликнул врач: «Миссис Уокер, эти шрамы на запястьях вашего сына, он что, сам себя увечит?» Пытаясь избавиться от навязчивой картины, закрываю глаза ладонями.

– Мам! – Дочь тянет меня за рукав. Бледная как полотно, со следами растекшегося макияжа под глазами, она кажется и взрослой, и маленькой девочкой одновременно. – Джо проснулся.

Она еще в шоке, вся дрожит. Обнимаю ее, дочь меня отталкивает.

Там, на улице, когда я подбежала и увидела, что Миа держит голову Джо и плачет, то решила, что сын мертв. Задыхаясь, я опустилась на колени прямо в кровавую лужу. Джо умер, и во всем виновата я.

Но Анна – она тоже была там и уже вызвала «Скорую» – заставила меня подняться, собрала рассыпанное по мостовой содержимое моих карманов. Мне все еще кажется, что одна часть моего существа – обессиленная и безвольная – осталась лежать на дороге перед истекающим кровью сыном. Анна же тормозила, тащила меня, помогла встать. Это она шептала: «Проснись!»

Усаживаю Миа в кресло, набрасываю ей на плечи свою куртку, но девочку трясет не от холода.

– Неужели это дом? – говорю. – Неужели из-за него Джо резал себе

вены?

Дочь смотрит на меня как на идиотку.

– Ты что, ничего не знаешь?

– О чем?

– Он делает это давно, – трясущимися губами шепчет Миа.

– Как?

– Ты, во всем виновата ты. Все его шрамы на твоей совести. И все, что случилось сейчас, – твоя вина. Ты представления не имеешь, что с нами происходит... Ни с ним, ни со мной... А он боится что-нибудь рассказать: вдруг ты опять наглотаешься таблеток. Но у тебя, мамочка, теперь все хорошо. Чувствуешь себя куда лучше, разгуливаешь по городу с новыми друзьями. Черт возьми, ты же мама, ты взрослая. Ты обязана его защитить.

– Послушай...

Но Миа не дает мне договорить.

– Мама, зайди, наконец, в палату. Ты должна увидеть Джо. Неужели теперь, зная правду, ты опять сбежишь? – Дочь судорожно роется в сумочке и протягивает мне мятую упаковку нурофена. – Бери. Вдруг на тебя опять накатит? Ешь все сразу – и дело с концом.

* * *

Джо смотрит в потолок. Крови не видно, на голове швы. На шею падает тень, так что синяки не заметны. У него сломаны два ребра, на одной руке раздавлены два пальца. Джо так избит, что его невозможно узнать: на опухшем лице нет живого места.

Вижу шрамы на руках – новые и старые, белые и розовые, давно зажившие и совсем свежие. Миа права: это моя вина. Все время сплю, все время прячусь... Превозмогая боль в груди, делаю глубокий вдох и проглатываю подступивший к горлу комок. Плакать нельзя. Сын должен знать: я сильная.

– Джо, – шепчу, наклонившись, и глажу его по голове.

Он ойкает от боли и отстраняется.

– Прости, – говорю, убирая руку.

– Только не... – Джо едва шевелит губами.

– Что?

– Не уходи. Не оставляй меня одного.

– Не волнуйся. Я не уйду. Я буду с тобой, сколько захочешь.

– Мам, ты знаешь, о чем я. Обещай, что ты никогда меня не бросишь.

И он, словно через пропасть, что пролегла между нами после истории с таблетками, протягивает мне здоровую руку.

Беру ее в ладони.

– Джо, я никогда тебя не брошу. Ни-ко-гда.

Я готова бесконечно долго сидеть около постели, охраняя его сон, но, пока мы вдвоем, нужно кое-что выяснить.

– Джо, помнишь, ты говорил, что папа... Что он кричит на тебя... – Наклоняюсь ниже. – Это сделал отец?

– Я ничего не помню.

Джо отворачивается к стене. По опухшему лицу мальчика катятся слезы.

Я думала, он умер. Доктор «Скорой помощи» сказал, что после такого жестокого избиения сын вряд ли выживет. Неужели это сделал Патрик?

– Нам придется уйти, – шепчу я мальчику.

Он опять проваливается в сон.

– Откуда?

Это Патрик. Стоит прямо передо мной, на изувеченного сына даже не смотрит.

– Из палаты, – говорю, – сейчас ему нужно спать.

– Что произошло? – спрашивает муж, не сводя с меня глаз.

Вид у него ужасный: мятая рубашка наполовину выбилась из-под ремня, волосы мокрые. Наверно, получив сообщение, со всех ног помчался в больницу. Бегал по городу, искал сына. Но... Вспоминаю, с каким лицом Патрик набросился на Джо, как швырнул его в стену, как крушил рулевое колесо после фиаско в мебельном салоне. В броне самообладания невозмутимого прежде Патрика появились трещины, и после переезда они стали намного глубже.

Что произошло бы тогда на пляже, случись ему встретить Джо вместе с другом? Смотрю на Патрика: нет ли на его руках, на рубашке следов крови? Крови Джо.

Выходим в коридор. На трех составленных в ряд стульях, укрывшись курткой, спит Миа. Патрик гладит ее по щеке, отводит с лица прядь волос и подходит ко мне.

Вздрагиваю. Хочу отодвинуться, однако, прижатая к стене почти вплотную, не могу этого сделать.

– Что случилось? – спрашивает он снова.

– Джо говорит, что не помнит.

– Я получил твое сообщение и сразу примчался. Жаль, что не услышал звонка.

Не отводя взгляда и упершись руками в стену, Патрик наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб. Я отворачиваюсь и опускаю голову, только бы увернуться от его ласки.

– Это сделал ты? – произношу еле слышно.

Его лицо непроницаемо. Зря спросила.

– Полагаешь, я на такое способен? Могу обойтись так с собственным сыном? – Патрик разглядывает свои ладони.

Интересно, он помнит, как, разговаривая с мальчиком, сжимал кулаки?

– Джо вскрывал себе вены, – шепчу я. – У него все руки в шрамах. Миа уверяет, что это продолжается не один год.

– Знаю, я разговаривал с доктором, – качает головой Патрик. – Думаю...

– Миа говорит, все из-за меня. Эти таблетки...

– Сара, перестань себя винить, не начинай все сначала. Джо тебя просто наказывает – хочет привлечь твое внимание.

– Это не обычная истерика, он себя калечит. Патрик, нужно что-то делать.

– Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Парню нельзя потакать, его нужно держать в рамках.

– Хочу позвонить его психотерапевту.

– Нет, – отрезает Патрик и уходит.

– Да. Нельзя притворяться, будто ничего не случилось, – говорю, стараясь его задержать. – Сын лежит с изрезанными запястьями, и нечего изображать, что у нас все замечательно. – Мои слова звучат слишком громко. Патрик останавливается и оборачивается. – Джо необходима помощь, – продолжаю я. – И еще... Мне кажется, переезд не пошел детям на пользу. Да и нам, по-моему, тоже.

– Ты считаешь, мы должны отсюда уехать? – прерывая затянувшееся молчание, спрашивает Патрик. – Не прошло и месяца, а ты предлагаешь продать дом, о возвращении в который я мечтал полжизни?

– Да. – Заставляю себя выпрямиться и смотрю мужу прямо в глаза.

– Нет и еще раз нет. Шрамы на руках Джо старые, и ты скоро поймешь: переезд был правильной мерой. Все, что мучило парня, осталось в прошлом. Я так надеялся, что и ты успокоишься. Если настаиваешь, пусть ходит к этому чертову врачу. Только... Дом здесь ни при чем. И мы отсюда не уедем. Никогда.

И все-таки я знаю: не все шрамы старые.

– Сара, привет!

С первого слова узнаю знакомый голос, но не верю своим ушам: Кэролайн. После всего, что рассказала Миа, я неоднократно пыталась позвонить подруге, но всякий раз откладывала телефон. Оборачиваюсь. Читаю на ее лице притворное раскаяние.

– Откуда ты узнала?

– Патрик позвонил. – Ощущаю горьковато-кислый привкус подступающей тошноты. – Как Джо?

– Физически он восстановится. Несколько переломов, ушибы, синяки. Раньше врачей беспокоило внутреннее кровотечение, а теперь они считают, что все обойдется. Но...

– Что «но»?

Я вздрагиваю. «Но». Жуткое, как ржавый нож.

– Доктор думает, что Джо уже не раз пытался вскрыть себе вены.

Кэролайн в ужасе отступает.

– Боже, Сара!

– Я ничего не знала, даже не догадывалась, – выпаливаю, словно спешу заранее отвести от себя обвинения.

Ничего не знала – что в этом хорошего? Не замечать, что сын постоянно теряет кровь? Опять льются слезы. Я так хочу быть сильной, но остановить их не могу.

Неподалеку спит Миа, поэтому на всякий случай отворачиваюсь. Вдруг, проснувшись, она увидит мое заплаканное лицо?

– Кэролайн, зачем ты приехала? Я без конца оставляла тебе сообщения, ты же ни разу не перезвонила. И так несколько месяцев. В чем дело?

Вижу, она сама вот-вот заплачет.

– Ты была в таком состоянии, что на тебя невозможно было смотреть. Начала угасать, умирать задолго до истории с треклятыми пилюлями. Я пыталась до тебя достучаться, но ты даже не захотела меня слушать. Вот я и разозлилась.

– Я больше не угасаю, – отвечаю решительно.

– Вижу. Похоже, Патрик был прав. Переезд и в самом деле пошел тебе на пользу, – задумчиво произносит Кэролайн, окидывая взглядом мою боевую стойку и взлохмаченные ветром волосы.

Она явно такого не ожидала.

– Дом здесь ни при чем, – говорю громче, чем хотела.

Рядом, на сдвинутых стульях, зашевелилась Миа. Я умолкаю, но девочка не проснулась.

– Слушай, нам... Нам надо кое-что обсудить. Почему бы Миа не поехать ко мне?

– Прямо сейчас?

– Ну да. Тебе теперь нужно позаботиться о Джо, а Миа пару недель пусть поживет у нас.

– Она не захочет.

– Я могла бы остаться на ночь, – предлагает Кэролайн неуверенно, – вместо тебя отвезти девочку домой.

Ну конечно! Патрик, Кэролайн и Миа – вот оно, счастливое семейство в образцовом доме.

– Я все знаю, – цежу сквозь зубы.

– Что знаешь?

– Про вас с Патриком.

– Сара, послушай...

Кэролайн бледнеет. Лишнее доказательство, что Миа не ошиблась.

– Нет. Сейчас это меня не волнует. Не нужны мне твои лживые оправдания. А ведь я считала тебя своей подругой. Лучшей подругой.

– Все было совсем не так!

– Только не надо... – Умолкаю на полуслове – опять зашевелилась Миа. – Джо на больничной койке, и я не могу сейчас в этом разобраться. Ваши отношения с Патриком теперь не имеют для меня никакого значения. Пожалуйста, уйди. Ты здесь лишняя.

Отворачиваюсь, считая, что разговор окончен, однако Кэролайн не унимается.

– Сара! Я просила Шона найти сведения о семье Джо. В нашем графстве нет абсолютно никаких записей – ни о рождении, ни об усыновлении.

Вижу в ее глазах испуг. Он передается и мне. Оглядываюсь на дверь палаты. Если Шон продолжит поиски, сколько времени пройдет до того, как все откроется и об этом узнает Джо? Через месяц сыну исполнится восемнадцать. Эти шрамы на его предплечье... Он столько раз резал вены. От страха деревенеет спина.

– Ты, наверное, пропустила мое сообщение: я просила никаких документов больше не искать.

– Шон обнаружил кое-что другое, про Патрика, – пожевав губами, мрачно добавляет Кэролайн.

– Про Патрика я ничего узнавать не просила.

– Но ты должна знать...

– Ничего я не должна. Станешь оправдываться, плести небылицы...

Уходи. И не вздумай рассказывать об этом еще кому-нибудь. Запомни: никому ни слова.

Глава 19

Сара

Обуваюсь. В дверях появляется Миа.

– Ты не едешь.

Бросив завязывать шнурки, удивленно поднимаю глаза. Патрик ждет внизу: мы все вместе собираемся в госпиталь.

– Ты расстроишь Джо одним своим видом, – настаивает девочка.

– Нет, – качаю головой, – что ты! Я так стараюсь его не волновать.

– Мам, черт побери, я же вижу. Ты такая взвинченная. Прости, конечно, я тогда в больнице зря сказала... Ну, что Джо из-за тебя резал вены. Дело не только в твоих таблетках. И все равно, если ты поедешь, он опять будет переживать. Потому что боится: вдруг ты снова чего-нибудь наглотаешься?

– Мне необходимо быть там. Кэролайн...

– Кэролайн?

– Она приехала. Ей позвонил отец.

– Чего ей здесь надо? – нахмутив брови и кусая ногти, бормочет Миа. – Ты... Ты сказала ему, что я застала их вдвоем?

– Еще нет. Было не до того.

Миа облегченно вздыхает.

– Пожалуйста, не надо, не говори ему ничего.

– Сара, Миа, нам пора, – зовет снизу Патрик.

Мы обе подскакиваем.

– Мам, – просит Миа, выходя из комнаты, – пожалуйста, останься дома. И постарайся меньше... Ну, в общем, все меньше.

Спускаемся по лестнице. Патрик – в руке ключи от машины – ждет в холле.

– Пожалуй, мне лучше остаться, – обращаюсь к мужу, – тогда к вашему возвращению успею приготовить курицу.

Муж и дочь уходят. Неужели она права? А вдруг Джо опять решит, что я не хочу его видеть, потому и не приехала. Никак не найду золотую середину: то стараюсь чересчур сблизиться с детьми, то держусь слишком отстраненно. Не знаю, чем они живут, что с ними происходит. Все прошло мимо меня. А у мальчика на руках узор из шрамов – вот чем я теперь

расплачиваюсь.

* * *

Беру телефон и звоню Анне – автоответчик. На столе давно стынет курица, в духовке пересыхают овощи. Нужно было ехать в больницу. Сколько прошло времени? Джо привезут не раньше чем через час. Невыносимо сидеть, уставившись на циферблат. Решаю пойти в студию и загрунтовать несколько холстов. Может, завтра возьму с собой Джо. Пусть мастерская станет убежищем и для него.

На этот раз воспользуюсь не тем входом, что ведет из галереи, а другим, секретным, с улицы. Он прячется в тени, и раньше, проходя мимо, я его не замечала. Смотрю на ключи с болтающимся брелоком-раковиной, на освещенную витрину и застываю в нерешительности. Пожалуй, все-таки пройду через выставочный зал. Переброшусь несколькими словами с Беном, и глядишь – сжимающий горло страх ослабит хватку.

Берусь за дверную ручку и через стекло вижу Бена и Анну. Она перегнулась к нему через стойку, смеется. А уверяла, что он странный, называла чудаковатым. И ни слова о том, что и сама не прочь с ним поболтать. И вполне по-дружески. Отступаю в тень.

Вот и убежища у меня больше нет.

* * *

Когда возвращаюсь, в доме темно. Кусаю губу: почему их так долго нет? Не находя себе места, хожу из комнаты в комнату, зажигаю свет, на полную громкость включаю радио. О господи, подъехала машина. Выбегаю в прихожую. Первым входит Джо. Меня накрывает паника, рука невольно тянется к животу, боль пронзает желудок. Мальчик – бледный, худой, сломанный – выглядит ужасно. С ним рядом Миа. Не глядя ни на нее, ни на меня, он спешит оторваться от идущего сзади Патрика.

– Обед готов. Я пожарила курочку, как ты любишь.

Хочу обнять Джо и не могу сдвинуться с места.

– Я не голодный. – Сын по-прежнему смотрит в пол. – Хочу лечь.

– Врач дал кое-какие лекарства, – говорит Патрик, и шуршание больничного пакета действует на меня, как горлышко бутылки на завязавшего алкоголика: пересыхает во рту, и отчаянно хочется, проглотив

белую таблетку, заглушить приступ паники.

Джо ковыляет по лестнице, Миа поднимается за ним. Я иду на кухню. К Патрику.

* * *

– Джо? – держа в руках чашку, стучусь в комнату сына.

Как давно мы на целый день не оставались дома вдвоем – муж на работе, Миа в школе.

Ответа нет. Стучусь громче. Вспоминаю о том времени, когда двери не закрывались, а дети были маленькими. Джо часами сидел рядом со мной за столом. Мальчик раскрашивал, рисовал, клеил, подробно рассказывал, как прошел день в школе.

То был совсем другой Джо, совсем не похожий на юношу, что открывает мне дверь сейчас. С какого-то момента сын вдруг замкнулся, стал на меня кричать, грубить. Режет себе вены, и я не знаю ничего о жизни, которую он ведет. Но сегодня, как когда-то, в доме только я и Джо. И я – мама – могу создать ему уют, успокоить его.

– Хочешь чаю? – спрашиваю через щель между косяком и дверью. Мне кажется, Джо сейчас захлопнет ее прямо перед моим носом. – Я звонила в школу, сказала, что ты придешь только на следующей неделе. Так что мы сможем провести несколько спокойных дней, заняться чем-нибудь вместе.

Не выдерживаю его взгляда и отвожу глаза. С языка вот-вот сорвется, что я старалась для всей семьи, хотела сделать все как лучше, но Джо смотрит так, будто знает все. А если так, он должен меня ненавидеть. Мысль об этом невыносима, нужно сделать хоть что-то. Потупив взгляд, отхожу от двери.

– Вместе? – смеется Джо. – Пойдем в парк и ты покатаешь меня на качелях?

– Я думала, мы могли бы порисовать... – Смотрю на опухшие, покрытые синяками руки Джо и осекаюсь.

Господи, разве можно придумать большую глупость? До того как сын сможет взять в руки кисть, пройдут недели.

– Про школу можешь забыть. Я туда не вернусь. Я больше никогда не пойду в школу.

Прикусываю язык, чтобы не сказать очередную глупость вроде «как насчет колледжа?» или «а что с экзаменами?», и спрашиваю:

– Можно мне войти?

– Прости, – бормочет Джо, пропуская меня в комнату.
– За что? – Присаживаюсь на край кровати.
– За это, – протягивая мне скрытые рукавами запястья, отвечает сын.
– Тебе не за что извиняться. Это я, я должна была знать, должна была видеть.

– Ты не виновата. Я слышал, в больнице Миа кричала, что все из-за тебя. Это неправда.

– А если бы после смерти мамы я не впала в депрессию, не наглоталась таблеток, ты мог бы поговорить со мной откровенно?

Джо откидывается на постель.

– Не знаю, – отвечает он не сразу.

– Джо, – беру его за руку, – а теперь можешь? Как раньше, помнишь? Пусть все будет по-старому.

Он поднимает на меня глаза, полные слез.

– Ты живешь в каком-то своем мире, ты меня перестала слышать. В тот день, когда умерла твоя мама, отец застал меня с одним парнем и сказал... Сказал такое... Потому я и взял его чертову тачку. С тех пор все и началось... А ты ничего не знала.

– Господи! Джо...

– Ты и раньше была поглощена отцом и мало что замечала вокруг, а когда мы переехали, стало в тысячу раз хуже.

Могу сколько угодно говорить себе, что переезд затеял Патрик, что этот дом – его мечта, только деньги дала ему я. Пилюли глотала тоже я. Так что здесь мы по моей вине. А теперь ничего нельзя сделать, потому что на этот дом никто больше не польстится. Покупатели войдут, ощутят холодные точки, увидят, что прячется под обоями в бабочках, какие тайны скрывают его стены, – и бросятся бежать. Мы должны были поступить так же. Теперь из дома-убийцы, где муж срывается, нервничает, дочь все больше отдаляется, а сын режет себе вены, не выбраться. Дом убивает и меня, а я ничего не могу изменить.

Виновата во всем. Отворачиваюсь, изо всех сил сжимаю кулаки – только бы не закрыть ладонями лицо.

– Мам, ты хочешь, чтобы я говорил с тобой. А ты услышишь? Ты меня поймешь?

* * *

– Как дела? – едва войдя в дом, спрашивает Патрик и выразительно

смотрит вверх, на закрытую дверь Джо.

Сказать, что он опять уходил? Что всего час как вернулся и, не говоря ни слова, снова заперся у себя в комнате? Что я то и дело поднимаюсь по лестнице и, припав к двери сына, прислушиваюсь... ловлю признаки жизни?

– Нормально.

– Вот и хорошо, – вешая на плечики куртку, говорит Патрик.

Нервничаю. Кусая губы, иду за ним на кухню.

– Патрик, на самом деле я в этом не уверена.

– А в чем дело? – вздыхает муж.

– Каждый раз, когда Джо запирает дверь, мне становится страшно. Вдруг он зайдет слишком далеко? Вскроет вены и умрет? Вскроет тайно, а мы даже не сможем его спасти?

– Хватит. Прекрати. Ты делаешь только хуже.

– Почему?

– Обычные подростковые проблемы – вот и все. Может, его обидела... девушка.

Смотрю на мужа и заливаюсь краской. Ты же знаешь, хочется крикнуть, давно знаешь, что он гей. И отчего мальчик разбил машину, тоже знал и не сказал мне ни слова.

– Это не подростковая истерика, все гораздо серьезней.

Патрик подходит к раковине, наполняет чайник.

– Половина проблемы заключается в тебе, – вздыхает он. – Что толку во всей этой нервной суете?

– Но...

– Стойкости она парню явно не добавляет. Не каждый, сталкиваясь с трудностями, вскрывает себе вены. И нельзя забывать о наследственности. Мы должны помочь сыну стать сильнее, только пусть этим занимается психотерапевт, это ее работа. Поверь, все будет хорошо. Оставь Джо в покое.

– Он даже не сказал, что случилось, кто его избил, – говорю, кусая ногти.

Патрик ненавидит эту привычку. Он немедленно хватается за руку и убирает ее ото рта.

– Потому что не помнит. Так он сказал полицейскому, и врачу, и нам. На него напали, его ограбили.

– Ограбили? Да его чуть не убили. Это не...

– Хватит, – обрывает меня Патрик, – мне надоели эти вымыслы, вся эта чепуха.

– Вымыслы? А шрамы на руках – тоже вымыслы? А переломанные кости? И что он отказывается возвращаться в школу? И что, не говоря ни слова, уходит неизвестно куда – тоже неважно?

Патрик молча направляется к двери.

– В больницу приходила Кэролайн, – говорю ему вслед.

Муж оборачивается – на лице озабоченное выражение. У нее было такое же.

– Зачем она приехала?

– Испугалась за Джо. Сказала, что ей позвонил ты.

Патрик отводит взгляд и сосредоточенно возится с манжетами. В моих глазах каждое движение мужа – свидетельство его вины.

– Миа сказала, ты целовался с Кэролайн.

– Миа ошиблась... Это... один раз, несколько месяцев назад. Мы так за тебя переживали, и Кэролайн все время приходила. – Патрик бросает на меня быстрый взгляд из-под ресниц. – Если бы ты не заболела, этого бы никогда не случилось. Она меня неправильно поняла, заботу о тебе приняла за чувство к ней и поцеловала. Вот и все. Клянусь, ничего больше не было. Кэролайн так смутилась. Я хотел тебе рассказать, но она умоляла меня этого не делать.

– Не понимаю, как...

– Забудь. Во всем виновата твоя подруга. Я сразу ее выставил за дверь. Я же тебя предупреждал, разве не так? Забудь про Кэролайн, выбрось ее из головы. Начни жизнь с чистого листа.

Возразить не успеваю: Патрик, на ходу расстегивая рубашку, уже поднимается по лестнице. Хлопает дверь спальни. От резкого звука я вздрагиваю.

* * *

За окном еще ночь. В щель между шторами проникает желтый свет фонаря, и когда глаза привыкают к темноте, вижу: Патрика рядом нет. Его половина постели совсем холодная, и в ванной никого, значит, я проснулась от чего-то другого. Как давно ушел Патрик? Обычно я встаю раньше мужа. Внизу, оставшись вдвоем, мы не сказали друг другу ни слова. Однако я точно помню, как, проваливаясь в сон, подпрыгнула от неожиданности. Это Патрик, улегшись рядом, нежно поцеловал мое худое плечо.

Жду, когда он вернется, но его все нет. Сейчас три часа. Что за необходимость вставать посреди ночи? Ведь завтра рабочий день. Или что-

то случилось с детьми? Закрываю глаза, и перед мысленным взором одна картина сменяет другую: вот Патрик на берегу застаёт Джо, который целуется с мальчиком; вот Джо ножницами режет себе запястья, очередной кошмар терзает и будит Миа.

Надеваю халат, натягиваю толстые носки. Пока не узнаю, где Патрик, все равно не усну.

Наверху его нет. Заглядываю в комнаты детей – оба спят, и мое сердце немного успокаивается. Так уже бывало: в страхе проснусь посреди ночи, и кажется, что ни мужа, ни детей в доме нет, что я совсем одна.

Спускаюсь вниз. Чувствую запах краски. Темно в кухне, темно в гостиной, но в холл через приоткрытую дверь подвала пробивается свет. Нестерпимо хочется убежать и, притворившись, что это лишь сон, который однажды уже видела, забраться с головой под одеяло и уснуть.

В подвале светло, оттуда доносится запах свежей краски. Нет, я не сплю. Такое не привидится даже во сне. Спускаюсь. Патрик – на нем линялая футболка и старые тренировочные штаны – замазывает ярко-белой краской бежевые, покрытые темными пятнами стены.

– Патрик!

Он не отвечает. Наклоняется, окунает в лоток валик, проводит им вниз-вверх, вниз-вверх, закрашивая белым очередную полосу сырой грязной стены. Вначале ее нужно было обработать от плесени. Об этом, когда мы во второй раз осматривали дом, говорил даже риелтор.

– Патрик, сейчас ночь.

– Мне не спится, – не обернувшись, отвечает он.

Освещение здесь никуда не годится. Одной лампочки накаливания под потолком для такой площади недостаточно – в углах темно.

– Тебе осталось спать меньше пяти часов. Лучше выпей чаю, я сейчас приготовлю.

Патрик молчит. В полумраке – глупо красить при таком свете – некоторые участки муж пропускает, они остаются грязными.

– Слушай, сейчас не время для малярных работ.

– Знаю. – Он бросает валик, и брызги краски разлетаются по полу, попадают мне на ноги. Теперь кажется, что на мне носки в горошек. – Ты правда думаешь, что мне нравится этим заниматься? Чтобы платить за дом, приходится работать без продыху, а ты целыми днями слоняешься без дела и ноешь. Ей, видите ли, негде писать картинки, негде хранить свой хлам. Не распаковала до конца ни одной коробки, потратила кучу денег на пять банок краски и хочешь, чтобы я этому радовался?

Голос Патрика срывается на крик – ему отвечает эхо. Бросив взгляд на

открытую дверь, отступаю к выходу.

– Ты права, прости. – Взъерошив волосы, муж тяжело вздыхает. – Я не должен был кричать. Я не ожидал, что переезд окажется таким трудным делом. Я устал. И на работе... Нет, все хорошо, все в порядке.

– Патрик, пожалуйста, давай поговорим.

Он снова хватается за валик.

– О чем? О работе? На одном из моих объектов проблемы с техникой безопасности.

– А это серьезно?

– Нет, но Дэвид считает, что меня нужно временно отстранить от работы.

– А ты?

– Как я могу? – качает головой Патрик. – Дом требует так много усилий и средств. Но все будет хорошо, ты увидишь, все устроится. А тут еще история с Джо. Ложусь спать и не могу отключиться. И работа, и Джо, и ты, и Миа... И дом. Навалилось все сразу.

Муж распаляется все сильнее. Чувствую, как по телу бегут мурашки. Делаю глубокий вдох и берусь за кисть.

– Я тебе помогу.

– Нет, нет. Иди спать. Я сейчас уберу и сразу приду.

Проснувшись в пятом часу, обнаруживаю, что Патрик так и не вернулся.

* * *

На следующий день, пока муж на работе, хочу найти ключ от подвала. На кухне, где обычно, его нет. Совершенно случайно обнаруживаю ключ в спальне, в прикроватной тумбочке Патрика. В отличие от моей, набитой непарными носками, трусиками и спутанными колготками, кроме ключа там ничего нет.

Патрик ушел больше часа назад, но, перед тем как открыть подвал, я выглядываю в окно, проверяю, не появилась ли машина. Мне совсем не хочется вступать в объяснения, зачем я рылась в тумбочке, зачем искала ключ от подвала, который раньше изо всех сил старалась обходить стороной.

Преодолевая дурноту, спускаюсь по ступенькам. Пол подметен, три стены белые, а у четвертой – пока не окрашенной – свален почти весь мусор. Прoshлый раз я видела меньше половины того, что сделано сейчас.

Похоже, Патрик работал всю ночь.

Запах свежей краски не маскирует сырость и аммиачные испарения – эту смесь ни с чем не спутаешь. Подхожу к одной из окрашенных стен – сквозь белизну проступает едва заметная коричневая линия. Провожу по ней пальцем. Стена такая холодная, что кажется, будто под тонким слоем краски сочится вода. Пройдет несколько дней – и коричневая черточка скроется под черными и зелеными пятнами плесени. Все труды Патрика окажутся напрасными.

Отступаю на шаг и пытаюсь вообразить, как приведу его в подвал, покажу, сколько времени он потратил понапрасну – всю ночь работал и ничего не сделал. В волнении поднимаюсь наверх и запираю дверь подвала. Скорее всего, муж вернется туда не сразу, не сейчас, ведь первый порыв уже прошел, и Патрик считает, что большая часть работы сделана.

Однако благоустройство дома застопорилось. В кредите нам отказали, из-за неполадок с сантехникой в кухне сыро, проблемы с электропроводкой, течет крыша. Патрик прав: он столько времени уделяет мне, Джо, Миа... Когда ему заниматься домом? Пожалуй, с сыростью в подвале я могу справиться и сама. Найду недорогой вариант, муж даже не узнает. Бегу в спальню и кладу ключ обратно в тумбочку.

Все будет хорошо. Я все устрою. Говорила же я сыну, что справлюсь, что наша жизнь переменится к лучшему.

* * *

Теперь на двери подвала новый замок. Он сверкнул в слабоосвещенном коридоре, когда она открывала дверь в прошлый раз. Я помню, раньше, когда это был обыкновенный дом, замка здесь не было. Ты со смехом рассказывал, как, пробравшись в подвал среди ночи, снял замок, разобрал на части и зарыл их в саду. И еще ты издевался над отцом – над его замешательством, над его причитаниями. Тебе удалось убедить родителя, что он лунатик и, ремонтируя что-то во сне, сам разбросал по полу инструменты.

Услышав мой вопрос, к чему столько возни с ржавым замком, ты помрачнел. Ты сказал тогда, что это не просто замок, что ему не место на двери подвала. Она не должна запирается никогда.

Глава 20

Сара

По кухне – вся в черном, подстриженная короче обычного, – бродит Анна, а я пытаюсь понять, кого она мне напоминает. Почему-то кажется знакомым и овал лица, и улыбка, и наклон головы. Хочется рассказать Анне про Бена, но тогда сразу выплывает, что я за ними подглядывала. Поэтому молчу.

– Ты как? – Она смотрит на мои руки, и я, чтобы спрятать искусанные в кровь пальцы и обгрызенные ногти, сжимаю кулаки.

– Беспокоюсь за Джо. И Миа... Есть еще кое-что.

Чужому человеку ни к чему рассказывать о подвале, о Кэролайн, о Патрике, его неприятностях на работе. Он бы этого не одобрил еще и потому, что я ничего ему не говорила о своей новой подруге. Анна подходит к столу, садится напротив, берет меня за руку.

– То, что случилось с Джо, – просто ужасно. Знаю, ты это уже слышала, но хочу повторить еще раз: это кошмар. Меня до сих пор начинает трясти при одном воспоминании о том дне. А что пережила ты – даже представить страшно.

– Лучше бы мы сюда не переезжали, – шепчу еле слышно, словно опасаясь, что морской бриз подхватит мои слова и они долетят до Патрика. Встаю – нужно заварить чай. – Я так стараюсь украсить дом, привести его в порядок, но ничего не выходит. Неудивительно, что Патрик теряет терпение. Он ведь мечтает о том прекрасном доме, который запомнил с детских лет.

– О прекрасном?

– Ну да, каким он был, когда Патрик жил здесь раньше, – говорю, обернувшись к гостю.

– О прекрасном? – смеется Анна. – Этот дом никогда таким не был. Старая грязная мрачная развалина. Самый позорный дом на всей улице, гораздо страшнее, чем сейчас.

Анна пытается отодрать со столешницы старую краску, и от этого звука – ногтем по дереву – у меня сводит челюсти.

– Но...

– Ну да. – Гостья отряхивает с рук отслоившиеся кусочки краски. –

Патрик рассказывал об этом доме как о дворце, но кто же в это верил? Все знали, в каком он состоянии. Эвансы начали было приводить дом в порядок и не успели.

– Да нет же, муж помнит, что здесь было и как.

Анна пожимает плечами.

– Ну, может быть, таким запущенным дом выглядел, если смотреть снаружи. Внутри не была. Я же говорила, что знала Патрика только в лицо.

Он так часто рассказывал мне о доме – о нежных пастельных обоях в мерцающих отблесках камина, о запахе полированной мебели и свежих цветов, что я, закрыв глаза, представляю все очень живо.

– Ну, раз здесь раньше все было так распрекрасно, Патрику есть от чего нервничать, – добавляет Анна.

Раздумываю, что ответить. Она пришла с цветами, с охапкой благоухающего душистого горошка, и улыбается так приветливо.

– Несколько раз Патрик был немного... Немного расстроен.

– Расстроен? – Анна удивленно поднимает брови.

– Да так, ничего особенного. Я же говорила: он нервничает, переживает.

– А полиция знает, что случилось с Джо?

Ставлю перед Анной чашку и отрицательно качаю головой.

– Джо ничего не помнит, а свидетелей не нашли.

– Ты правда думаешь, что он не помнит? Может, не хочет вспоминать?

Чувствую, как к горлу подступает комок страха.

– Ты-то чего беспокоишься? – спрашиваю я.

– Из-за тебя. Каждый раз, когда речь заходит о Джо, у тебя на лице появляется тревога.

– Иногда мне кажется, – говорю, кусая губы, – что там мог быть Патрик.

– Патрик?

Я киваю.

– Потому что он был расстроен? – спрашивает Анна. – То есть ты хотела сказать, разозлен? Зол настолько, чтобы погнаться за сыном?

Разве я это хотела сказать? Как я могла об этом подумать? До переезда мне такое и в голову бы не пришло. Патрик – спокойный, уравновешенный – никогда не срывался. Но, представив, что бы он сделал, если бы увидел Джо вместе с другом, опять молча киваю.

– Был у меня такой бойфренд. – Анна смотрит на меня, не мигая, и я слышу, как она стучит ногой по полу. – Когда... «расстраивался», он меня обычно колотил. Дошло до того, что убил бы. Но я сбежала. Раньше я

каждый день видела в зеркале женщину с таким взглядом, как у тебя. Похожая ситуация?

Отрицательно качаю головой.

– Нет, муж никогда...

Анна наклоняется вперед, от ее бурного дыхания с цветов поднимается пыльца.

– Я тоже делала вид, что все нормально. Притворялась, что это случайность. Ведь каждый раз мой бойфренд извинялся, обещал, что ничего подобного больше не повторится. Я слишком долго терпела его побои. Правда, у нас не было детей. Их калечить я бы ему точно не позволила.

Слова Анны звучат как пощечина.

– И я не позволяю... – бормочу, вдыхая взметнувшуюся пыльцу.

– Почему ты от него не уйдешь? – не дослушав, перебивает Анна.

– Что?

– Почему бы тебе не забрать детей, не пожить с ними какое-то время у подруги, не обратиться, наконец, за убежищем? Сделай хоть что-то.

– Не могу. Да мне этого и не нужно. Господи, Анна, он никогда нас не бил. Он на это не способен. Просто постоянное нервное напряжение – и дом, и Джо, и... Ему нужна помощь, мы не можем его бросить.

– И что ты думаешь делать?

– С чем?

– Останешься в доме-убийце, будешь сидеть и ждать, когда муж опять загонит кого-то из детей в больницу?

– Что ты, при чем здесь Патрик? Он поклялся...

– Но тебе ведь кажется, что он мог это сделать.

Я киваю. Я и раньше так думала, и сейчас тоже. Лежу ночью без сна и вспоминаю сжатые кулаки Патрика. Не они ли изувечили Джо?

– Тогда ты должна найти выход, пока опять что-нибудь не случилось. Сара, я давно здесь живу и знаю: может произойти что-то гораздо более страшное. – Анна поднимает рукава и показывает мне два белесых шрама на запястьях. – Однажды я дошла до точки и решила: чем так жить, лучше умереть. Тот парень довел меня до такого состояния, что уйти от него казалось труднее, чем покончить с собой. Никогда не позволяй мужчине так себя подавлять.

Смотрю на белые шрамы и чувствую, как покрываюсь гусиной кожей.

– Нет, у меня все иначе. Все проблемы из-за переезда. Из-за этого дома.

– Ты на самом деле так думаешь? – Анна подается вперед, я

отшатываюсь.

Мне кажется, что меня вот-вот схватят ее исполосованные шрамами руки.

– Я бы отсюда уехала, но Патрик даже не хочет об этом думать.

– А может, пришло время подумать, как уехать отсюда без него?

Тогда у меня заберут детей. Патрик никогда мне их не отдаст.

Анна снимает и вешает на спинку стула свой шарф. Черный шарф с белыми звездами – он был на ней в тот вечер. Помню, как она поднимала меня с земли, а шарф, размотавшись, болтался перед глазами.

– А что там делала ты?

Анна смотрит на меня с удивлением.

– В тот вечер, когда напали на Джо? – продолжаю я. – Ты же была рядом, звонила в полицию. Почему ты крутилась около дома?

– Сара, не делай из меня злодейку, – откинувшись на спинку стула, бросает Анна и опускает рукава рубашки.

* * *

Кусаю ногти, то и дело смотрю на часы. Хватаюсь за телефон и, не позвонив, откладываю его в сторону. Когда самое позднее, чтобы не столкнулся с Патриком, я могу впустить в дом оценщика? Тот появляется в четыре, на час позже, чем договаривались.

– Спасибо, что так быстро откликнулись, – говорю, отпирая подвал, и щелкаю выключателем.

– Извините за опоздание. Вообще-то я ваш участок не обслуживаю, но тут недалеко контора подрядчика, вот и заглянул к вам по дороге. Недавно переехали? – спрашивает оценщик, оглядываясь на выставленные за дверь пустые коробки.

– Да, неделю назад.

Как правильно я сделала, что пригласила мастера не из нашего графства. Он не боится переступить через порог и не задает каверзных вопросов.

– Вижу, у вас тут играют дети, – доносится голос из подвала.

Я все еще стою на верхней ступеньке, боюсь идти вниз. Страшно представить, какая плесень уже расцвела на ярко-белых стенах.

Спускаюсь ниже. Я знаю, что Миа и Джо в подвал не заходили, а мысль о детях, живших в этом доме до нас, приводит меня в ужас.

– Не надо их ругать. – Оценщик указывает в дальний угол, где стоит

заваленный коробками старый деревянный стол.

Туда, к неокрашенной стене, придвинул его Патрик. В три часа ночи, когда он работал, в том углу было совсем темно. Даже при дневном свете, что проникает через открытую дверь, мастеру пришлось включить фонарь.

Подхожу ближе и, взяв его, забираюсь под стол. От освещенного участка стены веет холодом. «Я плохой. Я очень плохой», – написано на ней детским почерком. И еще раз: «Я плохой. Я очень плохой».

Оценщик достает из сумки второй фонарь, его луч движется вдоль стены и на всем ее протяжении высвечивает длинную цепочку слов, от которой меня бросает в дрожь.

Глава 21

Сара

Через приоткрытую дверь вижу разбросанную по полу одежду. Захожу, чтобы собрать ее, и удивляюсь, как много у Миа новых вещей. Я их раньше не видела. Перед тем как она пошла в здешнюю школу, я предложила поехать в магазин, дочь только огрызнулась в ответ. Интересно, откуда у нее эти шмотки?

На туалетном столике замечаю деньги, две-три стопки монет и мятые купюры – по пять и десять фунтов, всего около пятидесяти. Вспоминаю о маминой шкатулке: Миа ее взять не могла. Но тогда кто? Патрик?

– Что ты здесь делаешь?

Оборачиваюсь на голос дочери: скрестив на груди руки, она смотрит сердито, с подозрением, но при всей подростковой агрессивности выглядит бледной и изможденной. Глаза покраснели. Похоже, как я, плохо спит и грызет ногти.

– Собирала белье в стирку и увидела... – киваю на туалетный столик. Миа протискивается мимо меня и запихивает купюры в карман. – Откуда они у тебя?

– Тебе-то что за дело?

– Хочу понять, откуда у моей пятнадцатилетней дочери развелось столько денег, если точно знаю: я их ей не давала.

– Другие дали, – говорит она со смешком. – Думаешь, я их стырила? Думаешь, рылась в твоей сумке?

– Не думаю. Я спросила, где ты их взяла. Хочу понять, что происходит. После истории с Джо...

При упоминании о брате Миа вздрагивает и бормочет что-то неразборчивое.

– Что? – переспрашиваю, не разобрав слов.

– Мне дал их папа.

Патрик знал и о деньгах, пропавших из моего кошелька, и об исчезновении маминой шкатулки, и что меня волнует вопрос, откуда у Миа столько новых нарядов, но при этом скрыл, что сам дает ей деньги.

– Почему? – шепчу я еле слышно.

– Как почему? Папа обо мне заботится.

На самом деле я пытаюсь понять, почему он ни слова не сказал мне. Почему, если Патрик так сердится при моем появлении с пакетами из супермаркета и утверждает, что мы на мели, даже не упомянул о деньгах, которые дает Миа?

Пряча глаза, она накрывает ладонью стопку монет. Кладу сверху свою руку, дочь вырывается.

– Не могла бы ты уйти? – бормочет она.

На площадке лестницы я решаю сделать еще одну попытку, но Миа уже захлопнула дверь.

* * *

С тех пор как приезжал оценщик, в подвал я больше не спускалась. Не знаю, был ли там Патрик. Не спрашивала. Уже пришло два сообщения, нужно дать ответ, устраивает ли меня смета. Я склонна согласиться, поэтому придется рассказать мужу, что через свежую краску вновь проступает плесень, показать ему каракули на стене. Никак не могу решиться на разговор. Боюсь узнать, кто написал те слова. Вдруг их выводил убитый малыш? Или еще хуже – сам Патрик?

Ключ по-прежнему лежит в тумбочке. Непохоже, чтобы кто-то брал его после меня, хотя полной уверенности в этом нет. Затаив дыхание, открываю замок, но свет включаю не сразу. Сначала загадываю желание: пусть стены, как по волшебству, впитают в себя проступившую сырость и вновь обретут первозданную белизну.

Щелкаю выключателем и замираю от ужаса: все куда хуже, чем я ожидала. Раньше на стенах были коричневые подтеки от воды, несколько темных пятен по углам. Теперь же, после окрашивания, стало только хуже: на чистом белом фоне распустились огромные черно-зеленые цветы плесени.

Сегодня утром, пытаюсь открыть окно на кухне, Патрик дернул за ручку, она оторвалась, и он вдруг впал в ярость. Муж с такой яростью швырнул железку в мусорное ведро, что потрясенная Миа вся сжалась от страха. Конечно, ручка в нее попасть не могла, и все-таки... Странно так распалиться из-за какого-то полусгнившего окна.

Спускаюсь в подвал, включаю фонарь, который принесла с собой, и направляю на неокрашенную стену. При виде ее чистой белой поверхности у меня кровь стынет в жилах: от пересекавшей ее строчки повторяющихся слов не осталось и следа.

Хлопает входная дверь – я вздрагиваю и роняю фонарь. Нагнувшись за ним под стол, вижу на пыльном полу нечеткие отпечатки чьих-то ботинок. Должно быть, замазывая детские каракули, здесь топтался Патрик.

– Сара?

Хочется притвориться, что меня здесь нет. Однако дверь открыта, свет горит, так что прятаться глупо.

Ключ! Внутри все обрывается. Он спросит, где я взяла ключ.

– Прости, я собирала белье в стирку и хотела проверить... – Умолкнув, смотрю на расплзшуюся по противоположной стене плесень. Похоже, Патрик ее не заметил. – Так жаль, но пятна проступили снова.

Он не отвечает. Опять накатывает чувство вины. Прикусываю язык: хватит нести всякую чушь.

– Сара, тебе никто не запрещает входить в подвал собственного дома.

Голос мужа звучит мягко, но я вижу, что ключа в двери больше нет. Он в кулаке у Патрика. Не запрещает! А почему снял ключ с общей связки, которая висит на кухне? Спрятал его нарочно.

– Ты так старался, а я увидела, что снова пошли пятна, и хотела... Хотела узнать, во что обойдется обработка от сырости. Я вызвала оценщика.

– А я-то целый день кручусь на работе и считаю, что жена бездельничает, – отвечает Патрик, от его тихого голоса внутри все обрывается.

– Знаю, нужно было предупредить тебя заранее. Патрик, этот оценщик, он, когда был, обнаружил... – Умолкаю на мгновение: а мне это действительно важно? – Здесь, на стене, была надпись.

Патрик меня словно не слышит.

– Ты должен был ее видеть, не мог не видеть. Ты же сюда спускался. Не знаю когда, но ты ее закрасил.

– Наверно, здесь играл какой-то ребенок, – почти шепчет муж.

– Какой ребенок? Один из маленьких Эвансов?

Бросив взгляд из-под ресниц, Патрик отводит глаза.

– Риелтору, когда мы приезжали сюда в первый раз, я не сказал, что до Эвансов дом принадлежал нашей семье. Сверившись с коммерческим предложением, представительница агентства стала уверять, что подвал – превосходное помещение для подростковых игр. А я заметил, что скорее там была не игровая, а домашний карцер – лучшего места не придумать.

Мне становится трудно дышать. Кажется, воздух внезапно стал более плотным.

– Патрик, это писал ты?

– Не помню, – бросает он, дотрагиваясь до стены.

Как можно такое забыть? Смотрю на чистую белую поверхность, а в глазах стоит бесконечная строчка детских каракулей: «Я плохой. Я очень плохой...»

– Да нет же, ничего я здесь не писал. Я же рассказывал тебе о своем детстве. Ты всерьез думаешь, что я сидел в подвале и черкал на стенах?

Патрик снова смотрит мне в глаза и широко улыбается. Только улыбка эта насквозь фальшивая.

– Сара, – говорит муж, поднимаясь по ступенькам, – не вызывай за моей спиной ни ремонтников, ни оценщиков. Договорились? Сейчас надо потуже затянуть пояса. Если хочешь что-нибудь предпринять, скажи мне, и я решу вопрос. – Патрик запирает дверь подвала и, вынув из замка ключ, добавляет: – А его я спрячу в более надежное место.

Вряд ли теперь мне удастся найти этот ключ.

* * *

Просыпаюсь посреди ночи. Во рту пересохло. Знаю, что разбудил меня неприятный сон, но я его уже не помню. Хочу выпить воды и, заметив на фоне окна какую-то тень, со страха сбиваю с тумбочки стакан. Неожиданно тень поворачивается: это Патрик. Обнаженный, он слегка прикрывается шторой и, прижав палец к губам, жестом манит меня к себе. Переступив через лужу, подхожу к Патрику.

– Что там? – шепчу, вглядываясь в ночь.

Он показывает на противоположную сторону улицы.

Прищурившись, различаю некий силуэт – подобие человеческой фигуры, которая, отделившись от темноты, вскоре вновь отступает в тень. Как ни стараюсь, ничего больше рассмотреть не могу. На луну то и дело наплывают облака – они будто играют в прятки, – поэтому тени все время перемещаются.

– Человек? – спрашиваю я.

Патрик кивает.

– Как только появляется луна, я его вижу. Стоит там уже несколько часов.

– Несколько часов? Откуда ты знаешь?

– Проснулся еще до двенадцати... Померещился шум – выглянул в окно и увидел.

На часах десять минут четвертого. Неужели Патрик с полуночи не

ложился? Дотрагиваюсь до его руки – холодная как лед.

– Пошли спать, – говорю.

Он отрицательно качает головой.

Тени опять зашевелились, но ни одна из них не напоминает мне человека. На улице пусто. В такую ветреную и дождливую ночь никто не выходит из дому.

– А ты уверен, что там действительно кто-то есть? – спрашиваю мужа.

Он стоит прямо перед окном, не прикрывается даже шторой.

– Ты, как мы переехали, сразу сказала, что за домом следят. И была права. За нами все время кто-то наблюдает.

Чувствую, как руки покрываются гусиной кожей, и не могу понять, кого пугаюсь больше – неизвестного под окнами или Патрика, который, не сомкнув глаз, полночи высматривает кого-то в темноте.

Глава 22

Сара

Я увидела его, когда шла из супермаркета. На полпути, чтобы проверить, все ли купила, замедляю шаг у витрины ювелирной лавки. Обычно смотреть там не на что: сплошные обручальные кольца – золотые, тяжелые, инкрустированные камнями, но вдруг глаз что-то цепляет, и я подхожу ближе. В самом центре отсека, отведенного, как указывает табличка, под винтажные украшения, на синей бархатной подушечке, с ценником, лежит обручальное кольцо моей матери.

Пораженная, застываю на месте. Приникаю к витрине. От дыхания стекло запотеваает, и, протирая его рукой, очень хочу убедиться, что ошиблась и в кольце не бриллиант, а изумруд. Нет, мне не показалось: оно мамино.

Простояв там, как мне показалось, целую вечность, продолжаю путь, однако сворачиваю не налево, к дому, а направо. Спускаюсь на берег и подхожу к самой кромке воды. Сбрасываю туфли, шевелю носками песок. Ветер с моря несет соленую влагу. Мне нравится так стоять и смотреть, как на мокрую гальку, шурша, набегают волны.

Начинается дождь. Последние любители морских прогулок уходят с пляжа. И тут я понимаю, что иду с пустыми руками. Значит, продукты остались около ювелирного магазина, на тротуаре. Наползают тяжелые тучи, и в разгар дня внезапно темнеет. Налетевший порыв ветра, чуть не сбив меня с ног, уносит шарф. Бегу за ним, но его уже кто-то поймал. И этот кто-то – Бен.

– Я так и думал, что это вы, – говорит он, широко улыбаясь. – Я живу неподалеку и видел, как вы спускались к морю.

Он кивает в сторону холма, на один из домиков. Когда-то я мечтала поселиться в таком же.

После нашей встречи в галерее Бен оставил мне два голосовых сообщения насчет выставки. Перезванивать я не стала, но рисую постоянно. Пока Патрик злится из-за неокрашенных стен, ухожу на другой конец города, в свою секретную мастерскую, и теплыми светлыми тонами – преобразить с их помощью дом-убийцу мне не дали – покрываю холсты.

– Вот-вот начнется ливень. Может, выпьем по чашке кофе? –

предлагает Бен. – Кафе еще открыто.

Я не должна, не должна идти с ним в кафе, но вспоминаю мамино кольцо с ценником и соглашаюсь:

– Почему бы нет?

* * *

– Я думал, вы меня избегаете. Вижу, как приходите в мастерскую, как уходите, но ни разу не заглянули даже поздороваться.

Бен приносит две не слишком чистые белые кружки с жидким чаем. Чтобы освободить место на столе, поднимаю уже прилипшую к грязной пластиковой скатерти руку. В запотевшие окна хлещет дождь, слышно, как хлопает на ветру дверь: в кафе ежеминутно, спасаясь от стихии, вбегают промокшие, растрепанные прохожие.

– Ничего личного. Просто... Домашние дела. Сложно объяснять. Но я пишу. Анна меня убедила, я готовлюсь к выставке.

Не могу же я сказать Бену, что, несмотря на его доброту и великодушие, Анна назвала его странным и советовала держаться настороже. И рассказывать, что видела их милое воркование в галерее, тоже не собираюсь.

– Я так рад, что вышел из дому. Сначала я решил, что вы с мужем, и чуть было не передумал.

– Я гуляла одна, – обрываю собеседника.

Он пожимает плечами.

– Кто-то шел за вами по пятам от самого города, и я решил...

Вздрагиваю. Я думала только о мамином кольце, а шаги за спиной... Они, должно быть, тонули в шуме ветра.

Испачканные красками пальцы Бена касаются моей руки.

– В любом случае я рад, что решился выйти.

Наши пальцы встретились, и в этот самый момент кто-то прошел мимо окна. Представив, что было бы, окажись на его месте Патрик, я вздрагиваю.

Официантка, идя к нашему столику за пустыми чашками, переворачивает на входе табличку, меняя местами «Открыто» и «Закрыто». На ветру опять трясется и дребезжит входная дверь.

– Похоже, это надолго, кафе закрывается. Предлагаю пойти ко мне, – надевая куртку, говорит Бен.

Я не должна этого делать. Нужно возвращаться домой, приготовить ужин. Мне надо прийти раньше Патрика, иначе опять придется врать,

выкручиваться, выдумывать.

И снова отвечаю:

– Почему бы нет?

* * *

Подходим к жилищу Бена.

– Вам нужно позвонить домой, чтобы сообщить, где вы находитесь? – спрашивает он, поворачивая в замке ключ.

Я молчу, и хозяин, открыв дверь, первым проходит внутрь. Она ведет прямо в полутемную гостиную, где в углу слабым светом мерцает дровяная печь.

– Знаю, уже почти лето, и топить ее сейчас глупо, – говорит Бен, – но в такой ненастный вечер...

Из темного деревянного комода – на его поверхности старые круги от влажных стаканов – галерист извлекает бутылку красного вина и два бокала. Наполнив их, один он протягивает мне, и я замечаю под ногтями Бена краску. Кобальтовая синяя, красный кадмий. Так знакомо и так непривычно. Накатывает тоска по тем временам, когда все, кого знала, пахли скипидаром и маслом, дешевой выпивкой и ароматизированным табаком, а под ногтями у них вечно оставались следы краски. Как быстро – от страха до восторга – менялось тогда настроение. Сейчас же моя жизнь поблекла, потускнела до неузнаваемости.

Обсыхаем у огня. Бен рассказывает о новой серии работ. Он так увлеченно описывает свои полотна, что кажется, будто меня рядом нет. Я же представляю, как поцелую Бена, прильну к обтягивающей его грудь и живот мокрой футболке.

Я и раньше грезил о каком-то незнакомом добром мужчине. Он всегда держит дверь открытой, но перед тем как войти, я вступаю с ним в законный брак, рожаю ему детей; все невзгоды и радости жизни разделяя с веселым незнакомцем, который вечно улыбается и всегда готов прийти мне на помощь.

Так я прожила сотни жизней с сотней разных мужчин, которые извинялись, если случайно заденут, улыбались, уступали место в переполненном кафе или автобусе. Не знаю, что это за люди. Мне все равно, они лишь плод моей фантазии. Ни с одним из них я даже не заговорила. Ведь как только знакомишься с реальным человеком, фантазиям приходит конец.

Так что же делаю я в гостиной человека, которого сама себе придумала? Сажу так близко, что могу его поцеловать, и, потягивая вино, изо всех сил сжимаю кулаки: только бы не провести рукой по ежику волос на голове хозяина.

И всему виной Кэролайн и Патрик, его пренебрежение ко всему, что важно для меня. Как и Миа, жду всадника на белом коне. Рыцарь придет, он спасет. Я думала, что предстоящая выставка, картины, которые сейчас пишу, – и есть наше спасение. Зачем я пришла сюда? Чтобы Бен избавил меня от страданий?

На журнальном столике ваза с морскими ракушками, они напоминают мне ту, что я нашла на пороге своего дома. По спине пробегает дрожь: что я здесь делаю?

Бен придвигается ближе. Ставлю вино на стол и вскакиваю.

– Я лучше пойду. Буря, похоже, улеглась.

Надевая куртку, прохожу мимо приоткрытой двери в студию. Взгляд невольно останавливается на холсте, стоящем на мольберте. Эта большая темная и полная движения картина так не похожа на спокойные пейзажи Бена, на его натюрморты.

– Можно посмотреть? – спрашиваю неуверенно.

Он кивает и распахивает дверь.

На картине два мальчика – совсем дети. Лицо того, что слева, наполовину в тени, но я узнаю в нем Патрика.

Отступаю на шаг. Поражена не только картиной, но и художником: нет больше в его взгляде ни приветливости, ни теплоты. Передо мной чудаковатый галерист – знакомый Анны. Что делаю я в доме чужого человека, где кроме нас нет ни души?

– Я же говорил вам, что знал вашего мужа.

Слова Бена застают меня почти у порога. Обернувшись, я киваю на полотно, что виднеется через открытую дверь студии.

– Второй мальчик – вы? – шепчу еле слышно.

Бен кивает.

– Когда-то мы были друзьями.

– Анна говорила. Я ждала, что и вы что-нибудь об этом расскажете.

– При первой встрече я не понял, что вы замужем за Патриком.

Не верю.

– А почему не сказали ни слова, когда узнали?

– Потому что видел: происходит что-то неладное.

Я вздрагиваю.

– Видел и в первый день, когда смотрел в подвале ваши работы, и

потом, когда мы встретились в галерее. Потому и предложил вам мастерскую. А с Патриком мы не виделись очень давно, – помолчав с минуту, добавляет Бен, – наши дороги разошлись еще в детстве. Только, зная об этом, разве вы пришли бы тогда в мастерскую? Или, как сейчас, ко мне домой?

– Могли бы возобновить знакомство с моим мужем.

– Знаете, расстались мы далеко не по-дружески, и нет у меня никакого желания восстанавливать отношения.

– А общаться с женой бывшего друга за его спиной – это нормально?

– Я не просил вас хранить наши встречи в тайне. – Бен пожимает плечами и улыбается. – Этим вы только подтверждаете, что я был прав: происходит что-то неладное.

Подойдя ближе, он протягивает руку, но тут же отдергивает ее. Заметил, как я вздрогнула?

– Мастерская около галереи раньше была квартиркой. Простенькой, но там можно было жить. Я не возражаю, если кто-то опять там поселится.

Этот чужой человек вновь предлагает мне уйти от мужа, предоставляет убежище.

– Спасибо, у меня есть жилье.

– Я всегда думал: Патрик однажды вернется. А когда проходил мимо дома и увидел вас... Знаете, я испугался за вас еще до того, как мы познакомились.

Бен подходит совсем близко, гладит меня по голове. Закрываю глаза и представляю: он меня поцелует, а когда вернусь домой, к Патрику, пусть почувствует запах моего художника. Достойная месть за кражу маминих драгоценностей и поцелуи с Кэролайн? Но эта картина... Хочется спросить: «Это вы, рисующий Патрика и набравший кучу ракушек, оставляете у нашего крыльца всякие предметы и шпионите за домом? Не Хупер, а вы? Вы, поджидающий меня повсюду странный человек?»

– Мне пора, – повторяю снова и ухожу.

Сильный ветер дует в спину, приходится идти все быстрее и быстрее. Я ему не сопротивляюсь. Я почти бегу.

* * *

Не надо было задерживаться. Теперь еще идти назад к ювелирному магазину за пакетами из супермаркета, которые, если их никто не забрал, вместе с выдумками о длинной очереди в кассу обеспечат мне алиби. Но я

просто шла и ничего не придумала. Возвращаясь из города, слышу, все время слышу за спиной чьи-то шаги, однако ближе к дому преследователь начинает отставать. У самого крыльца оглядываюсь – вокруг никого. На ступеньках лежит коробка. Поднимаю ее – к коробке прикреплен конверт. На нем корявым незнакомым почерком написано: «Саре». Опять смотрю по сторонам, но на небе ни луны, ни звезд – сплошная облачность, так что в темноте я все равно никого бы не увидела. Дрожащей рукой открываю входную дверь.

Кто-то хватает меня за ворот. Я подпрыгиваю.

– Где ты была? – Патрик снимает с меня куртку, а я сжимаю кулаки и с трудом удерживаюсь, чтобы не надеть ее снова.

Нужно было еще на улице придумать, что сказать.

– Встречалась с подругой. Мы познакомились в городе, – отвечаю мужу.

На его лице вдруг возникает странное выражение – не могу понять, что оно значит. Он кладет руки мне на плечи, а в зеркале кажется, будто он сжимает мне горло. Я вру отражению Патрика прямо в глаза, а его руки не душат меня, а нежно гладят, что еще неприятнее.

– Ты ничего не рассказывала о новых друзьях...

Пожимаю плечами. На секунду пальцы действительно стискивают шею.

– Одна подруга. Встречаемся иногда. Пили в городе кофе.

Ладони Патрика скользят по плечам, спускаются ниже. Вздрагиваю и закрываю глаза.

– Ты слишком напряжена, расслабься.

Он наклоняется, целует меня в макушку. В его горячем дыхании чувствуются пары алкоголя. Холодею. Но такой знакомый мне кислосладкий запах с Патриком никак не вяжется. Тут что-то не так. Он вообще никогда не пьет, и никогда раньше такого не случалось.

– Сара, а ты меня не обманываешь? – шепчет он.

Нет, я не ошиблась. В нос ударяет сильный пьянящий запах спиртного – виски или бренди.

– Конечно, нет...

– Что это? – поднимая коробку, спрашивает муж.

– Не знаю. Нашла около дома.

Хочу взять ее, но Патрик не дает. Он отрывает и комкает прикрепленный к ней конверт.

– Не обращай внимания. Наверное, от какого-нибудь бывшего сотрудника, которого я уволил.

– Но...

Патрик прерывает меня:

– Забудь.

Вижу: муж собирается уходить. Но на конверте не его имя, а мое.

– Патрик, – зову я и умолкаю. Пропадает голос.

– Что?

С трудом прочищаю пересохшее горло.

– Патрик, ты пил?

От одного вида его перекошенного лица подступает тошнота. Не надо было спрашивать. Скорее всего, мне просто показалось, это...

– Пил, – бросает он и, хлопнув дверью, скрывается в гостиной.

Глава 23

Сара

Я уже почти отключилась, как вдруг слышу стук входной двери. Мой не до конца пробудившийся мозг советует на звук не реагировать и опять погрузиться в сон. Но поздно. Открываю глаза, сажусь. Смотрю на часы – почти полночь. Кто и куда собрался в такое время? Ведь не в школу же и не на работу. Внизу разговаривают на повышенных тонах. Патрик. Хватаю халат. Миа отвечает спокойнее, но с каждым словом ее голос звучит все громче.

На ходу завязывая пояс, выбегаю на площадку. Там Джо. Он полностью одет. По вечерам, после ужина, сын исчезает у себя в комнате, и войти туда, постучавшись, может только сестра.

– Подожди! – предупреждаю я, подняв руку.

Внизу, в холле, вижу Патрика и Миа. Она в куртке, макияж смазан, как будто гуляла всю ночь. С таким лицом не выходят из дому даже тайком, успокаиваюсь на мгновение, но тут же соображаю: дочь минуту назад вернулась.

Поворачиваюсь к Джо – он молча пожимает плечами. Представляю, как Миа каждый вечер входит в его комнату, потом через окно спускается по дереву в сад и незаметно убегает. Такое проделывал когда-то ее отец. А я-то радовалась, что любящие брат с сестрой проводят вечера вместе! Ничего подобного. Миа пропадала неизвестно где и возвращалась неизвестно когда, а Джо оставался один. Тогда понятно, почему он не спит: ждет ее возвращения.

Еще со ступенек вижу: Патрик держит Миа за руку и сжимает так сильно, что девочка морщится от боли. Мчусь вниз.

– Патрик...

Он бросает взгляд через плечо.

– Ты знала?

Отрицательно качаю головой.

– Я запирал на ночь дом и увидел, как Миа свернула в сад. Сейчас полночь, мы все думаем, что дочь спит, а она шляется по улицам, да еще в таком виде!

Патрик трясет ее, и девочку шатает из стороны в сторону.

От Миа – она стоит босиком, туфли на высоченных каблуках держит в руке – пахнет табачным дымом и спиртным, обтягивающие джинсы в песке, на заду темнеет мокрое пятно.

– Какого черта? Была на берегу, встречалась с друзьями, – пытаюсь высвободиться, оправдывается Миа. – Ты же сам рассказывал, как это прекрасно.

Бросив туфли, она трет запястье, стиснутое отцовской рукой.

– Только не ночью и не в таком состоянии. Ты пьяна, – отвечает Патрик тихо, но от его ровного голоса мне почему-то хочется сбежать, спрятаться, накрыть голову подушкой. – От тебя разит табаком, среди ночи в пьяном виде шатаешься неизвестно где, – продолжает муж, ладонью размазывает по лицу дочери ярко-красную помаду и черную подводку для глаз. – А с этим дерьмом на физиономии ты похожа на дешевую проститутку.

У меня перехватывает дыхание: его рука касается глаз, рта дочери. Патрик грубо вторгается в ее личное пространство. Я не ошиблась: макияж – только маска, под которой прячется ребенок, но разве хотела я видеть свою девочку такой дрожащей, такой испуганной? Где ее улыбка? Куда пропала моя веселая маленькая певунья?

Прикасаются к глазам, дотрагиваются до рта, растягивать кожу – это нарушение прав личности.

– Нет, нельзя... Только не... – сбегая по ступенькам, кричу я бессвязно. Патрик оборачивается, и я отбрасываю его руку от лица дочери. – Не смей!

– Спасибо, папочка! – вытирая слезы, всхлипывает Миа. – За все тебе спасибо.

А он требует ответа.

– Когда ты ушла? Как ты вышла из дома?

Девочка мельком поднимает глаза к площадке второго этажа, где в тени прячется Джо.

– Я должен был догадаться, что все подстроил ты, – проследив взгляд дочери, шипит Патрик.

– Папа, Джо ничего не знает!

– Хватит врать! – обрывает ее Патрик. – А ты почему одет? – кричит он сыну. – Бросил сестру в беде, а сам влез на дерево – и шмыг в окно?

– Никуда я не уходил.

– Лжец. Я думал, ты усвоил урок.

– Я был дома. Дома, черт побери! – кричит в ответ Джо, спускаясь.

Муж, стискивая кулаки, устремляется к нему.

– Патрик, успокойся! – Встав между ними, я перехватываю взгляд мужа, смотрю ему в глаза. – Давай сядем и спокойно все обсудим. Спокойно. Я заварю чай...

– Не нужен мне твой дурацкий чай!

Я вздрагиваю.

– Пап, не надо, – слышу за спиной голос Миа. – Еще расстроится и опять вздумает сводить счеты с жизнью.

– Миа! Заткнись! Закрой свой грязный рот! – орет муж.

– Нет, правда же, это все из-за нашей мамочки!

Миа срывается на крик, Патрик, отшвырнув меня с дороги, кидается к Миа, но подскочивший Джо перехватывает его руку. Обнимаю дочь, пытаюсь ее успокоить, и мы обе испуганно жмемся к стене.

– Патрик, прекрати немедленно! – кричу я.

Миа плачет. Может, ее слезы, черт возьми, приведут его в чувство? Мужа колотит, и Джо его отпускает.

– Все нормально, – бормочу я, – все хорошо.

Господи, что я несу? Сын – он сидит на нижней ступеньке лестницы – схватился за голову, Миа рыдает, меня трясет не меньше, чем Патрика. Разве это нормально?

* * *

Поднимаюсь в комнату дочери. Джо идет за мной. Спальня Миа – единственное помещение, где ремонт уже закончен. Основную работу выполнил Патрик. Он покрыл стены белоснежной краской, а дощатый пол застелил зеленовато-розовым ковром. Получилась настоящая детская, хотя сейчас, в эту минуту, мне кажется, что Миа, которая понуро сидит на постели, уже не ребенок. Джинсы-дудочки, густая подводка вокруг глаз, красная помада. Но вот девочка тянется за потрепанным плюшевым кроликом, который все еще живет в углу ее кровати, и я понимаю: из детской Миа пока не выросла.

Взяв с туалетного столика ватные диски, сажусь рядом с ней, аккуратно смываю тушь и подводку, стираю помаду.

– Прости, мам, – шепчет Миа, уткнувшись мне в плечо.

Вздыхаю, глажу ее по голове, покрываю поцелуями макушку.

– Папа так рассердился... Но я с ним поговорю, мы все уладим.

– Я сама виновата, – взглянув на меня, бормочет девочка.

– Неправда. – Джо садится рядом с сестрой. – Ты ни в чем не виновата.

Это отец – он взбесился и чуть тебя не избил.

– Нет, папа не мог, он бы никогда, никогда...

Джо смотрит на меня поверх ее склоненной головы и одними губами, беззвучно задает вопрос, который я от него уже слышала. После истории с таблетками, в больнице, Джо спросил меня: «Тебя обидел отец?» Я разубеждала сына теми же словами, что произнесла сейчас Миа, сказала, что Патрик никогда, он бы никогда... Но вот она, дрожащая, сидит между нами, а на ее руке горят красные пятна – следы отцовских пальцев.

Все началось после переезда. Закрываю глаза и вижу, как муж в три часа ночи красит стены подвала; вспоминаю проклятых кальмаров, и летящие в огонь альбомы с набросками, и кислый запах перегара. Этот дом... Здесь в железном самообладании Патрика появились трещины.

* * *

Иду в спальню. В комнате темно. У окна, освещенного ярким уличным фонарем, стоит Патрик. Не знаю, что он там высматривает. Все небо затянуто тучами, моря не видно вообще – просто черная дыра, и кажется, что там, на противоположной стороне улицы, кончается мир. Становлюсь у окна. Похоже, под фонарем кто-то стоит. Пытаюсь разглядеть, не тот ли, кто постоянно крутится возле дома, однако силуэт скрывается в темноте.

Патрик, не поворачивая головы, бормочет:

– Я напился потому, что меня могут отстранить от работы.

– Почему?

– Из-за той ошибки. Обвиняют в халатности. Так сказал Дэвид, черт бы его побрал!

– О господи, Патрик, прости...

Я извиняюсь, но за что? Разве его поведение можно оправдать? Ну да – стресс, тревога, выпил, хоть раньше не брал в рот ни капли; совершил ошибку, такое тоже бывает. Но Миа?

– Как она? – спрашивает муж.

– Устала. И очень расстроена. Патрик...

– Молчи, не надо. Я знаю, что натворил. – Он смотрит на свои руки так, будто видит их впервые. – Они меня не слушались, не понимаю, как это случилось.

В растерянности думаю, что ответить. Сказать, что все нормально, все наладится, мы все забудем? Только я не смогу забыть, как он выкручивал дочери руку. Чем бы все кончилось, не окажись рядом меня? В голове

звучит его крик: «Закрой свой грязный рот!» Сказать такое? И кому? Миа, его маленькой принцессе, нашей милой крошке Миа?

Я перестала его узнавать. Патрик, что бросается с кулаками на плачущую, дочь, мне чужой. Я выходила замуж за улыбчивого красавца. Он кружил меня по комнате и обещал положить к моим ногам целый мир. То был совсем другой человек.

– Клянусь, такое больше не повторится. Я буду держать себя в руках, – говорит Патрик. Вижу его воспаленные глаза, растрепанные волосы. – Ты мне веришь?

Вспоминаю рассказ Анны о бывшем парне и будто слышу эхо: Патрик говорит те же слова. Сердце выскакивает из груди. Мне кажется, я стою на краю утеса, и у меня лишь один выход – прыгнуть вниз.

Глава 24

Сара

– Миа, может, поговорим?

Молчание. Заглядываю в комнату. Дочь, скрестив ноги по-турецки, с книгой в руках сидит на кровати. Но я все равно вхожу и, закрыв дверь, выглядываю в окно.

Оно открыто. День солнечный. Снаружи долетают крики чаек, доносится лай собак. Сезон еще не начался, семей с детьми на берегу пока нет, но с мая по сентябрь домашним животным вход на пляж будет запрещен, и хозяева собак, спеша воспользоваться последней возможностью, прогуливаются вдоль моря со своими питомцами.

В такой день я легко могу поверить в ту замечательную жизнь, о которой твердит Патрик. Только она плохо вяжется с его стиснутыми кулаками, гневом, паникой – со всем, что случилось прошлой ночью.

Миа – выражение лица мрачное, плечи опущены – подавлена. Она откладывает книгу. Это «Маленькие женщины». Наверное, перечитывает ее, чтобы успокоиться. Около кровати на полу валяется игрушечный кролик, готова поспорить, ночью дочь спала с ним в обнимку. Чувствую, со мной происходит что-то похожее: хотелось бы пойти на ярмарку вместе с Мэг, попутешествовать по Европе в компании Эми, снова влюбиться в Лори.

– Папа уже приходил, извинялся.

Приходил когда – ночью? Мы легли спать вместе. Значит, дождался, пока я усну. До крови закусываю губу.

– Господи, что ты так смотришь? – оторвавшись от книги, спрашивает Миа. – Пришел просить прощения, вот и все. На самом деле я сама виновата. Убежала без разрешения, пила и все такое.

– Миа, но...

– Мам, ну он же меня не ударил, он ничего мне не сделал. Давай оставим это. Мы с папой помирились – и точка. Не хочу больше об этом слышать.

Миа, когда хмурится, очень похожа на Патрика. С младенческих лет ее сведенные бровки предвещали истерику. Сегодня ссориться я не хочу. Сколько бы дочь ни уверяла, что все в порядке, вижу, какая она слабая,

хрупкая. И дело не только в бледности и сгорбленной позе. Миа, как в детстве, ищет утешения в старой книжке и мягкой игрушке.

– Хорошо, милая. – Сажусь рядом, накрываю ладонью ее руку. – Об этой истории больше ни слова. Если только...

– Если что? – Дочь бросает быстрый взгляд исподлобья.

– Если сама не захочешь рассказать, с кем вчера проводила время.

Стараюсь, чтобы мои слова звучали легко, по-дружески: мать не требует от дочери отчета, а просто хочет с ней поболтать, узнать последние новости.

Миа уже открыла было рот и вдруг передумала. Руку не убирает, но я чувствую, как она напряглась, пальцы вцепились в край одеяла.

– Когда мне было столько же лет, как тебе, я тоже убегала на свидание к мальчику Его звали Дэниел. Он был на год старше, уже умел водить машину, и мне нравилось, что он красивый.

Миа выдергивает руку.

– Ничего общего с твоей дурацкой детской любовью.

– Конечно. Я только хочу, чтобы ты знала: я все понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Это совсем другое.

– А что же?

– Он не школьник. Он старше.

Теперь моя очередь хмурить брови.

– На сколько лет?

– Господи, ну я не знаю, не спрашивала. Не все ли равно? Лет на семь-восемь.

– Это много.

Я думала, она встречается с кем-то из одноклассников. И как я себе это представляла? Он, не снимая формы, заходил бы к нам на чай, а мы, изображая счастливую семью, ждали бы, пока все само собой рассосется?

– Неважно. Уже все кончено. Я ошиблась. Думала, если скажу «да», он будет меня любить, станет моим другом. Я хотела, чтобы он, мой чертов «герой», всех нас защитил.

У меня перехватывает дыхание.

– Он все уговаривал, – всхлипывает Миа, уткнувшись мне в плечо, – и я думала, если не соглашусь, он меня бросит. А потом – ну, после секса – он просто встал и ушел. Даже не подождал, пока я оденусь.

– Боже! – шепчу еле слышно.

– Это все из-за тебя. – Она так резко отстраняется, что у меня в руке остается несколько волосков. – Не переехали бы в эту вонючую дыру, ничего бы не случилось. – В голосе дочери звучит неприязнь. – И я, и

Джо – мы пытались с тобой поговорить, но ты все время спишь. Даже когда ходишь с открытыми глазами, все равно до конца проснуться не можешь. А папа... У него больше ни на кого не остается времени.

Отодвигаюсь. Миа обхватывает себя руками, вся съеживается: откровенный разговор окончен.

Скрипят ступеньки. Она вскидывает голову.

– Только ничего не говори отцу, – шепчет в панике. – Мам, ничего ему не говори. У него вообще поедет крыша.

Вскакиваю и загораживаю дочь. Она быстро приглаживает волосы, вытирает слезы.

– Что тут у вас происходит? – Патрик – поверх моей головы – бросает взгляд на Миа.

Оборачиваюсь – она вся дрожит и не сводит с меня глаз.

– Ничего, – отвечаю я. – Немного повздорили: я убеждала Миа, что надо здесь прибраться. Пустяки.

– На тебе нет лица, – обращаясь к девочке, продолжает Патрик.

– Болит голова, – бормочет та в ответ.

– Сейчас принесу болеутоляющее. – Я тяну Патрика за рукав. – Пойдем, пусть отдыхает.

Выходим на площадку. Муж одобрительно кивает.

– Ты права, пустяки. Думаю, в ванной, в ящике под раковиной, есть упаковка нурофена.

* * *

Пытаюсь найти нурофен, хотя не думаю, что у Миа действительно болит голова. Зато моя просто раскалывается. Душат слезы. Конечно, дочь не может вечно оставаться маленькой девочкой, да я этого и не хочу, но все-таки жаль, что в первой физической близости не было и намека на любовь, только полупьяное соитие, чтобы понравиться какому-то мужчине.

Шарю в ящике комода и в правом углу натыкаюсь на пузырек. Я достаю его и, не удержав, роняю на пол. Это тазепам, который я привезла из старого дома. Бутылочка... Когда я перестала его принимать, она была почти полная, а теперь на дне лежат всего четыре таблетки.

Сажусь на край ванны и рассматриваю пузырек. Во рту появляется знакомый горький вкус лекарства. Однажды мне приснился сон, будто чья-то рука заталкивает мне в рот пилюли... После больницы я все время чувствовала себя усталой. Постоянно. А после переезда порой не могла

вспомнить события целого дня. Думала, так действуют антидепрессанты, которые при выписке дал мне доктор, потому и закопала их на клумбе под окном гостиной.

А вдруг сонливость вызывали вовсе не они? Миа сказала: «Ты все время спишь. Даже когда ходишь с открытыми глазами, до конца проснуться не можешь».

Кладу тазепам обратно в ящик, в дальний угол и, размяв затекшие ноги, возвращаюсь в комнату дочери. Она сидит за туалетным столиком и снова накладывает макияж. Волосы причесаны. От слез не осталось и следа.

– Спасибо, – благодарит она, встретившись взглядом с моим отражением в зеркале, – спасибо, что ничего не рассказала папе.

Ответить я не успеваю.

– Мам, пожалуйста, забудь все, что я рассказала. Все. Ненавижу эти дебилские разговоры по душам, «как мама с дочкой». Поезд уже ушел, – говорит она, подводя глаза. – Стань опять нормальной зомби-мамой, и мы обе притворимся, что это был только страшный сон.

* * *

– Я хотел тебе рассказать, я пытался, – раздается за спиной голос сына. Джо стоит в дверях своей спальни. Там темно – плотные шторы задернуты, и солнечные лучи в комнату почти не проникают.

– Кто он? – спрашиваю я.

– Этого я тебе сказать не могу, – качает головой Джо. – И вообще это неважно. Просто мальчик, с которым Миа встречается.

– Вряд ли мальчик, если он на восемь лет старше.

– Возраст здесь ни при чем.

– Ты так считаешь?

– Миа просто нужно, чтобы ее любили.

– А разве мы ее не любим? Неужели опять во всем виновата я?

– Мам, ты меня прости, но Миа с тобой никогда не считалась. И она пошла вразнос не потому, что ты за ней не уследила, – отходя на шаг, вздыхает Джо. – С тех пор как мы сюда переехали, изменилась не только Миа.

– Пожалуйста, объясни, что с ней происходит.

– Она думает, что здесь водятся привидения, – грустно улыбается Джо.

Я в них не верю, но в этом доме... Темные пятна на стенах, скрип

старых половиц, слова, которые в темноте написал на стене подвала пропавший мальчик.

– Она ищет того, кто защитит ее от привидений?

Улыбка сползает с лица сына.

– Мне кажется, ее пугают не призраки.

– Джо, что мне делать? Что сделать для тебя и для Миа?

– Увези нас из этого дома.

– Опять переезд? Дом нам не продать. Я пыталась поговорить с отцом, но он не хочет даже...

– Я говорю не про всех – только о тебе и о нас с Миа.

Джо почти шепчет, но мне его слова кажутся криком. Вспоминаю Патрика, его стиснутые кулаки, гневный взгляд. Наверное, перед глазами Джо стоит та же картина.

Сын заходит в комнату и тут же возвращается с альбомом в руках.

– Я делал наброски. Смотри, – открывая первую страницу, говорит Джо.

Это Патрик. Он еще около старого дома, собрался на работу. Набросок – от четкой складки на полосатых брюках до подбородка – одни углы и прямые линии. Портфель в руке, зачесанные назад волосы. Лицо серьезное, без улыбки – задумчив, сосредоточен и все-таки совершенно спокоен.

Джо поспешно перелистывает страницы, и мне кажется, что передо мной флипбук^[8], и я боюсь, что из него сейчас выпрыгнет нарисованный и оживший Патрик. Мелькают страницы, бежит время, и углы на набросках становятся менее четкими, опускаются плечи, руки сжимаются в кулаки, прическа теряет былую аккуратность, а спокойствие на лице сменяется яростью. Те же углы и прямые, но линии нарисованы теперь более толстым штрихом. На последней странице разыгрывается буря. Это прошлая ночь. На листе яростный водоворот пересекающихся кривых, в них с трудом можно различить фигуру. Толстый грифель, похоже, сломался во время работы и продырявил бумагу, поэтому кажется, что Патрик действительно хочет вырваться из альбома.

Раньше, давая сыну карандаш и бумагу, я просила: «Поговори со мной». Сейчас, глядя на его рисунки, я не могу унять дрожь. Отступаю на шаг. Это не разговор, это крик.

– Видишь? – спрашивает Джо, протягивая мне альбом. – Теперь ты видишь?

Нет, Патрик обещал мне, что такого больше не повторится. Этот дом... Муж так мечтал о райском уголке своего детства, где все будет прекрасно.

Джо возвращается в комнату и поднимает шторы. Комната кажется светлее, чем обычно. Старой яблони больше нет.

– Это отец, – шепчет Джо. – Ночью – не знаю, во сколько, – я проснулся от шума, выглянул – а там он, в своей идиотской пижаме, пилит и пилит, пилит и пилит.

По заросшей сорняками земле разбросаны сучья, но часть дерева сохранилась. Патрик срезал только те ветви, которые доросли до окна. Яблоня выглядит кривобокой, будто в нее ударила молния. Перевожу взгляд на альбом: он раскрыт как раз на той странице, где изображен разгневанный муж.

Странно, несмотря на все, что случилось, прошлой ночью я не проснулась. Не слышала, как он выходил к Миа, как пилил это чертово дерево. Перед сном Патрик принес мне чай. Очень крепкий, он даже горчил. Пока я пила, муж сидел рядом на кровати, снова и снова просил прощения, и под это убаюкивающее «прости, прости, больше никогда...» я и уснула.

Иду к себе.

– Мама, ты должна нас отсюда забрать, – говорит Джо мне вдогонку.

Вернувшись в спальню, заглядываю в чашку, из которой пила вчера вечером. Нет, гадать по чаинкам я не собираюсь. Там, на дне, белый порошок – остатки измельченной таблетки снотворного.

Глава 25

Сара

Возвращается Патрик. Судя по всему – волосы в беспорядке, набухшие веки, темные круги под глазами, – он опять не спал ночь. На нем вчерашняя рубашка, вчерашний костюм. Руки исцарапаны, под ногтями грязь. Рисунки Джо не идут у меня из головы.

– Где ты был?

Патрик бросает на стол фирменный пакет хозяйственного магазина и проводит рукой по волосам.

– Заезжал кое-что купить.

– А почему не на работе?

– Меня отстранили, – помявшись, говорит муж. – Сегодня утром позвонил Дэвид и уведомил официально.

Вздыхаю.

– Сара, не беспокойся. Зарплата полностью сохраняется. Вот если они решат меня уволить, тогда нам придется туго.

А сейчас разве не так? И дело не в деньгах или трудностях на работе. Муж начал пить. А как он смотрел на дочь? Если его уволят, он лишится дома, и при одной мысли об этом у меня внутри все сжимается и сердце готово выскочить из груди. Но если поступить так, как просит Джо, Патрик потеряет и семью. Одна мысль об этом...

– Ты голодный? – спрашиваю, помешивая в кастрюле макароны. – Паста почти готова.

Он стоит у меня за спиной, и я изо всех сил стараюсь успокоиться. Но когда он кладет мне на плечи руки, все равно вздрагиваю, роняю в кастрюлю деревянную ложку-мешалку, и меня обдает брызгами кипятка.

– Не спеши. У меня есть дела. – Патрик убирает руки и принимается искать что-то в одном из шкафчиков. – Тебе не попался уровень? А дрель?

Закусываю губу.

– Мне кажется, они в коробке для инструментов.

– А где она?

Отвечаю не сразу.

– Думаю... Думаю, в подвале.

Патрик, прекратив поиски, медленно задвигает ящик.

– Я не голоден. – Глядя мне прямо в глаза, он берет в руки пакет. Внутри что-то звенит: похоже, бутылки. – Меня к ужину не ждите. Есть дела.

Миа тоже отказалась спускаться, так что мы с Джо, не притрагиваясь к еде, молча сидим за столом. Не знаю, что делает Патрик, но по звуку догадываюсь: работает дрель. Кажется, что инструмент вонзается в мой череп: голова раскалывается, в висках пульсирует кровь. Стискиваю зубы. Целый день хожу сонная, глаза закрываются – хоть спички вставляй. Не пила вчера ни капли, а чувствую себя как с похмелья.

Я хотела – шутя, между делом – спросить Патрика: «Слушай, а что ты подмешал мне вчера в чай? Спала как убитая». Даже репетировала перед зеркалом, да только я ждала мужа спокойного, застегнутого на все пуговицы, не предполагала, что он начнет метаться в поисках забытых в подвале инструментов. Скажи я заготовленную фразу, она прозвучала бы сейчас не шутливым замечанием, а настоящим обвинением.

Джо относит свою тарелку в раковину. Вижу: почти весь его ужин оказывается в мусорном ведре. Возвращаясь к столу, сын – что-то вдруг привлекло его внимание – останавливается.

– Ты это видела?

Выглядываю в холл и застываю на месте: на двери подвала поблескивает большой висячий замок. Так вот что устанавливал Патрик. Наверху раздается стук – что-то упало, начинает мигать свет. Мы с Джо переглядываемся.

– У меня в комнате отец, – шепчет сын и бросается вверх.

Бегу за ним. Как я хочу застать мужа за починкой шкафа, у которого заедает дверь. Или увидеть, как он собирает что-то из мебели, чтобы стало ясно: после отделки дочкиной спальни, которой он занялся в первые же выходные после переезда, настала очередь комнаты Джо. Ни то, ни другое. Патрик вешает еще один замок – большой грубый запор, уродующий окно.

– Господи! Папа, ты же спилил это чертово дерево!

Патрик – он все еще держит дрель – бросает на Джо мрачный взгляд. Беру сына за руку. Он вырывается.

– А что потом? Моя дверь?

Патрик медлит с ответом, а я вспоминаю блестящий новый замок на двери подвала. Интересно, что еще муж принес из магазина?

– Я покончу с вашими побегами.

– Разве это я убежал? – усмехается Джо, глядя отцу прямо в лицо. – Может, ты не заметил, но я единственный, кто торчит здесь с утра до ночи.

Мы с сыном выходим из комнаты.

– Как ты думаешь, сколько времени ему понадобится, чтобы повесить замки на все двери? – спрашивает Джо, когда снова раздался звук работающей дрели.

Спускаемся вниз.

– Мам, я нашел работу. Пока в кафе. Мне платят деньги, и я коплю их, чтобы отсюда выбраться. Я хотел бы, чтобы ты тоже ушла.

– Джо...

– Ему не удастся меня запереть. Уйду и больше никогда не вернусь.

* * *

Просыпаюсь посреди ночи. Открываю глаза – Патрик, обхватив руками голову, сидит на постели. На спине торчат обтянутые кожей лопатки – я и не заметила, как он похудел, – и даже в темноте на ней видны шрамы.

Когда я впервые увидела Патрика обнаженным, они сразу бросились мне в глаза. Я подумала – для принадлежащего к среднему классу офисного работника двадцати двух лет это довольно необычно. Я спросила, откуда столько шрамов, и он рассказал, что один заработал, когда упал с дерева, другой, когда свалился с велосипеда, еще один – следствие нетяжелой автомобильной аварии. Для каждого нашлось вполне правдоподобное объяснение.

Теперь я хотела бы знать, какая из этих историй на самом деле соответствует истине.

– Что случилось? – спрашиваю шепотом.

Патрик убирает от лица ладони, не меняя позы.

– Плохой сон.

Трогаю мужа за влажное плечо. – Патрик подпрыгивает, как от пощечины.

– Принести тебе что-нибудь?

Сажусь. Скрипит кровать. Натягиваю на себя одеяло. Муж весь в поту, а мне холодно. В этом доме мне все время холодно.

– Нет, не нужно. Просто немного посижу.

Боится уснуть и снова погрузиться в кошмар?

– Тебе такое раньше снилось? – спрашиваю я.

Вытирая взмокший лоб, Патрик кивает:

– Да. Как будто я опять маленький, а дом такой, каким был раньше,

только площадка на втором этаже гораздо длиннее, и на нее выходит очень много комнат. Я бегу, раздаётся пронзительный крик... И вдруг оказываюсь в подвале и знаю, что вместе со мной там и тот, кто кричал.

Слышу звук своего дыхания. Патрик тоже дышит часто, тяжело. Раньше, когда его мучили ночные кошмары, я никогда не думала, что за ними может стоять что-то большее. Но рядом та же самая площадка, которая среди ночи действительно кажется гораздо длиннее, чем на самом деле. И есть подвал.

– Ты думаешь, это только сон?

– А что же еще? Или ты вообразила, что из подсознания всплывают реальные события?

По телу пробегает дрожь. Натягиваю одеяло еще выше.

– Реальные события?

Затаив дыхание, жду ответа. Патрик разглядывает свои дрожащие руки.

– Не придумывай. Конечно же, это просто сон.

А надписи на стене подвала? В прежние времена, не до конца очнувшись от страшного сна, Патрик иногда кричал сдавленным голосом: «Прости, я плохой. Прости, я плохой. Прости, я плохой». Мне казалось тогда, что слова эти ничего не значат.

На площадке второго этаже, помигав, гаснет свет. Смотрю на часы – цифры тоже не горят.

– Обрубил электричество, – шепчет Патрик.

Встаю и выглядываю в окно: уличный фонарь светит как обычно. Слышу стон. В одной из детских спален что-то происходит.

Патрик вскакивает.

– Пойду с тобой, – шепчу я.

Он отрицательно качает головой.

– Я все равно не сплю. Проверю, что там у них.

– Патрик, – кладу руку ему на предплечье, – только не надо...

Он отбрасывает ее и поворачивает ко мне едва различимое в темноте лицо.

– Не надо что?

Сердце бешено бьется, и я не знаю, как закончить фразу, чтобы... чтобы опять не расстроить мужа.

Снова ложусь, смотрю в потолок. Слышу стук в окно, но знаю: там никого нет. Это на ветру трясется старая рама, или бьют по стеклу ветки, а кажется, что кто-то стучится, просится в дом.

Патрик все не возвращается. Может, кто-то из детей заболел?

Вспоминаю шрамы на руках Джо и, подкравшись на цыпочках, выглядываю на площадку. Патрик – одной рукой он держится за ручку, а другая сжата в кулак, глаза закрыты – стоит, уткнувшись лбом в дверь дочери. Затаив дыхание, не выходя из спальни, наблюдаю за мужем. Что он будет делать? Стук становится все громче, все настойчивей, и в шуме ветра мне слышится шепот: «Прости, я плохой. Прости, я плохой. Прости...»

Глава 26

Сара

Беру альбом, выхожу на прибрежную тропу, сажусь на скамейку. Воображаю, будто послужила моделью художнику, чье полотно выставлено в витрине галереи. Около нее мы познакомилась с Анной. Я придумала, как использовать в своих картинах все краски ее «секретного пляжа», но в студии работать не могу: на меня там что-то давит, пейзажи получаются слишком резкими, так что возвращаться туда я не собираюсь. Что это за убежище, если в каждом углу мне мерещится призрак Патрика? Я стала писать дома, на кухне. Но там страшно дует из сломанного окна, в завывании ветра слышу стоны и, кажется, чувствую на затылке чье-то холодное дыхание.

– А я-то гадаю, куда ты пропала.

Это Патрик. Продолжаю водить карандашом по бумаге. Муж садится рядом. Он все еще не работает, но поднялся как обычно, в шесть часов, надел костюм. Когда я спустилась вниз, то застала его в кухне: сидел за столом, уставившись в пустоту невидящим взглядом.

– Принес тебе чай. – Патрик ставит на скамью термос и, налив чашку, протягивает ее мне. Я отказываюсь. Пожав плечами, он усмехается и сам делает несколько глотков. – А что ты рисуешь?

– Ничего определенного, так, набросок для морского пейзажа, скорее нечто абстрактное.

– Значит, не портрет.

В словах Патрика чувствую какой-то подвох, и у меня тут же сводит спину.

– Смотри, что я нашел в холле, – говорит муж, доставая из кармана сложенный лист бумаги. – Наверное, выпал из твоего альбома. – Развернув листок, Патрик кладет его на скамью, между нами. – Кого это ты рисовала?

Заливаюсь краской. Вспоминаю тот пейзаж со скамейкой, на которой сидят двое. Интересно, могла бы Анна додуматься, что между ними разыгрывается такая же сцена, как сейчас между мной и Патриком?

– Никого. Просто фантазия.

Набросок неважный. Ничего похожего на рисунки сына. Мгновенная зарисовка: в домике на берегу моря художник пишет картину. На Бена он не

слишком похож. У меня в альбоме есть рисунки удачнее – портреты Миа, Джо, морские пейзажи. Но они Патрика вряд ли заинтересуют. А портрет художника у меня не вышел, поэтому я вырвала рисунок из альбома и, по моему, выбросила в урну. Там его муж и обнаружил. Теперь понятно, почему он сидел за столом с таким странным видом.

Из набросков Джо – мои листы им не чета – можно узнать о человеке все, они ярче, правдивее фотографий.

Патрик пристально вглядывается в зарисовку – бумага дрожит в его руках.

– Я думал... Я подумал, что ты рисуешь наш дом, нас. Решил, что это я – рассматриваю твои картины. Потом присмотрелся... Кто этот человек?

– Никто. Видение, мечта... Не знаю.

– Мечта? Так вот о чем ты мечтаешь? Мстишь мне за Кэролайн?

Дом. Там мальчик со шрамами на запястьях, Миа, которая все еще ищет себе защитника. Чем больше я узнаю о Патрике-ребенке, тем больше от него отдаляюсь. Этот дом-убийца гниет, сочится ядом. Он разваливается на части. А в глубине шкафа – коробка с дорогими сердцу вещами, с тем, что осталось в память о родителях. Только маминой шкатулки там больше нет.

– Да, – говорю я, – это фантазия, мечта о том, чего у меня нет.

Патрик испуганно вздрагивает. Страх завладевает им, выплескивается наружу. И дело не во мне. Здесь что-то еще, что-то другое. Причина кроется в этом доме, куда, стараясь его возродить, привез нас Патрик.

Он комкает листок и, мне кажется, сейчас меня ударит. Втягиваю голову в плечи – но нет, ничего не происходит. Поднимаю глаза – муж снова разглаживает мятую бумагу и выпускает ее из рук. Подхваченная ветром, она скрывается за ближайшим утесом.

– Ты разбиваешь мне сердце. Сара, ты меня просто убиваешь.

* * *

Вижу, как по тропе поднимается Анна, и у меня возникает непреодолимое желание спрятаться. Во-первых, я зла на нее за то, что она наговорила во время нашей последней встречи. А еще Патрик едва не ударил Миа, и я не хочу, чтобы новая подруга видела, как я напугана. Она меня предупредила и была права.

Анна стучится. Делаю глубокий вдох и открываю дверь.

– Пришла просить прощения. – Она принесла обернутое в подарочную

бумагу кашпо с ромашками. – Прошлый раз я вела себя глупо. Приняла все слишком близко к сердцу. Это из-за моего бывшего. Конечно, нечего было спрашивать тебя об отношениях с Патриком. Я должна была сразу поверить, что он никого из вас никогда пальцем не тронул.

Она так держит цветы, что мне видны шрамы на ее руках.

Вспыхиваю и тянусь, чтобы забрать ромашки.

– Анна, все в порядке, не беспокойся.

– Ты уверена? Сама не знаю почему, но я все равно беспокоюсь. Ты не отвечала на мои звонки, и я подумала, что должна тебе кое-что объяснить.

Бросив взгляд исподлобья, Анна отводит глаза, и этот беглый взгляд кажется мне странно знакомым.

Забираю цветы и ставлю горшок на столик в прихожей.

– Ты как себя чувствуешь? Выглядишь – не фонтан, – говорит Анна, поднимая с пола опавший лепесток. – Как думаешь, «любит» или «не любит»?

Хочу улыбнуться, еще раз заверить ее, что все в порядке. Но знаю: каждый раз, когда в комнату входит Патрик, Миа передергивает, и Джо еще не пришел в себя после нападения, о котором по-прежнему ничего не может вспомнить...

Я опять не спала прошлую ночь. Только закрою глаза – возникают все эти лица: Ян Хупер, Джон и Мари Эванс, мальчики с милыми щербатыми улыбками. Муж спал беспокойно, я за ним наблюдала и все думала... В этом доме его преследуют навязчивые мысли. Часто, приходя домой, Патрик жаловался, что очень занят на работе... Неужели каждый раз он просто где-то парковался и сидел в машине? А может, это он стучал в дверь?

– Анна, а Патрик сюда раньше возвращался? – спрашиваю вдруг.

– Что?

– Ну, с тех пор, как у его родителей отобрали дом, Патрик сюда приезжал?

– Не знаю, – отвечает она после затянувшейся паузы. – Откуда мне знать? Я его почти не помню. Меня ведь самой не было в городе. Всего несколько месяцев, как вернулась.

Я этого не знала. Мне казалось, она просто путешествовала, а так жила здесь постоянно. Пытаюсь вспомнить, что она рассказывала. Нет, ничего определенного. Все какие-то намеки.

– Отсюда все уезжают, – продолжает Анна. – Детство заканчивается, и ты спешишь вырваться как можно быстрее, вырваться и найти свое место в жизни.

– Но ты вернулась.

– Как Патрик и как Бен. И еще десяток таких же, как мы. Этот город не отпускает, он притягивает, как заноза, которую никак не удастся вытащить, беспокоит, как незаживающая рана.

Все звонки в риелторские конторы, все поездки в этот город, куда, по словам Патрика, он заворачивал, просто проезжая мимо... Трагедия произошла здесь пятнадцать лет назад, и я не могу с уверенностью сказать, куда в те дни уезжал мой муж. Могу ли я помнить, где он был в ночь убийства? У меня в жилах леденеет кровь.

– Подрастая, мы все учимся плавать против течения, – говорит Анна. – Проходят годы, и наконец все получается. Тогда мы уплываем прочь... – Она наклоняется ко мне. От резкого запаха ее духов (у них сладкий аромат душистого горошка, однажды она принесла мне эти цветы) начинает кружиться голова. – Мы уплываем, но проходит время, силы слабеют, и мы перестаем грести. Перестаем бороться, и волна относит нас обратно.

* * *

Вроде бы я проснулась, но не до конца. Лежу, смотрю в потолок, слушаю, как собирается на работу Джо, как готовится к школе Миа. Открывается дверь – и я закрываю глаза. Притворяюсь, что сплю.

Слышу голос Патрика.

– Сара! – Не дождавшись ответа, муж вздыхает. Скрипит кровать – он садится рядом, чувствую под головой его руку. – Я должен зайти в контору поговорить с Дэвидом, вернусь не поздно.

Патрик ставит на тумбочку мою бутылочку с пилюлями и стакан воды. Это первое, что я вижу, когда снова открываю глаза. Интересно, таблетки, которые я похоронила в саду, все еще там? Представляю, как выкапываю их голыми руками, как глотаю испачканные глиной капсулы забытья. Эта мысль будит меня окончательно.

Принимаю душ, одеваюсь, иду вниз. Только бы опять не скатиться в эту яму. Не могу себе такого позволить.

Захожу на кухню и вздрагиваю от неожиданности: за столом с тостом в руках сидит Джо.

– Господи, Джо, – говорю, схватившись за сердце, – ты меня напугал. Я думала, ты ушел на работу.

Он пожимает плечами и бросает на меня быстрый взгляд из-под упавшей пряди волос.

– Я сегодня начинаю в два. Закончу в десять.

– Так поздно? А ты успеешь на автобус? – Нажимаю кнопку чайника. – Или на поезд?

Джо ставит свою чашку рядом с моей и в обе кладет по ложке кофе.

– Я, наверно, останусь ночевать у друга.

– Это кто-то из школы? Из старых друзей?

– Что это за старые друзья из новой школы? – усмехается сын. – Ты только не беспокойся. У меня были приятели, с которыми я проводил время, но Мистером Популярность меня назвать никак нельзя. Тут мне до Миа далеко.

– Так у кого ты останешься?

Джо отвечает не сразу, ждет, когда я налью кипяток в его чашку.

– Я познакомился с одним парнем...

Сын берет свою чашку, и мне кажется, что разговор окончен. Сейчас возьмет тост и уйдет к себе, но Джо возвращается к столу.

– Это Саймон. Его зовут Саймон.

Не тот ли юноша, что целовал Джо на ярмарочной площади?

– Расскажи о нем, – прошу я.

– Он меня спас, – говорит Джо, улыбаясь. – Миа бы это пришлось по душе, правда? В Кардиффе вечером накануне переезда я был не в себе, а Саймон тогда мне очень помог. И мы подружились. – Чувствую, что сын не может сдержать улыбку и смущенно опускает глаза. – Саймону двадцать один, он только что окончил университет, работает в магазине, временно, пока не найдет подходящее место. Тусоваться не любит, хотя сослуживцы его приглашали, по клубам не ходит. А еще Саймон – вегетарианец и совсем не пьет.

Джо снова смотрит мне в глаза, и я замираю. Стараюсь скрыть от сына, что все уже поняла. Прочла всю правду – сокровенную правду о юноше, которого зовут Саймон, – и ужаснулась.

– Я даже не знаю, почему он мне так нравится, – продолжает Джо. – Он очень аккуратный, не пьет, не курит. Спокойный, не любит шумных сборищ. Кажется, у нас нет ничего общего. Но у Саймона такая улыбка, такой мелодичный голос – он то звенит, то становится низким, глубоким, а когда вдруг умолкает, я даже чувствую, как быстро бьется у меня сердце. – Последние слова сын почти шепчет.

Рукава его темно-синего джемпера скрывают руки. Шрамов не видно. Почему вместо того, чтобы обо всем рассказать мне, он резал себе вены? Проследив мой взгляд, Джо натягивает рукава еще ниже.

Наконец он со мной разговаривает, и я боюсь его отпугнуть.

– Как дела с психотерапевтом?

Джо был у нее четыре раза, сам добирался на автобусе. Ездить со мной, как я предлагала, не захотел. А Патрик вообще молчит. Он даже не хочет это обсуждать.

– Мне кажется, нормально. Она твердит, что нельзя все держать в себе, что нужно разговаривать, только я не всегда... – Джо теребит край рукава, говорит еле слышно. – Я рассказал ей про Саймона, и она советовала быть осторожнее, потому что такие отношения сейчас могут мне навредить. Но Саймон говорит, что мы просто друзья.

– А ты рассказывал о нем отцу?

Джо смотрит на меня как на ненормальную.

– Издеваешься?

Засмеявшись, он встает из-за стола. Значит, уже поел и сейчас уйдет. Я тоже собираюсь подняться, но сын выбегает в холл и, вернувшись обратно с потертым рюкзаком, достает оттуда какую-то брошюру: проспект колледжа дополнительного образования^[9] в Кардиффе.

* * *

– Об этом отцу тоже знать не надо. Раз я бросил школу, аттестат мне теперь не светит. А этот курс – его нашел Саймон – можно совмещать с работой. И я мог бы поступить в художественный колледж. – Джо дотрагивается до проспекта и, помолчав, добавляет: – Я не мечтаю о блестящей карьере. Может, внешне я и похож на отца, но мне почему-то кажется, что у нас с тобой намного больше общего.

О господи! Перегнувшись через стол, накрываю ладонью руку Джо. Эти тайны... Мы все время друг друга обманываем. Я давно хотела рассказать ему об усыновлении, но Патрик даже отказывался это обсуждать. А теперь... Как мальчик, столько раз вскрывавший себе вены, воспримет эту правду теперь? Не разбередит ли она его еще не зажившие раны?

– Сейчас я... Мам, как думаешь, у меня получится? – шепчет он. Глаза горят, щеки пылают. – Вдруг и меня ждет успех и у меня будет друг и счастливое будущее?

* * *

Патрик удивленно смотрит на горшок с ромашками. Я поставила их на столик и совсем про них забыла. Так и стоят: кашпо в тонкой оберточной бумаге перевязано синей лентой.

– Откуда цветы?

– Я... Я увидела их в городе, они такие милые.

– Их принесла ты?

Не понимаю, что выражает взгляд Патрика, поэтому не знаю, что ответить. Не стоит говорить правду, ведь об Анне я мужу не рассказывала и все еще держу наше знакомство в секрете. Но почему? В этом нет никакого смысла, но сейчас...

Я киваю.

– Увидела их в городе, около овощной лавки, решила...

– Лжешь.

– Что?

– Почему ромашки? Почему именно ромашки?

– Патрик, я не понимаю: это просто цветы. Я подумала, что мы можем посадить их у крыльца. Они будут там хорошо смотреться.

– Ненавижу ромашки, – отвечает он с таким видом, будто его сейчас стошнит. – Убери их немедленно.

* * *

В детстве, как и все, мечтаешь полететь в космос, найти лекарство от рака, получить «Оскара» и все в этом роде. Но, как и бывает, на деле мечты оборачиваются чем-то куда менее фантастичным и ярким. Даже мои скромные мечты не могли осуществиться. Неясные, как стоячая вода, они растворились, ушли в песок.

Эти дебильные мечты никогда не сбываются. Никогда. Особенно у тех, кто притворяется, что живет в замке, а не в проклятом доме-убийце – кукушкином гнезде, полном лжи, тайн и секретов.

Теперь ты здесь, в этом доме. До того, как превратиться в дом-убийцу, он был самым обыкновенным. Ты здесь со своими прекрасными детьми, со своей чертовой женой, а я мерзну тут в одиночестве. А ты меня до сих пор не заметил.

Смотрю в ваши окна, вижу твое счастливое семейство. Но я-то знаю, какие мысли посещают эти красивые головы.

Выхожу из тени, приближаюсь к окну, стою опасно близко, но они слишком заняты собой, что увидеть меня. Наклоняюсь над клумбой под

эркером и голыми руками выбираю из мокрой земли таблетки. Твоя жена закопала их там на моих глазах. Достая все пилюли и складываю в пустую аптечную склянку. И что дальше? Это мы скоро узнаем.

Глава 27

Сара

Я трусиха. Поднимаюсь с постели, когда в доме наступает тишина. Боюсь встретиться с дочерью, боюсь встретиться с сыном. Они ждут, что я их спасу, увезу из этого дома. А я не знаю, что делать, не знаю, куда идти. Иначе давно бы убежала.

Анна твердит про убежище для жертв домашнего насилия, но что я там скажу? Муж не угрожал, никогда не бил меня. Могу ли я прийти туда со своими страхами, заявить, что такое может случиться, если я останусь? Тем женщинам – а над ними действительно издевались – жаловаться, что меня пугает строчка на стене подвала, которую, возможно, написал когда-то мой муж? Что однажды он чуть не ударил дочь (эти сжатые кулаки!) и я боюсь новых приступов его гнева? Что Патрик начал прикладываться к бутылке, хотя вообще-то не пьет? Не пьет, никогда не выходит из себя, не впадает в ярость. Могу я объяснить обитательницам приюта, что все дело в этом доме, где из каждой щели сочится яд, который отравил мужа, заразил неизвестной болезнью?

Я могла бы рассказать, что в ночной темноте, когда лампы мигают, а под напором ветра трясутся и скрипят старые оконные рамы, мужа терзают ночные кошмары; что он среди ночи стоит, уткнувшись лбом в дверь дочкиной комнаты и, похоже, плачет. Но при отрезвляющем свете дня Миа твердит, что все нормально, и во всех бедах винит меня; и Патрик считает, что дети угнетены, они страдают от моей мании преследования. Получается, помощь нужна только мне, ведь Джо скоро сам уйдет из дома. Он готовится начать самостоятельную жизнь.

Это меня тоже пугает. Боюсь, когда сын, полный надежд, соберется уходить, я не отпущу его, запру, потому что мне страшно: вдруг он не поступит в колледж? А вдруг этот Саймон предаст моего мальчика? Или кто-то его обидит, разбередит незажившие раны? Джо может сорваться, пойти по стопам своей родной матери. Я готова запереть его, спрятать все режущие предметы, преградить тяжелым засовом окно, но боюсь уподобиться Патрику. Господи, вот что он натворил, поселив нас в этом доме.

Жду бесконечно долго и все-таки, когда спускаюсь вниз, застаю на

кухне Патрика. Сидит за столом и вертит в руках открытую бутылочку из-под моих таблеток.

– Что это? – спрашивает муж еле слышно.

По телу пробегает дрожь. О боже, чувствую запах мяты. Надо было вместо драже положить туда белые камешки. Тогда бы я их просто проглотила. Не находя слов, молча трясу головой.

– Я нашел это на крыльце, – говорит Патрик, кивая на пузырек, – с какой-то бессмысленной запиской. Я видел, что ты каждый день принимаешь таблетки. Разве это твои пилюли? – Пристально глядя на меня, муж вытряхивает на ладонь горсть мятных конфеток. – Не понимаю... – Его голос дрожит. – Не понимаю, зачем ты это сделала.

– Они мне больше не нужны.

– Не нужны? А твоя мания преследования, а страхи, связанные с прошлым дома... Сара, тебе стало только хуже.

Это неправда. И нет у меня никакой мании.

– Я давно хотела тебе сказать, что эти таблетки действуют на меня плохо.

– А почему не сказала? Почему я должен догадываться о том, что происходит в доме? И почему в таком случае ты не обратилась к врачу?

Из-за подвала. Из-за альбома с моими рисунками. Из-за выражения ужаса на лице дочери. Из-за Джо, попавшего на больничную койку. Из-за твоей дружбы с Джоном Эвансом.

– Сама не знаю. По глупости. Так получилось, и я не знала, как все исправить.

И тут Патрик достает пузырек с настоящими таблетками. Они перепачканы грязью, и мне кажется, что даже с другого конца кухни я вижу, как в нем кишат черви. Приступ тошноты обжигает горло.

– Однако кто-то другой знал, как все исправить. Он знал, что ты сделала. – Патрик сверлит меня взглядом. – Сара, кто выкопал твои таблетки и оставил их перед домом? Кто?

Я не знаю, но думаю, что тот, кто следит за нами, – Ян Хупер. Наверно, видел, как я зарывала пилюли. По спине пробегает дрожь. В первое мгновение меня пронзила мысль, что это сделала Миа. Миа! Нет, лучше Хупер. Неужели дочь так меня ненавидит? Этого не может быть.

Подойдя к урне, Патрик высыпает туда мятные драже, потом возвращается, берет со стола вторую склянку. Наверное, тоже хочет выбросить ее в помойку вместе с содержимым. Однако наполняет водой стакан и, протянув его мне, вытряхивает на ладонь маленькую белую таблетку со следами прилипшей к ней грязи.

– Сара, прими лекарство. – В голосе мужа опять слышится дрожь.

Пячусь назад.

Патрик наступает.

– Пей свою чертову пилюлю!

Хочу отойти, натыкаюсь на стену. Плотно сжимаю губы и отчаянно трясу головой. Мне кажется, я в старом доме, какая-то размытая фигура входит в спальню, где я сплю, и запикивает мне в рот таблетку. Патрик сейчас собирается сделать то же самое: хочет заставить меня проглотить таблетки вместе червями и комками мокрой земли.

Хлопает входная дверь. Муж убирает от моего лица ладонь с грязной таблеткой. Это Миа. Направившись было к чайнику, она останавливается на полпути.

– Что это вы здесь делаете? – удивляется девочка.

Муж опускает руку и отходит.

– А почему ты не в школе? – спрашивает он.

– Уроки отменили.

Не выпуская меня из виду, Патрик бросает взгляд на дочь. Миа отводит глаза. Вижу, что врет.

Миа берет флакон с пилюлями, но тут же роняет его и, безгласно сморщив нос, смотрит, как выбравшийся оттуда червяк, извиваясь, ползет по столу.

– Что здесь происходит?

– Ничего особенного. – Патрик уже взял себя в руки, голос звучит ровно, без дрожи. Выразительно посмотрев на пустой флакон, на ползущего по столешнице червяка и на открытое мусорное ведро, муж – на лице улыбка – обращается к дочери:

– Твоя мама нас все время обманывает.

– Знаю, – криво усмехается Миа и выходит из кухни.

Я опять остаюсь с Патриком один на один.

– Прости, – говорит он, нарушая затянувшееся молчание. Казалось, оно будет длиться вечно. – Я... Я опять сорвался. Прости меня. Давай запишемся к врачу, он подберет лекарство, которое тебе поможет.

И Патрик, выбросив бутылку с грязными пилюлями, уходит вслед за Миа.

Червяк все еще ползает по столу. Беру его, выношу в сад и кладу на траву. Сверху доносится какой-то звук – это Миа. Она – бледный полускрытый шторой силуэт – наблюдает за мной из окна комнаты Джо. Интересно, если бы дочь не вернулась, Патрик затолкал бы мне в рот таблетку? Вспоминаю его взгляд, его дрожащий голос. Да. Мог бы. Если бы

Миа не пришла, муж не остановился бы, и пилюли – вперемешку с землей и червяками – оказались бы у меня внутри.

Услышав стук входной двери и звук мотора, возвращаюсь к крыльцу, но Патрик уже уехал. Смотрю на часы – половина одиннадцатого. Что происходит у него на работе? Я не знаю. Не знаю, разговаривал ли он с начальством. Если да – то какое принято решение? Всякий раз, когда я об этом спрашиваю, Патрик меняет тему. Каждое утро он надевает костюм, садится в машину и уезжает. Куда? Не уверена, что на службу.

Убираю со стола следы земли, опорожняю мусорное ведро. Снова дает о себе знать боль в желудке, которая появилась сразу после переезда и с каждым днем беспокоит меня все сильнее. Она заставляет меня просыпаться по ночам, она же – пусть на миг, только на один миг – подбрасывает опасную мысль: лучше бы Миа не вмешалась, пусть бы Патрик накормил меня таблетками. Они, подобно ватной прослойке между мной и этой ноющей болью, помогли бы заглушить ее, притупить. Вот почему, пытаюсь противостоять соблазну, я, не говоря Патрику ни слова, зарыла их в землю.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Миа.

Понимаю, что стою посреди кухни с мусорным мешком в одной руке, а другой держусь за живот.

– Ничего. Желудочный спазм, сейчас пройдет.

Дочь – без макияжа она кажется бледной и усталой – бросает на меня безразличный взгляд.

– Почему ты не уходишь?

– Что?

– Ты такая несчастная – прямо на грани самоубийства. Папа, чтобы сделать тебя счастливой, перевез нас в этот кошмарный дом. А теперь отец тоже страдает, злится, бесится...

– Миа...

– Господи, ты же знаешь, что он спал с твоей лучшей подругой. Почему ты его не бросишь?

– Этого не было. Ничего этого не было. – Мой голос дрожит.

– Ты сама-то в это веришь? Хватит притворяться. Честное слово, хватит.

Глава 28

Сара

Сажу в ванне. Вода очень горячая, но согреться не могу. В голове звучат слова дочери. И что ей ответить? Не уйду, потому что отец никогда не позволит мне забрать вас? Я могла бы добиваться опеки над дочерью, но в истории болезни у меня запись о депрессии и о попытке самоубийства. А Джо? Нет, уйти я не могу.

Патрик подходит бесшумно. Когда открывается дверь, я вздрагиваю, вода выплескивается на пол, прямо ему под ноги. Несмотря на двадцать лет совместной жизни, без одежды чувствую себя беззащитной. Зажмурив глаза, пытаюсь достать полотенце.

Протянув его мне, муж молча смотрит, как я обматываюсь махровой тканью. С волос стекает вода, но второе полотенце взять не могу – оно за спиной у Патрика. Стою в луже. Он видит, как мои руки покрываются гусиными пупырышками, и наконец отходит. Укутываю голову, иду за ним в спальню.

Патрик как ни в чем не бывало садится на постель. Я тоже сажусь, беру расческу. Он отнимает ее у меня, и я вижу: под ногтями мужа еще чернеет грязь.

В самом начале нашего романа, когда мне приходилось тратить немало времени, чтобы соскрести с волос краску, Патрик помогал мне их распутывать.

И сейчас он расчесывает мои волосы бережно, аккуратно. От него пахнет чем-то сладким, и я гадаю, не выпил ли муж, чтобы перед встречей со мной успокоить расхолодившиеся нервы?

Наконец Патрик откладывает расческу, но не встает, а целует меня в плечо. Из всех сил стараюсь не напрягаться. Он этого не любит. Его губы скользят вверх, к уху.

– Патрик, я устала, голова раскалывается...

– Последнее время она у тебя все время раскалывается, – шепчет он и сжимает мне руку повыше локтя.

Я вздрагиваю. Патрик снова прикладывает губами к моему плечу и, расстегивая рубашку, свободной рукой поглаживает красные следы, которые оставили на моей коже его цепкие пальцы. Его ладонь уже

скользит под полотенцем. Закрываю глаза.

В незапамятные, сказочные времена Патрику стоило расстегнуть только одну пуговицу на рубашке, и я бросалась на помощь. От нетерпения и у меня пересыхало во рту, а сердце выпрыгивало из груди. У мужа все еще плоский живот, широкие мускулистые плечи, но, когда Патрик запирает дверь спальни, я давно уже не стораю от желания, когда-то запустившего вскачь мое сердце.

– Тсс... – шепчет он, укладывая меня на постель. – Мы одни, давай насладимся этой минутой...

Представляю его вдвоем с Кэролайн.

– Нет, – отталкиваю мужа, – я не могу.

Встаю, натягиваю одежду.

– Ты куда?

– Мне надо подумать. Нужно побыть одной.

* * *

В студии я просидела допоздна. Не писала, просто смотрела в окно, пока не стемнело. Я слышала, что Бен внизу, в галерее, но встречаться с ним не хотела.

Не успеваю войти в дом, как ко мне бросается Патрик и обнимает меня так крепко, что ни охнуть, ни вздохнуть. Сам же дышит шумно, прерывисто, дрожит и все сильнее сжимает объятия.

– Я боялся, что ты никогда не вернешься, – шепчет он.

Пытаюсь высвободиться, но Патрик не пускает, и я снова ощущаю непривычный кисло-сладкий запах алкоголя.

Наконец муж ослабляет хватку, и я, отступив на шаг, вижу, что он действительно пьяный, глаза красные, руки трясутся. Его страх передается и мне. Разве это Патрик? Нет, этот человек мне чужой.

– Ну что ты, я здесь, все в порядке, – говорю, хотя знаю, что это не так.

Надеюсь, мои слова ослабят разъедающий его изнутри страх, успокоят Патрика. Гнев остынет, струйки холодного пота на лбу высохнут, паника уляжется.

– Все будет хорошо, – говорит он. – Завтра на работе состоится разговор, и все наладится. В доме...

– К черту! – не выдерживаю я. Патрик вздрагивает. Отхожу и, набрав в легкие воздух, выпаливаю: – Я этого больше не вынесу. Не могу здесь жить, ходить по костям несчастных Эвансов. Мы изображаем из себя

хозяев, но дом никогда не будет просто нашим жилищем. Он навсегда останется домом-убийцей. Здесь могут жить только призраки.

– Ну что ты, дело не в доме, это...

– Патрик, если бы мы не переехали, никто не напал бы на Джо и ты не поднял бы руку на Миа.

– Нет, – зажмурившись, говорит Патрик, – все проблемы из-за неприятностей на работе. Мой отец – он тоже... А, тебе не понять! – Муж открывает глаза и сверлит меня взглядом: – Джон украл этот дом. Когда моя семья оказалась в долговой яме, старший Эванс купил его и подарил сыну. Как будто это футбольный мяч! Господи, как я их ненавижу! Ненавижу их лживые улыбки-оскалы, внешнюю благообразность, которая скрывала их гнилое нутро.

– Разве теперь это важно?

– Этот гад украл наш дом, а я вернул его себе. Вот что важно. А Джо с Миа вышли из-под контроля задолго до переезда, и, если бы мы остались в Кардиффе, все могло пойти куда хуже. И еще Кэролайн. Она всегда вертелась рядом, а тебя часто не было дома. Здесь бы такое не произошло. – Патрик умолкает, переводит сбившееся дыхание. – И ты... Ты сама чуть не умерла от передозировки снотворного. И случилось это не здесь, не так ли? Этот дом сохранил тебе жизнь. – Смотрю на сжатые кулаки мужа, на бледное лицо. – Он никогда не принадлежал Джону Эвансу, – продолжает Патрик, – он похитил его и довел до ужасающего состояния. Я хотел только...

– Хотел что?

Муж из стороны в сторону мотает головой и, развернувшись, быстро спускается по лестнице.

– Что ты хотел? – кричу вдогонку.

Вместо ответа слышу стук входной двери.

Еще сверху, из спальни, я увидела, как Бен поднимается по дороге. Мне захотелось спрятаться, но он меня уже заметил. И с того самого места, где я впервые разглядела ночного наблюдателя. Осознав это, я вздрагиваю.

– Я хотел убедиться, что с вами все в порядке, – говорит Бен, когда я открываю дверь.

– Извините, что заставила вас ждать. Отвлеклась, всякие дела...

– Давно не слышал, чтобы вы работали в студии. – Я не думала, что галерист за мной следит. – Могу я войти?

Повисает неловкое молчание. Я разрываюсь, не знаю, что делать: впустить гостя или захлопнуть перед ним дверь? Мимо идет стайка

школьниц, они смотрят на нас. Одна что-то шепчет подругам, раздается смех. Представляю, как они все расскажут Миа, а та – Патрику. Сообщит, что я разговаривала на крыльце с мужчиной и он стоял так близко, так близко... Отступаю на шаг и пропускаю гостя в прихожую. Здесь тесно, и я чувствую исходящий от него запах кофе. Бен протягивает мне дымящийся бумажный стаканчик, чем так живо напоминает Кэролайн, что я еле сдерживаю слезы.

Стоя рядом с гостем в тесной прихожей, вспоминаю о странной картине, которую видела у него на мольберте. Не дают покоя слова Анны, что Патрик и этот художник были закадычными друзьями.

– Давайте поговорим в саду, – предлагаю я, – мне нужно там кое-что закончить.

Вчера, выбросив червяка, выползшего из бутылки с пилюлями, я принялась выпалывать сорняки и перекапывать землю. Я работала больше часа, пока не привела в порядок всю клумбу. Сегодня утром я стала копать дальше и добралась до стены, выходящей на задний двор. Патрик пока не заметил, что одна клумба уже готова к весенним посадкам. Когда увидит, то примет это за добрый знак: жена успокоилась и скоро в буквальном смысле пустит здесь корни. Но это не так. Мне просто нужно отогнать навязчивые мысли – вот и убиваю время, занимаясь механической, бездумной работой.

– Да, задача не из легких! – Бен подходит ближе. Полоска земли, которую я вскопала, выглядит намного аккуратнее остального участка. – Раньше здесь было очень красиво, – добавляет гость.

Я оборачиваюсь.

– А вы видели?

Он кивает.

– Да, ведь я бывал здесь, когда мы еще дружили с Патриком. Его родители любили возиться в саду.

Когда с ними познакомилась я, не было у них никакого сада. И жили они в тесном съемном домике с крохотной мощеной площадкой перед крыльцом. Я вообще не видела там ни одного растения.

Переворачивая очередную порцию земли, натыкаюсь на какой-то предмет. Поднимаю и очищаю пластиковую фигурку: белый имперский штурмовик. Смотрю на дом: интересно, откуда он выпал? Потом снова берусь за работу и откапываю еще несколько персонажей космической саги.

Их я тоже освобождаю от грязи. Героев «Звездных войн» узнать можно, хотя некоторые фигурки оплавлены так, будто побывали в огне. У Хана Соло вместо головы – безликий, бесформенный комок.

– Их я тоже помню, – говорит Бен.

Ну да, он же бывал здесь задолго до убийства, доходит до меня через мгновение.

– Это одно из наказаний, – кивает он на искореженную фигурку.

– Наказаний? – удивляюсь я.

– Что Патрик тогда натворил, не знаю, – вздыхает галерист, – но отец выбросил все его фигурки в камин, а Патрик их оттуда вытащил. Поэтому у него на руках остались шрамы.

Хлопаю глазами: а что он говорил мне? Пускали фейерверк, и ракета внезапно полетела не в ту сторону?

– Зачем? Зачем отцу жечь игрушки?

– Такой был человек, – помрачнев, отвечает Бен. – Подарит сыну то, о чем он мечтал, а потом отберет. Слава богу, у них никогда не было ни кошки, ни собаки. А то бы вы сейчас их тоже нашли.

Подступает тошнота, я отказываюсь верить. Отец Патрика был совсем не такой. Но разве я не убедилась, что последнее время муж часто говорит неправду? Разжимаю ладонь – фигурки падают, и я засыпаю их землей.

Смотрю на гостя. Не могу понять, что выражает его взгляд, устремленный на холмик земли, под которым я похоронила героев «Звездных войн».

– Другом, который жил у вас в «убежище», был Патрик?

– Однажды он долго не приходил в школу, – помолчав с минуту, кивает Бен, – а когда вернулся, то выглядел похудевшим, бледным, притихшим. Все решили, что Патрик болел. Но я... Перед физкультурой, в раздевалке, я увидел у него на теле синяки.

– Тогда вы и поселили его у себя?

– Нет. Тогда у меня, десятилетнего ребенка, еще не было своих ключей. Я спросил Патрика, что случилось, потому что знал: дома у них не все ладно. А он метнул на меня полный ненависти взгляд и с тех пор стал отдаляться от всех своих друзей.

Анна поведала мне совсем другую историю, говорила, что Бена, Джона Эванса и Патрика связывала крепкая дружба.

– И все-таки я не упустил его из виду, – продолжает галерист, – и когда Патрик вернулся, дал ему ключи от мастерской.

Вернулся? Откуда вернулся? Анна уверяла, что в юности Бен и Патрик были неразлейвода, а послушать Бена, так дружили они только в детстве. Кому можно верить? Бену? Или Анне?

– Теперь мастерская мне больше не убежище. Там все напоминает о Патрике.

– А вы уходили туда из-за него?

– Патрик спал с Кэролайн, – сама не знаю, как вырывается у меня это горькое признание.

Похоже, работа в саду не помогла отключить мозги.

– Кэролайн? – Бен удивленно поднимает брови. – Кто это?

– Моя подруга. Думала, что лучшая.

Бен наклоняется, срывает одуванчик.

– Впервые?

– Что впервые? – Не понимаю вопроса.

– Раньше он вас не обманывал?

– По-моему, нет.

Но у меня уже зародилось сомнение. И не одно. На душе кошки скребут.

– А вы уверены? Вы всегда точно знали, куда он уезжал? – Что Бен имеет в виду? У Патрика была другая женщина? – Патрик всегда...

– Что всегда?

– За ним вечно ходила толпа поклонниц, и он всегда встречался с несколькими девушками одновременно.

Представить не могу. Я видела его школьные фотографии – когда мы встретились, он был таким же красивым. Так что нет ничего удивительного, что он нравился девочкам. Но чтобы куча девиц? Патрик казался мне настоящим однолюбом. За годы нашей совместной жизни у него не было ни одной женщины, кроме меня.

– Патрик? Не может быть.

– Каждую неделю новая девушка. Ни одну не подпускал к себе слишком близко. Они – на пару с Джоном Эвансом – перепробовали полшколы.

Холодею.

– Патрик говорил, что ненавидел Эванса.

– Может, потом и ненавидел. После того, как он поселился в этом доме. Но пока Джон не встретил Мари, Патрик и Эванс охотились на девушек вместе.

– Охотились?

– Ну да. Может, потому я и предложил вам ключ от студии, что не забыл, как Патрик обращался со своими школьными подружками. Вы сейчас очень их напоминаете.

С Кэролайн мы совсем не похожи. А кроме нее я ни о ком не знаю, ничего сказать не могу.

– Когда Джон и Мари поселились в этом доме, – продолжает Бен, – а

Патрик поступил в университет и уехал из города, я думал, что больше никогда его не увижу. Однако Уокер стал здесь появляться – не часто, раз в два-три месяца. И опять как ни в чем не бывало проводил время в компании Джона Эванса.

А что мне говорил о нем Патрик? Ни о какой дружбе речи не было. Не рассказывал, что они встречались, сидели в пабах, ни словом не обмолвился об отношениях, что связывали его с Джоном дольше, чем мы знакомы с Кэролайн.

И что муж хотел сказать? «Я хотел только...» Что не договорил?

Вспоминаю день, когда стало известно о трагедии. Фотографию дома крупным планом на первых полосах напечатали все газеты. И не только местные. Никто еще не написал на стене краской из баллончика «Добро пожаловать в дом-убийцу». Помню, я тогда спросила: «Господи, Патрик, а это не ваш бывший дом?» Муж взял газету и долго рассматривал фотографию.

А что он тогда сказал? Какой у него был вид? Побледнел? А руки не дрожали? Не помню. Но Патрик был потрясен не меньше, чем я. Под изображением дома газеты поместили фотографию убитой семьи. По-моему, я спросила, знал ли их Патрик. Да, точно, спросила. Закрываю глаза и пытаюсь вернуться в тот день и вновь услышать ответ мужа. Представляю его – молодого, без проседи. И сама я еще с длинными волосами и не такая тощая.

– Ты знал их? – спросила я тогда.

– Нет, – бросил он, положил газету и вышел.

А я? Что сделала я? Думаю, я ее просто выбросила, не хотела видеть ни этот дом, ни лица несчастных.

А что было незадолго до убийства и в день, когда оно произошло? Все ли вечера Патрик проводил дома? Может, в тот вечер он был в пабе вместе с Джоном и оказался последним, кто видел его живым? Не знаю. Как я могу это помнить? Прошло целых пятнадцать лет, даже больше. Бен говорит, что Патрик встречался с Джоном Эвансом чуть ли не каждый месяц. Почему я за столько лет ни разу об этом не слышала?

Все это время я высматривала в окне преследователя, призрака, монстра. Боялась, что в город с окровавленным ножом явится Хупер. А что, если чудовище находится рядом, в этом доме?

– А вкус у Патрика изменился, – говорит Бен.

– Что вы имеете в виду?

– Ваша подруга – эта брюнетка с короткой стрижкой, что приходит в галерею, Анна... Разве она не была его девушкой? Единственной, с которой

он встречался дольше двух недель.

Смотрю на него с изумлением.

– Да нет же, они почти не знали друг друга.

– Не знали? – Бен вскидывает брови. – Тогда я ошибся. Наверное, Анна просто похожа на ту девушку.

* * *

Если б не было так ужасно смешно, ее можно было бы пожалеть. Боже мой, все нервничает, переживает... Я прячусь в тени, и твоя жена меня не замечает. Она думает только об убийствах. А тебя она не подозревает?оборотня, который однажды сбросил кожу, надел костюм убийцы, вырезал целую семью и как ни в чем не бывало вернулся домой? Ты смыл следы крови, а потом поцеловал жену в щеку? Разве не все «счастливые семьи» притворяются, что все у них хорошо?

И что вообще знает о тебе твоя блондинка? Прожила с тобой двадцать лет и волнуется из-за всяких пустяков, не замечая, как ты превращаешься в серийного убийцу. Так что у тебя действительно все хорошо. Маска прочно приросла к лицу.

Ну что ж, могу дать твоей жене более серьезный повод для беспокойства. Подбросить такое, отчего у нее на годы пропадет сон, денно и ночью будет грызть ее червь тревоги.

Эта женщина столько от меня узнала! Все эти письма, «посылки», оставленные на пороге, намеки на тайны, которые скрывает этот дом... Неужели не достаточно?

Толкаю стакан. Он скользит по стойке прямо к бармену: пусть нальет еще.

– Я так и думал, что это вы, – улыбается он.

Я тогда или я сейчас?

Глава 29

Сара

В десять часов утра раздается стук в дверь. Меня передергивает от ужаса. Отодвигаю занавеску, и накрывает новая волна страха: на пороге не убийца с окровавленным ножом в руках, не Ян Хупер – там Кэролайн. После нашего последнего разговора в больничном коридоре я не сомневалась, что она еще обязательно появится. Хотя все сообщения, которые оставляла бывшая подруга, безжалостно удаляла.

Открываю дверь. Без макияжа она выглядит бледной, бесцветной. Не помню, когда последний раз видела Кэролайн без туши и помады. Раньше я поддразнивала ее, говорила, что у нее не макияж, а татуаж.

– Нам не о чем с тобой говорить, – заявляю я с ходу, но Кэролайн вцепилась в дверь и не дает мне ее захлопнуть.

– Ты же не отвечала на звонки, поэтому мне пришлось приехать.

– По-моему, нам нечего больше сказать друг другу.

– Сара, послушай, ты считаешь, когда Патрик целовал меня, Миа оказалась рядом случайно? Думаешь, мы совсем сбрендили и забыли, что она дома? Он сделал это нарочно, чтобы нас поссорить, настроить против меня и Миа, и тебя.

– Оставь эти нелепые оправдания. Хватит.

– Не оставлю. Пока до тебя не дойдет и ты не задумаешься над тем, что происходит. Не знаю, какую еще туфту он тебе впаривает, но неужели ты действительно думаешь, что я стала бы его покрывать?

И все-таки, несмотря ни на что, это случилось.

– Ты знаешь, когда это произошло? – продолжает Кэролайн. – Когда тебя выписали из больницы, я увидела на доме объявление о продаже и зашла. Патрик не говорил тебе? Конечно же, нет. Он не пускал меня к тебе, а я настаивала, и вдруг он обнял меня и поцеловал. А потом улыбнулся. Он знал, что дома Миа, и прекрасно осознавал, что делает.

Не верю. Не может быть.

– Сара, я сейчас уйду, но это ты должна прочитать. – Кэролайн протягивает мне ксерокопии старых газетных страниц. – Патрик всю жизнь тебя обманывает. Даже если ты не веришь ни одному моему слову, все равно прочти.

– Истории про дом? Я читала...

– Не про дом, а про Патрика. Я говорила тебе, что Шону удалось кое-что выяснить. Он нашел вот это: «Мужчина и женщина обвиняются в домашнем насилии, в результате которого одиннадцатилетний мальчик попал в больницу. Ребенка нашли в обезвоженном, крайне истощенном состоянии и со следами побоев на теле. В настоящее время мальчик находится под опекой социальных служб».

– О ком это? – Листок дрожит в моей руке.

– О Патрике. Одиннадцатилетний мальчик – это Патрик. Пять лет он провел вне семьи. Он тебе об этом рассказывал? Домой он вернулся только в шестнадцать. Тогда же вышел из тюрьмы и его отец. Отбывал срок за жестокое обращение с сыном.

– Не может быть!

– Но так было. Я видела эти документы. Шон показал. За это его могли уволить, но я сама хотела во всем убедиться. Сара, ты должна знать: Патрик постоянно лжет. Но почему?

Подступает тошнота.

– Мне никогда не нравилось, как он к тебе относился, – продолжает Кэролайн, – отрезал от друзей, никого близко не подпускал. С самого начала хотел, чтобы ты принадлежала только ему.

– Прошу тебя, не надо. Хватит.

– Он всегда вел себя идеально, – вздыхает Кэролайн, – но я понимала... Он все время себя контролировал. Брр! Мне это не нравилось.

Значит, рассказы Патрика о детстве – сплошная ложь.

– В досье описано, как родители с ним обращались, я читала. Когда он вернулся, то прожил с ними еще три года. Ты представляешь, как это на него подействовало? Об этом ты подумала?

Глава 30

Сара

Поднимаюсь по лестнице, ноги не слушаются. Патрика в постели нет, подушка смята, но уже холодная. В темноте, в тишине воображение рисует мне картину: гроза, входит Хупер; там, внизу, они с мужем выпивают, и со словами: «Слишком долго я хранил его ради тебя. Забирай!» – гость толкает Патрику через стол окровавленный нож.

Выбегаю на лестницу и замираю на площадке: из комнаты Миа выходит муж и, не заметив меня, идет в ванную.

Что он делал в комнате дочери? Опять в голове безмолвным шепотом оживают нацарапанные детской рукой слова: «Я плохой. Я очень плохой». Кто написал их на стене? Один из маленьких Эвансов? Пытаюсь избавиться от наваждения.

Возвращаюсь в коридор, заглядываю к Миа.

– Заинька, ты спишь?

Она лежит лицом к стене. Свернулась калачиком, почти с головой накрылась одеялом. Кажется, спит. Значит, все в порядке. Когда дети были маленькими, Патрик всегда заходил проверить, как они спят. Наверное, сейчас он тоже заглянул посмотреть на спящую дочь, или она уснула при свете, а муж его выключил...

В этом доме в голову все время лезут мрачные мысли. Чаще всего они возникают, когда прохожу через холодные точки: мерещатся привидения, подземелья, где навеки замурованы страшные тайны и коварные обманы. И вдруг я замечаю руку дочери – она судорожно сжимает край одеяла. Миа не спит.

Вхожу. Что за странный запах?

– Миа... Ты что, выпила?

Дочь оборачивается, и я – глаза уже привыкли к темноте – вижу ее искаженное злостью лицо. Или это что-то другое... Страх?

«Я плохой. Я очень плохой», – стучит в мозг.

– Выпила? – в тон мне шепчет Миа. – Я? Выпила?

Бросаю взгляд в коридор. Патрик все еще в ванной. Захлопываю дверь и сажусь на край кровати.

– Я чувствую запах. Это не отец. Я ушла к себе всего час назад. Если

бы он в пол-одиннадцатого начал выпивать в одиночку, это было бы...

«Я очень плохой»...

– Мам, ты просто слепая! Ты вообще ничего не знаешь.

– Что он здесь делал?

Мы разговариваем шепотом, но при этих словах Миа вздрагивает, как от резкого звука.

– Все из-за дома. – Она отводит глаза, смотрит в потолок. – Пока мы не переехали в этот гребаный дом, все было в порядке.

А на самом деле? Я жила как в тумане. Здесь он как будто рассеялся. Это хорошо. Но что он скрывал, что прятал? Миа права, но только отчасти. Зло, что выплыло наружу, существовало и раньше. И корень зла не в доме. Просто порвалась наконец пелена опутывающей нас лжи.

Поднимаюсь, чтобы уйти.

– Он назвал меня Сарой.

– Что?

– Ты спросила, зачем он приходил. Да, он пьяный. Не держался на ногах, называл меня Сарой. А ты говоришь, что дом на него не влияет.

– Наверно, ошибся дверью, – выдавливаю из себя, но мое объяснение звучит фальшиво.

По испуганному лицу дочери вижу: она мне не верит.

«Я очень плохой»...

– Он не... – начинаю я и не знаю, что сказать.

– О господи, мама, ну конечно, нет. – Миа смотрит на меня с презрением. – Он был пьян и, конечно, просто ошибся дверью.

Я не в силах выговорить то, что хотела спросить. Миа права. Этот дом – он источает зло, и оно проникает мне в мозг, отравляет его, разъедает изнутри. Меня преследуют мысли об убитых, о Джоне Эвансе, о соглядатае, крадущемся в комнату дочери; о подвале и родителях Патрика, о Кэролайн...

– Миа, я позвоню Кэролайн, спрошу, можешь ли ты у нее пожить.

– После всего, что она сделала?

– Это не то, что ты подумала, – говорю я, с трудом проглотив подступивший к горлу комок, – она тебя любит. Проведешь там каникулы и будешь в...

В безопасности. Даже не нужно произносить этого вслух. Испытываю облегчение. Вижу, что Миа чувствует то же самое. Понимаю, что приняла верное решение. У меня будет неделя, и за эту неделю я должна... Накатывает паника, страх перед неизвестностью. Я, которая видела, как в одиночестве истаяла мать; я почти двадцать лет цепляюсь за Патрика и –

только бы не отняли Джо! – притворяюсь, что все идет хорошо. Мне кажется, сейчас Миа гораздо старше, чем я.

В коридоре сталкиваюсь с Патриком. Он выходит из ванной, смотрит на меня, переводит взгляд на дверь дочери.

– Что ты здесь делаешь?

– Услышала какой-то шум.

Муж бледный, усталый, подавленный. Глаза красные, будто он плакал.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю.

Он выпрямляется, и я опять вижу прежнего невозмутимого Патрика.

– Я устал, – бормочет он, уходя в спальню.

Остаюсь за дверью. Одна часть моего существа уже готова к побегу.

* * *

Этот дом всегда был ужасным, даже до того, как стал домом-убийцей. И ты всегда это знал.

Однажды, когда родителей не было дома, ты привел меня сюда. Мы шли в темноте, и когда глаза к ней наконец привыкли, оказалось, что в углах плесень, оконные рамы сгнили, а стены в трещинах, откуда тянуло холодом. Твои родители лишились дома задолго до того, как его отобрал банк. Здесь пахло гнилью. Здесь пахло смертью. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что он превратится в дом-убийцу, сомнений бы не возникло. Чтобы поверить в это, нужно было только один раз пройти по этому страшному дому.

Несколько месяцев, до самого банкротства родителей, ты вел себя как обычно, все время улыбался. Но в тот день улыбка исчезла с твоего лица.

«Хочешь посмотреть подвал?» – спросил ты и, несмотря на мой отказ, все равно привел меня в подzemелье.

Глава 31

Сара

Теперь в витрине галереи моя работа. Нет, это не дом-убийца. Его выставлять не могу. За стеклом пейзаж: переливающийся всеми цветами радуги секретный берег Анны. У самой кромки воды стоит человек и вглядывается в даль. Наверное, это я, смотрю на беспокойное море: хром-кобальт, сине-зеленый цвет тоски, цвет отчаяния, страстного желания покинуть этот берег навсегда, уплыть куда глаза глядят или утонуть.

Вернисаж назначен на ближайшие выходные. Свои работы из студии я перенесла тайно: Бена в галерее не было. Я вообще последний раз видела его, когда он приходил к нам домой.

Выставка открывает передо мной новые возможности. В холодильнике припасено шесть бутылок просекко, приготовлены взятые напрокат бокалы; по всему городу расклеены афиши. Как советовала Анна, я все хранила в секрете. И что же теперь? Теперь мне очень страшно.

Выйдя из галереи, беру телефон и набираю номер Кэролайн.

– Это Сара. Мне нужна твоя помощь.

* * *

Дверь открываю очень тихо, однако Патрик все слышит. Выходит из кухни, вешает на плечики мою куртку и сверлит меня взглядом. Когда я возвращалась, начался дождь, поэтому в холле, там, где стою, по полу растекается лужа. Мне надо как можно скорее принять душ и переодеться, но дорогу преграждает Патрик.

– Где ты была?

– Прости, что не пришла до твоего возвращения. Я гуляла.

Мне кажется, что проспект выставки сейчас прожжет в кармане дыру.

– В такой дождь?

– Когда выходила, дождя не было.

Муж отворачивается, но то, как он сжимает ручку кухонной двери, как напряглись его плечи, – верный признак закипающей ярости.

Интересно, скажи я правду, что бы он сделал?

– Ужин готов. Переодевайся и приходи.

Пока поднимаюсь по лестнице, из своей комнаты выглядывает Миа. Она с удивлением смотрит на мои мокрые волосы и спрашивает:

– Где ты была?

Совсем как отец, только за ее словами не прячется с трудом сдерживаемый гнев. В них слышится затаенный страх.

Сжимаю проспект. Так хочется вынуть его из кармана, все ей рассказать, но внизу Патрик, он может услышать и...

– Мам...

– Что, девочка?

– Отец... Я видела его на берегу. – Миа медлит, смотрит в пол, потом снова поднимает глаза. – Днем. Он был в костюме. Стоял под дождем у самой воды. Волны заливали его ботинки, доходили до колен и... Люди смеялись над ним, как над дурачком.

– Миа...

– Нет, мам, серьезно. Льет дождь, а папа в костюме стоит в воде. Как сумасшедший.

– Я купила тебе билет на поезд, – говорю, заглушая стук собственного сердца. – Собери вещи. Поедешь завтра. Кэролайн знает, она тебя ждет. До каникул еще несколько дней, но это ничего. Я все улажу.

– Папа знает?

Страх, исказивший лицо дочери, заставляет мое сердце биться так быстро, что, кажется, оно вот-вот разорвется.

Качаю головой. Губы девочки дрогнули в беззвучной просьбе сохранить ее отъезд в тайне. Пока не сядет в поезд. Пока не окажется в безопасности.

* * *

Трясущимися руками включаю душ. Каждое утро Патрик встает, надевает костюм, берет портфель и уезжает неизвестно куда. На какой срок его отстранили от работы, он не сказал. Я подумала... Да ничего я не думала. Моя голова была забита совершенно другим. Днем Миа видела Патрика на берегу. Может, он не был на работе вообще? А если так, куда он уезжает?

Вдруг из душа полилась ледяная вода. Выключаю кран. Меня снова бьет дрожь.

Переодеваюсь в сухое, заматываю голову полотенцем, иду на кухню. У

плиты Патрик – помешивает что-то в кастрюле.

– Миа сказала, что видела тебя сегодня на пляже, – говорю я. Молчание. Муж берет прихватки, склоняется над плитой. – Куда ты каждый день ходишь? На работу?

– Держи!

Резко обернувшись, он протягивает мне сотейник и делает это так стремительно, что не успеваю подумать и голыми руками берусь за раскаленный металл. Вскрикнув, роняю кастрюлю – и мясо вместе с горячим жиром вываливается на пол. Патрик хватает меня за руки, тащит к раковине. Струя холодной воды обжигает красные, уже покрывшиеся волдырями ладони, и я не могу сдержать нахлынувших слез.

– О господи! Сара, прости, я не подумал... Я не хотел, это случайно.

Но я видела: протягивая мне горячую кастрюлю, он весь кипел от ярости. А этот взгляд...

* * *

– Мама, ты не спишь? – В дверях появляется Джо.

Я не сплю, а сижу на кровати и пытаюсь решить, что делать дальше. Встаю и впускаю сына.

– Что случилось? – спрашивает он, с удивлением разглядывая мои перебинтованные руки.

Убираю их за спину. Можно подумать, если их спрятать, Джо тут же забудет, что видел.

– По дурусти взялась за горячую форму без прихваток. Просто не подумала.

По его внимательному взгляду вижу, что сын мне не верит.

– Завтра у меня собеседование. Можешь посмотреть портфолио?

– Конечно!

Разглаживаю одеяло, чтобы поместился альбом формата А1. На первом листе – портрет Миа, похож на тот, что я вставила в рамку, только больше. Смотрю на Джо, но у него отросли волосы, и глаза скрывает упавшая на лицо прядь.

– Я волнуюсь за Миа, – говорю, ведя пальцем по карандашному контуру лица.

– Знаю.

Джо переворачивает страницу, и Патрик – помещенная в центр бурного водоворота темная, со смазанными чертами лица фигура – смотрит

на нас обоих. Отдергиваю руку и отстраняюсь, как будто вихрь вместе с мрачной фигурой может ожить, вырваться из картины.

– На каникулах Миа побудет у Кэролайн. Может, ты тоже поедешь? Джо качает головой.

– Я... Я могу пожить у Саймона. А ты? Ты тоже к ней собираешься?

– Не знаю. – При мысли о Кэролайн и Патрике у меня сжимается сердце.

– Почему ты не уходишь? – Сын тяжело вздыхает, а я заливаюсь краской.

Опять смотрю на картину. Где тот мужчина, в которого я когда-то влюбилась без памяти, который танцевал со мной и улыбался так лучезарно, так искренне, что я поверила в его любовь? Как бы я хотела, чтобы Джо увидел того Патрика, Патрика из нашего прошлого.

– Иногда... Он так с тобой обращается, – замявшись, продолжает Джо, – что иногда я думаю: может, тебе это нравится?

Меня охватывает стыд.

– Да, я сама виновата, – отвечаю, рассматривая один из набросков, которые Джо делал с меня. – Я никогда не жила самостоятельно и боялась остаться одна.

Переворачиваю страницу и замираю: на ней изображен наш дом – дом-убийца. Не уютный викторианский особняк с окнами на море, а одиноко стоящий на высокой скале, открытый ветрам и бурям, но все-таки вполне узнаваемый готический замок с привидениями. Мне снится, что в таком доме за мной кто-то гонится, а я убегаю. От этих снов я в ужасе просыпаюсь. И этот кто-то... Понимаю, что на картине Джо изобразил и меня. К оконному стеклу на втором этаже, словно сойдя с полотна Мунка, прильнула полная ужаса женская фигура, а за ее спиной толпятся призрачные тени. Не могу сдержать слез, они капают на лист, и я не успеваю их смахивать. Эта картина – темный двойник моего старого пейзажа, только в работе Джо все углы и линии искажены, все дышит тревогой. Это дом, полный монстров из моих ночных кошмаров.

– Таким я вижу его во сне, – говорит Джо. Я киваю. – Если поступлю в колледж, то обязательно отсюда уеду. Буду работать. И Саймон сказал, что мы найдем квартиру. Будем снимать ее не как пара, а просто как соседи.

Сын перелистывает несколько страниц и показывает мне карандашный портрет улыбающегося юноши в толстой куртке: подавшись вперед, он сидит на стуле.

– Саймон?

Сын кивает.

Я представляла его друга совсем иначе. Я ожидала увидеть второго Джо – высокого, красивого и в то же время затравленного. Но Саймон кажется открытым и счастливым, он чисто выбрит, глаза ясные...

– Он поцеловал меня, – произносит Джо, и в сердце опять заползает страх.

Хочется схватить этого нарисованного юношу за грудки, взять с него слово, что он никогда не причинит моему сыну зла. Несмотря на сеансы психотерапевта, на подготовку к поступлению в колледж, Джо такой уязвимый, его очень легко обидеть. И он собирается переехать в другой город.

– Я знал, что ты будешь волноваться. – Сын потирает запястье. – Ты боишься, что стану снова резать руки? Только делал я это не из-за Саймона. Даже если со мной случится что-то плохое, он точно не будет в этом виноват.

Конечно. Виноват будет Патрик. И этот дом. Джо давно пытался это объяснить, а я не слушала.

– У меня для тебя кое-что есть, – говорю и, открыв шкаф, достаю коробку со своими сокровищами. На самом дне, под открытками, лежит матерчатый рулон с набором кисточек. – Мне подарил их отец, когда приезжал последний раз. Потом приезжать перестал, и я никогда больше... Я очень злилась, что он ушел, и никогда ими не рисовала. А потом подарок отца стал мне так дорог, что писать ими я не могла. Теперь они твои.

Я получила их в детстве, когда рисовала еще гуашью, и дорогие колонковые кисточки были для нее слишком хороши. Джо разворачивает бархат.

– Это настоящее сокровище, – продолжаю я. – Волшебные кисти. Я отдаю их тебе.

Сын протягивает мне руку. Почему мне кажется, что мы расстаемся? Беру ее и сжимаю что есть силы.

– Джо, ты очень талантливый. У тебя все получится.

– У тебя тоже. – Джо убирает портфолио. – Мам, ты только не бросай, не отступайся.

– Я готовлюсь к выставке. – Внезапно вырвавшиеся слова звенят в воздухе. Я долго все хранила в секрете, и поэтому самой стало казаться, что занимаюсь чем-то ненужным, неправильным.

– Отец в курсе? – спрашивает Джо, и я, бросив взгляд на приоткрытую дверь, чувствую приступ страха. Все, что мы с Джо скрываем от Патрика... Вдруг он стоит в коридоре и слушает? – Не говори ему ничего, – шепчет сын.

У тебя в подвале была секретная коробка. Ты всегда держал ее в самом темном углу.

– Я храню ее на всякий случай, – сказал ты тогда.

– Какой случай?

– Если за плохое поведение меня запрут в подвале.

Потом ты открыл коробку и показал свою записку. Как сейчас помню весь этот бесполезный хлам и думаю: почему там не было фонаря? Почему ты не припас воду или еду? Эта практичная чушь лезет в голову взрослому, а ребенок, каким ты был тогда, не боялся ни голода, ни жажды, и пугала тебя не темнота подземелья, а то, что она скрывала.

Сначала ты достал ракушку – большую раковину, непонятно как занесенную в твой подвал с далекого тропического побережья. Говорил, что она волшебная. Еще там лежал ключ, но от какой двери, ты не сказал. Но, самое главное, там был шнурок с крестиком – отгонять злых духов.

Глава 32

Сара

Патрик разматывает бинты, кладет их на стол, берет судокрем^[10] и осторожно смазывает мои обожженные ладони. Смотрю на них с опаской: краснота, несколько небольших волдырей, но все же не так страшно, как показалось сначала. Когда все это случилось, я решила, что прожгла руки до костей.

– Прости, – прикладывая к пораженным участкам ватные диски и снимая обертку с нового бинта, опять извиняется Патрик.

На его запястьях, ниже подвернутых рукавов, вижу едва заметные шрамы от старых ожогов. По спине бегут мурашки.

– Конечно, я понимаю. Ты ж не нарочно, – успокаиваю мужа. Он отрезает полоску пластыря и закрепляет бинт. Поднимаю глаза. Пытаюсь высвободить свои дрожащие руки. – Ты же не мог...

Патрик качает головой.

– Не мог, но... Пока шел в аптеку за бинтами, твердил себе: это случайность, а на обратном пути вдруг подумал... Знаешь, я разозлился, что ты меня обманываешь и тебя никогда нет дома. Нет, я не собирался обжигать тебе руки, и все-таки...

Настает моя очередь качать головой. Муж выглядит исхудавшим, постаревшим, загнанным. Чувствую, что я отравлена тем же страхом, который изнутри, подобно раковой опухоли, гложет Патрика.

– А что, если это не случайность, – шепчет он, обдавая меня несвежим дыханием. – В кого я тогда превращаюсь? Что со мной происходит?

* * *

По дорожке, ведущей к дому, идет Анна. Зажав перебинтованными руками уши, пригибаюсь к столу и жду, когда она уйдет. Никого видеть не хочу.

Вдруг слышу: в эркерное окно кто-то стучит.

– Катись отсюда, – бормочу себе под нос и через холл иду в гостиную. За мутным стеклом маячит женский силуэт. Анна знает, что я дома.

Торчу здесь безвылазно, черт меня возьми!

Внезапно тень пропадает из поля зрения. Облегченно вздыхаю. Господи, прячусь от друзей, прячусь от Патрика. Когда это кончится? Снимаю и сворачиваю бинты. Кожа на ладонях ярко-розовая, они еще горят, но боль притупилась.

А Патрик, как обычно, надел костюм и уехал. Хотела спросить куда и не смогла. На столе муж оставил несколько фунтов – монетами. Собрав их все до одной, поднимаюсь наверх.

Выдвигаю верхний ящик комода и шарю в глубине в поисках конверта, куда я обычно, если нахожу, складываю мелочь. Вместо него рука нащупывает среди белья другой лист бумаги: это фотография. Сажусь на край кровати и разглядываю находку.

Сразу же узнаю Патрика: ему на снимке лет семнадцать-восемнадцать – не больше. Когда мы встретились, он был почти такой же. Юноша запечатлен на фоне дома, который, хоть в то время еще не стал домом-убийцей, все равно выглядит мрачным. Темные окна похожи на пустые глазницы, красная дверь – на окровавленный рот, и кажется, что за этими плотно сжатыми губами прячутся острые зубы, готовые в любую минуту вонзиться в улыбчивого подростка.

Мое сердце начинает колотиться, но не из-за дома и не из-за Патрика. Рядом с ним, улыбаясь во весь рот, стоит молодой Джон Эванс, а несколько поодаль, в стороне от компании подростков, – тощий хмурый Бен. В девушке с иссиня-черными волосами, склонившей голову Патрику на плечо, узнаю Анну.

Анна.

Зажав снимок в кулаке, подбегаю к окну. Она все еще здесь – на скамейке через дорогу. Сидит спиной к дому, обхватив голову руками.

Услышав стук входной двери, Анна встает со скамьи, но я отворачиваюсь и трясущимися руками запираю дом. Не поднимая глаз, быстро перехожу дорогу. Анна будто только что проснулась: растрепанная, без макияжа. От нее несет перегаром и табачным дымом.

– Кто подбросил это мне в спальню? Ты? – протягиваю фотографию. Анна нехотя берет ее в руки. – Здесь ты, и Патрик, и Бен, и злосчастный Джон Эванс.

– Ты нашла это в своей комнате? – удивленно спрашивает Анна.

– Хватит притворяться! Украла у меня деньги, а вместо них подложила...

– Постой, как я могла попасть в твою комнату? И откуда мне знать, где ты хранишь записку? И потом... Дура я, что ли? Зачем мне оставлять

«визитную карточку» – эту идиотскую фотографию с собственной физиономией?

– Я... – Я не знаю, что ответить. Если не Анна, то кто?

– Может быть, Патрик? – Она сверлит меня взглядом. – Или кто-то из ваших детей. А может, Бен. Я видела вас вдвоем. Он запер галерею и повел тебя в мастерскую. Ты говорила о нем Патрику? – со смешком спрашивает Анна, а меня охватывает ужас. – Бен рассказывал тебе, что дружил с Патриком? Рассказывал, что у них всегда были общие девицы?

Нет. Нет! Я все еще разглядываю фотографию, а червь сомнения уже закрался в душу. Поднимаю глаза на Анну.

– Ты с Патриком спала?

– Что?

– Нет, не сейчас, а раньше, до того, как вы все разъехались.

Она смотрит на меня долгим взглядом, потом, понутив голову, вся сжимается, сникает.

– Теперь неважно. Он меня даже не помнит. Какое значение это имеет сейчас?

– Ты говорила, что его почти не знала. Ты мне лгала. Зачем?

Вместо ответа Анна берет мои обожженные кисти, поворачивает их ладонями вверх и спрашивает:

– Это Патрик? Его работа?

– Обожглась. Случайно. – Отдергиваю руки. – Ничего серьезного. Уже все хорошо.

– Разве с каждым днем ситуация не обостряется? – Подступает дурнота. Опускаюсь на скамью, молча смотрю на море. Анна садится рядом. – Однажды он уже ломал тебе руку. А если такое – или еще хуже – случится с детьми? Ты не боишься?

Лучше бы я ничего ей не рассказывала. А напоминать о переломе мне не нужно, ведь там, куда вставили пластинку, остался шрам на полруки. Если я задумаюсь, чего никогда не делала и не делаю, то снова увижу застывшего на верхней площадке Патрика, его искаженное ужасом лицо – белое, как проткнувшая кожу моя сломанная кость.

– Патрик не виноват. В пылу спора я поскользнулась и упала. Вот и все. С тех пор ничего похожего больше не случилось, – бормочу еле слышно.

Когда я сломала руку, он так плакал. Совсем как Кэролайн. После операции я еще не до конца отошла от наркоза. Выбрав момент, когда Патрик вышел из палаты, Кэролайн проскользнула в дверь, увидела меня и, зарывшись лицом в жесткую больничную простыню, зарыдала. Я всем

говорила, что упала с лестницы, но Кэролайн все поняла. Она плакала, приговаривала, что ей меня очень жалко. Мысленно возвращаясь в прошлое, начинаю подозревать, что этими дурацкими причитаниями подруга не просто выражала сочувствие, а пыталась загладить свою вину.

Анна смотрит на мои едва затянувшиеся ожоги.

– Все эти случайности...

– Не уходи от ответа, – перебиваю я.

– Какого еще ответа? Сара, я пытаюсь тебе помочь, открыть глаза, объяснить, что отсюда надо бежать, а ты – из-за дерьмового подросткового секса столетней давности! – хочешь со мной рассориться?

Она встает и, стиснув кулаки, смотрит мне в глаза. Опять возникает чувство, что я знала Анну раньше, с незапамятных времен. Задолго до нашей встречи в этом городе.

– А если и спала, что с того? – в словах Анны слышится вызов. – С Патриком, с Беном, с Джоном Эвансом или с половиной города... Ты не знала ни их, ни меня. Если я скажу, что мы трахались в этом доме, на пляже, на ярмарочной площади, в туалетах местного паба, тебе станет легче? Это то, что ты хочешь услышать?

Смотрю на фотографию, на Патрика, на прильнувшую к нему Анну.

– Дело не в сексе. Дело во лжи.

– Ладно, вру здесь не только я. Лучше спроси его. Спроси, помнит ли он...

– Помнит что?

Но побледневшая Анна, схватившись за живот – как при сильной боли, – мотает головой.

– Ничего. Забудь.

– Мне кажется, будет лучше, если ты на время перестанешь заходить ко мне на чай. Знаю, ты хочешь помочь, но это моя жизнь, а ты многого не знаешь.

Поднимаюсь и, оставив Анну одну, иду, только не к дому, а в противоположную сторону.

– Ты думаешь, что сможешь вот так сбежать и, несмотря ни на что, строить свое проклятое счастливое будущее? – Попутный ветер подхватывает, доносит до меня ее крик. – Видела я в галерее твои картины. А что, по-твоему, на это скажет Патрик?

Стиснув зубы, шагаю без остановки. Забыть, забыть о ней. Наша дружба – очередная ошибка, каких я совершила в жизни тысячи. Анна – просто еще одна ненормальная, одна из тех, что вечно крутятся возле дома-убийцы, мечтая попасть в местный дом призраков на экскурсию. Иду все

быстрее, почти бегу. Вспоминаю, что ей наговорила, и лицо заливают краской. Ведь я практически исповедовалась. Нет, Патрику Анна ничего рассказывать не станет, она просто хотела меня позлить.

Останавливаюсь я только на ярмарочной площади. Чтобы перевести дыхание, прислоняюсь к стене. Увидев автобусную остановку, с трудом подавляю желание вскочить в первый же автобус и укатить как можно дальше. Но сейчас не время. Скоро придет из школы Миа, она соберет сумку и будет ждать меня. Я отвезу девочку на вокзал. Потом – кто знает, где муж проводит дни? – явится Патрик. Выхода нет. Надо возвращаться домой.

* * *

Остановившись у двери, вижу в воздухе легкое перышко. Оно кружится над головой и застревает у меня в волосах. Смотрю под ноги. Сначала мне кажется, что на крыльце лежит мертвая птица, но это обклеенная белыми и серыми перьями коробка, а в ней раковина – копия той, что я носила в кармане куртки, а потом положила в застекленный отсек шкафа. Однажды Патрик заметил раковину, швырнул на пол и так придавил каблуком, что она разлетелась на мелкие осколки.

Когда я прикладывала ее к уху, изнутри доносился не шум моря, а странный шепот. Правда, слов, как ни старалась, я разобрать не могла. Патрик разбил раковину, но это неясное бормотание, которое будто смешалось с воздухом, слышу не только я, но и дети. Джо день ото дня становится все более дерганым, Миа просыпается по ночам и плачет от страха.

Патрик, конечно, никогда не признается, но, видимо, ему не дают покоя те же звуки. По вечерам муж выбегает на улицу и проверяет, нет ли за домом слезки. Убедившись, что за нами наблюдают, Патрик вызвал замерщика и заказал новые шторы – тяжелые, непроницаемые. Через них в помещения первого этажа и в нашу спальню не просачивается ни один луч света.

– Никто не сможет теперь за нами шпионить, – заявил Патрик, плотно задергивая темные шторы в гостиной.

А меня охватил страх, пересохло в горле, показалось, что сдвигаются стены. Клаустрофобией я никогда не страдала, но даже стальные засовы на окне пугают меня меньше, чем этот бархат, что отрезал нас от внешнего мира, превратил в узников дома-убийцы.

Наклоняюсь, беру коробку, но Патрик – он уже тут как тут – ее выхватывает. Не успеваю даже вынуть раковину.

– Откуда ты это принесла?

– Ниоткуда. Нашла на ступеньках.

Выбежав на дорогу, он оглядывается по сторонам и швыряет находку на прибрежные камни. Разлетевшиеся перья взвиваются и вихрем кружат у Патрика над головой.

– Оставь нас в покое! – раздается его крик на пустой улице.

Муж собой не владеет. Совсем. Чувствую, как начинает колотиться сердце. «Разве с каждым днем ситуация не обострится?» – эхом звучит в мозгу голос Анны.

Оттолкнув меня к дверному косяку, Патрик пронесится в дом, хватая ключи, прыгает в машину и, вырулив на дорогу, на полной скорости скрывается за поворотом.

Даже не вспомнив, что надо задернуть шторы, непослушной рукой запираю дверь и выхожу на прибрежную тропу. Спешу как можно скорее уйти от проклятого дома. Сгущается туман. Ничего нового, просто все вокруг исчезает в белом молоке. Начинаю привыкать к здешним туманам. Я на тропе одна, а в трех шагах – скалистый обрыв. Сыро. Зябко. Вдруг за спиной раздается звук шагов. Кто это, Анна или Патрик?

Притормаживаю. Идущий следом тоже замедляет шаг. Все в точности как на рисунке Джо: стою на утесе и не могу решить – бежать или сопротивляться. Хватаюсь за голову, зажимаю руками уши. Что угодно – алкоголь, таблетки, спрятаться за спину мужа, не знать правды, укрыться от...

Проходит секунда, и я оборачиваюсь.

– Сара! – Из тумана выплывает мужская фигура.

Немедленно убежать, закричать... Бежать и кричать... «Ничего страшного, – уговариваю себя, – хоть все и скрыто туманом, но я всего в пяти минутах от дома».

Человек подходит ближе. Это Бен. Не знаю, пугаться или радоваться. Он кажется совсем чужим, не похожим на того художника, что предложил мне убежище в своей галерее.

– Подождите, – говорит он и берет меня за локоть. – Не бойтесь. Я не...

Нормальным людям в голову не придет гулять при такой погоде. Мы здесь одни. Я вся дрожу, не могу вдохнуть, сердце выпрыгивает из груди. Начинаю верить, что от страха действительно можно умереть.

– Пустите, – шепчу еле слышно.

Бен вскидывает вверх руки и отступает.

– Извините.

Я тоже делаю шаг назад.

– Что вам надо?

В голове возникают слова Патрика. Увидев толпу любопытных перед домом, он прошептал: «Ждут, что здесь опять что-нибудь случится».

– Заметил вас на тропе и вышел, потому что... Я получил письмо, – говорит Бен.

– Ну и что?

– Оно адресовано вам, но доставили его в мастерскую.

На конверте напечатано мое имя, но нет ни штампов, ни марок. Значит, кто-то принес. Трясущимися руками вскрываю письмо.

В нем всего четыре предложения:

«Это не я. Присмотритесь к стенам. Об убийствах расспросите мужа. Он знает все».

– Почему письмо принесли в галерею? Может, вы его и написали?

– Сара, я только пытаюсь вам помочь.

Не верю. Он говорил, что с Патриком не дружил, но я видела тот чертов снимок. И Анна рассказывала совсем другую историю.

– Вы все время лжете. Говорили, что перестали дружить с Патриком еще в детстве.

– И я вас не обманывал. Его забрали в приют, он перешел в другую школу, жил в другом городе. Я не видел Патрика несколько лет. Потом, когда он вернулся, мы опять начали тусоваться. – Бен отводит глаза. – Вы не знаете... Вы не знаете, что произошло потом. И я не хочу, чтобы вы об этом узнали.

– Оставьте меня в покое.

Пытаясь избавиться от наваждения, трясую головой, разворачиваюсь, чтобы уйти, но все-таки не двигаюсь с места. Идти вперед по тропе, удаляясь от города, от людей, опасно. А чтобы вернуться домой, придется пройти мимо Бена.

Оборачиваюсь – а он уже исчез, скрылся в тумане. Становится еще страшнее.

* * *

На ступеньках, обхватив голову руками, сидит Анна.

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу извиниться. Я... Я слишком разошлась, наговорила... Прости.
Анна встает.

Она пьяная? Часы показывают два. Подхожу ближе, смотрю ей в глаза и понимаю, что развезло ее не только от спиртного.

– Хотела убедиться, что ты в порядке. Я видела, как уехал Патрик... Он был не в себе. – Анна наклоняется и опять показывает мне исполосованные шрамами запястья. – Ты спрашивала, спала ли я с ним. Да, спала, ходила по барам, – глядя на свои руки, продолжает Анна. – Каждый раз он клялся, что никогда, больше никогда... уверял, что просто был «не в себе», что нечаянно, не хотел и такое больше не повторится.

Патрик? Не может быть!

Отступаю к двери и трясущимися руками поворачиваю в замке ключ. Анна идет за мной.

– Мы всегда приносили друг другу только несчастья, – продолжает она. – Когда он вернулся из приюта, стало еще хуже. Я уговаривала его уйти, сбежать, пыталась пристрастить его к выпивке. Но ему удалось выкарабкаться, и он ушел к тебе, а мне осталось только вскрывать вены.

– Я тебе не верю!

– Не хочешь верить. Знаешь, ведь я даже какое-то время жила в этом доме.

– Что?

– Родители меня выгнали, и я жила здесь. Бен тоже все время тут ошивался, не сводил с нас своих мерзких глаз – подглядывал, подслушивал. Этот дом... Он раздавил, уничтожил и меня, и Патрика. Здесь меня постоянно преследовали кошмары. А тебе разве не снятся страшные сны?

Да, иногда я просыпаюсь по ночам от сердцебиения и хочу закричать, а голоса нет. В шуме моря мне мерещится шепот, шорохи и скрипы старого дома, и я не могу понять, слышу я их во сне или наяву.

– Я видела, с каким лицом Патрик выскочил из дома. Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, вернется, и все будет хорошо? – спрашивает Анна.

– Теперь это не имеет значения, – говорю я громко, обращаясь не только к ней, но и к себе самой, и к дому-убийце. – Я уезжаю. Забираю дочь и уезжаю.

– А Джо?

– Джо поступает в колледж и будет жить с... другом. Они вместе снимут жилье.

– Джо? – Анна морщит лоб. – Ты шутишь? Он же еще маленький.

– Знаю, но ему скоро восемнадцать, и он в любом случае собирается поступать в колледж.

– Как? Ты говорила, что ему пятнадцать.

– Это Миа пятнадцать, не Джо.

Анна подходит к фотографии детей на стене и вглядывается в их веселые лица.

– Они же близнецы.

– Нет, между ними почти два года разницы.

Рука Анны замирает на снимке.

– Два года? – Она стоит ко мне спиной, но я почему-то киваю. Анна срывает со стены фотографию, смотрит на нее, не отрываясь, и наконец едва слышно произносит: – Что же ты наделала?

– Ты о чем?

Анна оборачивается – лицо искажено гневом, в глазах стоят слезы; рамка, пролетев мимо меня, ударяется о стену, и я едва успеваю пригнуться от разлетевшихся осколков.

– Ведьма! Подлая, мерзкая воровка! – кричит Анна и бросается ко мне.

Ступая по битому стеклу, пячусь назад. Анна – вся дрожа, хватая ртом воздух, на лице все тот же оскал – вдруг останавливается. Сейчас накинется на меня с кулаками... Тут она резко разворачивается и, хлопнув дверь, выбегает из дома.

Под ногами хрустит стекло. Поднимаю фотографию, смахиваю с нее осколки и заново прокручиваю в мозгу все, что произошло. Хочу понять, почему Анна так разозлилась. Чтобы сосредоточиться, закрываю глаза и внезапно осознаю, что дело совсем не в фотографии, а в чем-то другом. Походка Анны, взмах ее руки, горькая полуулыбка... Наконец наступает прозрение.

У Патрика есть старые фотографии, я видела его альбом. Иду в столовую, которую мы пока не используем по назначению. Сюда, в мрачную тесноту и холод, сосланы наши воспоминания: школьные табели успеваемости и старые фотографии. Мы переносили их из одной комнаты в другую, но, так и не найдя подходящего места, уложили обратно в коробки, которые высятся теперь на слишком большом для этой комнаты обеденном столе.

В третьей коробке нахожу черный альбом и быстро пролистываю первые страницы: вот Патрик-младенец, вот он уже начал ходить, а вот грустный худой мальчик в школьной форме – здесь ему около десяти. Раньше я никогда не задумывалась, почему в альбоме за несколько лет вообще нет снимков. Дохожу до фотографий шестнадцатилетнего Патрика. Пристально вглядываюсь в каждую и нахожу наконец то, что искала.

Ева.

Отгибаю край пластикового кармашка и вынимаю снимок. На обороте рукой Патрика сделана надпись, но меня так колотит, что слов разобрать не могу. Когда до меня доходит их смысл, я опять всматриваюсь в фотографию. Приступ тошноты гонит в ванную, где, склонившись над унитазом, даю выход подступившей к горлу горечи и желчи.

Господи, какой же я была идиоткой... Просто круглой дурой! Этого я от себя никак не ожидала.

* * *

Держу конверт, куда – признаюсь: дрожащей рукой – вложено письмо. Я могу еще остановиться, порвать его, уйти. А потом напиться – и пусть все идет как идет, до самой смерти. Но ты ведь и так все узнаешь. Узнаешь и поймешь.

Этот конверт – настоящая бомба, граната, коктейль Молотова. Я подложу его сейчас под вашу дверь. Конечно, я знаю, что случится потом. Если захочу – могу этому помешать. Но не хочу. Воровка и лгунья украла мою жизнь. Пусть получает по заслугам.

Глава 33

Сара

Миа, бледная как полотно, влетает в дом с местной газетой в руке и показывает мне первую страницу:

– Мы теперь знаменитости.

С ужасом читаю заголовок. Под ним снимок пятнадцатилетней давности – ленты полицейского ограждения, испачканная надписью входная дверь. «Добро пожаловать в дом-убийцу» – вот как они назвали статью. В ушах стоит звон, в глазах все расплывается. Вижу только газету.

Хлопает входная дверь. Мы с Миа вздрагиваем. При появлении Патрика я вспоминаю о старом фото и письме из мастерской.

Он выхватывает газету, разворачивает, второпях сминая бумагу, ищет конец заметки.

– Почему сейчас? – шепчу я, когда зрение приходит в норму.

– Памятная дата, – говорит Миа.

– Сегодня?

Дочь утвердительно кивает.

Похоже, эта газетка свела на нет все усилия Патрика, положила конец всем его надеждам превратить дом-убийцу в особняк своей мечты. Ровно пятнадцать лет назад Эвансы, должно быть, сидели за этим столом (совсем как мы) в этой же комнате, строили планы на предстоящий день. Смотрю на детей – и мне почему-то кажется, что вчетвером мы вместе больше никогда не соберемся.

Патрик дрожащими руками переворачивает страницы. Пятнадцать лет назад... Разве я хоть на секунду могла тогда представить, что в клинике, находясь у постели покалеченного сына, заподозрю в его избиении отца? Могла ли вообразить, что он, распалившись, замахнется на свою малышку, свою принцессу Миа? Мои еще скованные ожогами ладони сами сжимаются в кулаки.

– Все врут, делают из мухи слона. – Патрик вырывает у Миа газету и выбрасывает ее, скомкав, в мусорное ведро. – Полная чушь.

Иду в спальню.

– Они опять здесь. – Патрик смотрит в окно.

Растирая покрывшиеся гусиной кожей руки, выглядываю на улицу. Как и в день переезда, перед домом собрались люди. Нет, не толпа. Они все время меняются: одни задерживаются ненадолго и проходят мимо, их место занимают другие любопытствующие, однако кучка зевак не уменьшается.

Ищу среди них Хупера.

– Чего они ждут? – спрашиваю Патрика.

– Очередного преступления. – Муж пристально вглядывается в стоящих на противоположной стороне улицы. – Все ждут... Пятнадцать лет ждут. Думают, в доме-убийце опять прольется кровь.

– Из-за...

Муж обрывает меня:

– Лучше дверь запири, спрячь ключи. Тогда убийца не войдет.

По телу пробегает дрожь. Если я запиру дверь и спрячу ключи, мы окажемся в ловушке. А что, если бояться надо не тех, кто снаружи?

Нет, я не суеверная. Сегодня обычный день. И все-таки... Мне кажется, уснуть этой ночью я не смогу.

– Пусть стоят. Забудь, – бросает Патрик и, задернув шторы, выходит из спальни.

Я думала, муж пойдет вниз, а он скрывается в своей бывшей детской – в комнате Джо. Заглядываю в дверь и вижу, что Патрик отвинчивает замок, который сам же недавно установил на окне.

– Не понимаю, зачем я его повесил? Очень уж разозлился. Знаю, по-твоему, меня это не оправдывает.

Сорвавшаяся отвертка втыкается Патрику в палец. Муж, выругавшись, бежит в ванную. Иду за ним и молча наблюдаю, как он подставляет окровавленный палец под кран.

– Звонили с работы. Вызывают на срочное совещание, – говорит муж. Хотя следов крови в воде уже не видно, он по-прежнему держит руку под струей. – Все будет хорошо. Теперь все будет прекрасно.

* * *

Когда Патрик уходит, я снова принимаюсь разглядывать зевак. Часть из них – те, кто бегают трусцой или выгуливают собак, – постояв минуту-другую, проходят мимо. Задерживаю шторы. Теперь никто ничего не

увидит.

Иду на кухню, достаю из ведра скомканные газеты, смахиваю с них крошки. Нахожу упоминание о Патрике и его родителях: волосы на голове становятся дыбом. Кроме его фамилии я ничего в этой истории не узнаю. От последних строчек перехватывает дыхание, сердце пронзает резкая боль: «Прошлой ночью в Ливерпуле во время драки у дверей клуба был задержан Ян Хупер. Он несколько месяцев назад по апелляции был выпущен из тюрьмы и с тех пор постоянно проживает в Ливерпуле. Арестованного обвиняют в нападении на двадцатипятилетнего мужчину».

Как такое возможно? Тогда кто оставлял на ступеньках все эти предметы? Кто постоянно следил за домом? Кто принес в галерею письмо? Если не Хупер, кто тогда?

Иду наверх. Ноги не слушаются. Из дальнего угла шкафа достаю чемодан, укладываю в него деревянную коробку с дорогими сердцу вещами, стопку футболок, джинсы. Я сама себе не верю: неужели я действительно решилась?

А за окном все та же картина, что и в день переезда: толпа разошлась, но один человек остался. Лица я разглядеть не могу, но в моем воображении он превращается в Яна Хупера. Я думала, он пришел отомстить. Досрочное освобождение – означает ли оно, что он не убивал? А вдруг Хупер подозревает или знает, кто на самом деле убил Эвансов? В таком случае он, конечно, ходил бы, расспрашивал, выслеживал. Я очень хочу, чтобы там оказался этот кровожадный вампир, ведь иначе... Звонить в полицию. Хватаюсь за телефон и, не дождавшись соединения, даю отбой. Что я им скажу? Что Хупер целыми днями торчит у нашего дома и в Ливерпуле никогда не был? На самом деле тот, которого я так боялась, под арестом, а кто-то другой следит за нами, входит в дом, все время что-то подбрасывает.

Остаться здесь нельзя. Мои нелепые мечты и глупая выставка того не стоят. Чтобы не жить у Кэролайн, могу снять дешевую комнату через интернет... Господи, а что я вообще могу? Неважно. Разберусь после.

Бросаю в чемодан еще кое-какую одежду. А дети? Миа собралась только на каникулы. С бьющимся сердцем иду в комнату Джо. Не сомневаюсь, что бежать надо сейчас, немедленно, даже несколько лишних минут, потраченных на сборы, грозят бедой. В комнате сына намного холоднее, чем в других помещениях. Однако отопление отключено, так что свалить все на плохо работающую батарею теперь я не могу.

Снова отстают обои, и я, приподняв один кусок, из-под которого на пол осыпается штукатурка, изучаю стену. Что говорилось в том письме?

Под темным пятном плесени она покрыта картинками. Они нарисованы рукой ребенка, но невинным его не назовешь. Вот целая семья рисованных человечков: острозубые собаки рвут на куски заколотых ножами мужчину и женщину. Вот мужчина – голова-кругляш, черточки рук и ног – душит человечка-ребенка; вот женщина нависает над детской кроваткой и тянет к нему руки. Меня тошнит. Едва успеваю закрыть рот ладонями, как они наполняются кислым содержимым желудка.

Еле держась на ногах, выхожу из комнаты и плотно закрываю дверь. Как бы я хотела, чтобы сейчас на ней был тот ужасный замок. И здесь, с этими жуткими рисунками, с этими монстрами спит мой сын? От страха дышу тяжело, сбивчиво, но иду в комнату Миа. Ее вещи – чистые и грязные вперемешку – разбросаны по полу. В поисках туфель заглядываю под кровать и вдруг вижу: в глубине, справа, что-то блестит. Ложусь на пол и пытаюсь дотянуться до упавшего предмета.

Цепочка. Она вся в пыли, но я сразу узнаю мамино украшение. Золотая цепь с сапфировой подвеской. Мама называла его своим «лучшим колье» и всегда надевала, когда мы выходили с ней куда-нибудь пообедать. Руки дрожат, роняю украшение на ковер, оно тонет в пыльном ворсе и исчезает. Судорожно ощупываю ковер, и наконец цепочка – очищенная от пыли, блестящая – снова у меня в руках. Сколько же дорогих воспоминаний таит каждое золотое звено!

– Что ты тут делаешь?

Я не слышала, как Миа вошла в дом, как поднялась по ступенькам. Стоит в дверях, сжав кулаки, смотрит сердито. Опять я виновата, мелькает в голове. Дочь, скользнув взглядом по моему заплаканному лицу, замечает мамино украшение.

– Откуда оно у тебя? – спрашиваю, поднимаясь на ноги.

– Моя цепочка! Где ты ее нашла? – Миа хочет взять колье, но я поднимаю руку, чтоб она не дотянулась.

– Твоя? Разве не ты вошла ко мне в комнату и не взяла ее из шкафа? А где остальное? Я видела... В ювелирной лавке, – говорю дрожащим голосом, – я видела мамино обручальное кольцо. Я подумала, что... Ты его продала? Чтобы купить новые шмотки? Чтобы гулять и напиваться?

Миа смотрит на меня так презрительно, что я готова схватить ее и трясти, пока не признается, не извинится. От греха подальше делаю шаг назад.

– Да ты что! Не брала я твоих дурацких драгоценностей. Это подарок.

– Подарок?

Она смущенно моргает и отводит глаза.

– Да, от папы. Я ее не носила – слишком тяжелая. Ненавижу золото. Я думала, она потерялась.

– Это мамино кольцо. Твоему отцу оно никогда не принадлежало. Зачем вдруг такой подарок?

– Чтобы я его простила, – шепчет Миа.

– За что? За то, что он сделал? – слова даются мне с большим трудом.

Дочь прикрывает глаза и вдруг с опаской оборачивается, словно Патрик может услышать.

Где мои таблетки? Я бы сейчас проглотила целую пригоршню. Закрывать глаза, заткнуть уши. В дверном проеме Миа кажется совсем девочкой. В такие минуты, избегая ссор, мы обычно расходимся в разные стороны. Но сейчас я не двигаюсь с места.

– Отец спрашивал меня, куда ты ходишь, с кем разговариваешь. Велел, если увижу в городе, за тобой последить. – Девочка вынимает из кармана мятую двадцатифунтовую банкноту. – Вот за что он дает мне деньги.

Сглатываю подступивший к горлу комок и пытаюсь вспомнить, где я бывала и что потом врал.

– Теперь это неважно. Я уже собрала чемодан. Мы уезжаем, уезжаем вдвоем.

– Недавно, когда тебя не было дома... – Дочь подходит совсем близко, кладет мне голову на плечо, проводит пальцем по четырем круглым пурпурным синякам, которые оставил на моей руке Патрик. – Ой, мам, что я натворила.

Целую свою маленькую девочку в лоб, глажу ее по волосам. Анна права: я сама во всем виновата. Я должна была уйти раньше, должна была что-нибудь придумать.

– Он опять приходил ко мне в комнату, – говорит Миа. Моя рука застывает у нее на голове. – Он был пьяный, – шепчет девочка. Обнимаю ее крепче и закрываю глаза. – Когда он подошел, я почувствовала запах виски. Отец был пьян, бормотал что-то бессвязное, я испугалась, а он все расспрашивал, куда ты ходишь, что делаешь...

Миа плачет. Прижав ее к своей груди, словно убаюкивая, раскачиваюсь вместе с ней из стороны в сторону, успокаиваю, бальзамом слов пытаюсь залечить раны, шепчу, что теперь все будет хорошо. Чтобы унять дрожь в собственном теле, обнимаю дочь еще крепче.

– Папа был пьяный, я ничего не хотела ему говорить, но я видела тебя с тем мужчиной и в кафе, и в галерее. А в витрине твои работы. И лицо у тебя было такое... Счастливое. И волосы причесаны. Я испугалась, что ты уйдешь, а нас оставишь. И все рассказала. Рассказала и про выставку, и что

видела тебя с другим. Рассказала все.

Холодею. Патрик вспомнит тот набросок – Бена, пойдет на выставку, узнает его и... Нет, я ехать с детьми не могу. Если уеду, Патрик бросится вдогонку, явится прямо к моей старой подруге. Разгневанный, взбешенный, он способен...

– Миа, скорее на вокзал, садись в поезд и оставайся у Кэролайн, пока я не позвоню и не сообщу, что тебе ничего не угрожает.

– Мам, тебе нельзя здесь оставаться.

– Обо мне не беспокойся. Я приеду позже, когда буду знать: вы с Джо в безопасности.

Миа трясет головой, словно в приступе боли, обхватывает руками живот.

– Нет, ты должна уехать, нельзя, чтобы отец... Ты знаешь, что он сделает? Он совсем слетит с катушек, он не сможет остановиться, он... – захлебывается словами Миа. – Мама, ты не все знаешь, не все.

– А чего я не знаю?

– В старом доме, когда ты наглоталась таблеток, – шепчет Миа, а я из-за шума в ушах почти не разбираю слов, – на большой перемене я пришла за физкультурной формой, а там отец. Стоял перед домом неподвижно, я подумала, может, забыл ключи, хотела что-то сказать, но папа вдруг вошел в дверь. Это было так странно, и я не стала заходить, меня что-то насторожило.

Хлопает дверь автомобиля.

– Я не вошла, – спешит договорить Миа, – я вернулась в школу. Позже, хотя отец должен был быть на работе, он приехал за нами. И дома мы нашли тебя. Уже потом, когда я у него спросила, папа сказал, что я ошиблась, что днем он не приходил. Но на самом деле он там был.

– Я тебе верю, – шепчу непослушными губами, а на языке ощущаю горечь пилюль.

– Мам, я так боялась, – говорит Миа с полными слез глазами, – боялась, что ты уйдешь и не захочешь взять меня с собой.

– Ну, что ты...

– У тебя был Джо. Джо и твоя живопись. Вы все время говорили об этой проклятой живописи, а я была папиной дочкой. Я подумала: если ничего тебе не скажу, все останется по-прежнему. Но вышло вот как. Мы переехали сюда, и папа... Отца у меня больше нет.

Слышу, как во входной двери поворачивается ключ.

– Это отец давал тебе таблетки? – шепчет Миа.

Я киваю.

– Уходи, уходи через черный ход, через сад. Уходи немедленно.

– Не могу. Папа меня не выпустит.

– Хорошо, я спущусь, встречу его, отвлеку, уведу в кухню.

– А сама? – плачет Миа. – Что будешь делать ты? Скажешь, что хочешь от него уйти?

– Нет, не скажу. Я... что-нибудь придумаю, пока не знаю. – Беру ее в охапку. Так я обнимала дочь, когда она была маленькая. Она прижимается ко мне. – Клянусь тебе, я все устрою, все будет хорошо. Ты мое солнышко, моя девочка. Я приеду, заберу тебя, и все у нас будет хорошо.

Миа пытается еще что-то сказать, но я не слушаю и, вытолкнув ее из комнаты, шепчу:

– Беги! Я скоро приеду.

Глава 34

Сара

Осторожно, то и дело останавливаясь, спускаюсь вниз. Я слышала – Патрик вошел, но свет не горит, а на ветру, раскачиваясь, скрипит дверь. Подталкиваю дочь к выходу. Она упирается, пятится назад, но я держу ее за рукав. Почему дверь открыта? Может, вслед за Патриком в дом проник посторонний? Оглядываю улицу – никого. Так и подмывает убежать прямо сейчас, вместе с Миа.

– Сара? – Услышав голос мужа, я отпускаю ее руку.

Дочь уходит. Только тогда, натянув фальшивую улыбку, я оборачиваюсь, но у Патрика такой ужасный вид, что я не в силах ее удержать.

– Куда это Миа отправилась? – шепчет он из неосвященного холла.

Отступаю на шаг. Дверь еще открыта, можно убежать.

Из темноты появляется муж.

– Никуда, – говорю и слышу: он смеется.

Меня бросает в дрожь. Не нравится мне этот смех. Мне вообще все здесь не нравится, но делать нечего – надо возвращаться в дом.

– Сара, я уж начал волноваться, подумал, что ты меня бросила.

– Как прошла встреча?

– Очень быстро. Раз – и готово. Меня уволили.

– Патрик...

– Сказали, что допускаю слишком много ошибок, забываю о назначенных встречах, без уважительной причины не выхожу на работу. Что, мол, меня уже предупреждали. С горя я пошел в паб и за стаканом стал размышлять, как нам жить дальше, и вдруг... Вдруг захотел увидеть тебя.

Патрик опускает взгляд, а я вспоминаю о чемодане: он собран и стоит в холле. Подкатывает тошнота, сердце бешено стучит. Зря я не убежала вместе с Миа. Вряд ли еще выпадет такой случай.

– Ты никогда не делала ничего, чтобы возродить этот дом, – глядя на чемодан, произносит Патрик.

– Делала. Разве не я отдала тебе мамины деньги? Все, до единого пенса?

– Ну да, и без конца об этом напоминаешь. – Муж открывает чемодан, вытряхивает на пол вещи. – Попрекаешь единственными средствами, что вложила в семейный котел, и то их пришлось выпрашивать. – Я тебя не отпущу, ты от меня не сбежишь, – швыряя в открытый подвал пустой чемодан, бормочет Патрик, потом хватая меня за руку и, затолкав в дом, запирает входную дверь.

Пульс «зашкаливает». Кусок резины – вот как представляется мне самообладание мужа. После переезда он и так с трудом держал себя в руках, а статья в газете, увольнение и мой чемодан растянули резиновый жгут до предела. Этот дом... День за днем, одно за другим, он перерезает последние уцелевшие волокна.

– Мы не можем здесь оставаться, – говорю, переходя на шепот. – Я прочла статью. Прочла... Нам надо уехать.

– Нет.

– Патрик, мы должны на это решиться. – Хочу обойти его, он не пускает. – Может быть... Может, даже лучше, что тебя уволили. Найдешь другую работу, не такую нервную. Продашь дом, сможешь позволить себе небольшую передышку. Действительно начнешь все сначала.

– А ты? А дети?

Медлю с ответом.

– Нет, – голос Патрика звучит все громче. Я вздрагиваю. – И тебе уйти не позволю, и никогда не отдам тебе детей.

– Здесь я больше не останусь, – говорю, стиснув зубы. – Это мерзкое, гнилое место. Тут плохо детям, плохо мне. И тебе тоже. Разве ты сам не видишь? А как ты обращаешься с детьми? Теперь еще лишился работы.

– При чем тут дом? – орет Патрик. – Ты меня постоянно осуждаешь, попрекаешь чертовыми деньгами, а ведь зарабатываю я один. Поэтому я всегда в стрессе. И дети пошли вразнос из-за тебя. И с Кэролайн я... Тебя никогда не было дома, а твоя подруга заметила, как мне одиноко. Ты жила как зомби, как слепая, а в это время разрушалась наша семья.

Хочу отойти в сторону, но Патрик хватая меня за горло и прижимает к стене. Не могу вдохнуть. Впиваюсь ногтями ему в кисть и отчаянно царапаюсь. Вскрикнув от боли, муж отдергивает руку, я вырываюсь. Он ловит меня, тянет за волосы, толкает обратно, к стене, и наотмашь бьет кулаком по лицу. Удар такой силы, что кажется мне взрывом. Падая, сжимаю руками щеки – боюсь, что они отвалятся. Нос и губы разбиты, во рту соленый металлический привкус крови.

Сгибаюсь в три погибели. Киногерои и литературные персонажи в таких случаях немедленно вскакивают и бросаются на обидчика. Где они

находят силы? Не могу пошевелиться. И думать ни о чем не могу – только о своей разбитой физиономии.

Патрик подхватывает меня, начинает кружить, будто мы танцуем. Он плачет! Слезы падают мне на лицо, соль разъедает раны.

– Сара, прости меня, прости. Я больше никогда... Я так виноват.

Он вращает меня то в одну сторону, то в другую. Я тоже плачу. Оплакиваю пару, какой мы были когда-то: мужчину с неотразимой улыбкой, что пригласил меня однажды на танец, нашу любовь, наши несбывшиеся мечты.

– Ты права. Этот дом... Когда я рос, здесь и тогда были прогнившие рамы, разруха и сырость... Мои родители... с ними тоже все было не так, все неправильно. Я думал: как только дом станет моим, все пойдет по-другому. Я был уверен, что смогу привести его в порядок.

Патрик усаживает меня на нижнюю ступеньку лестницы, из коробки на столике достает салфетку, промокает мои окровавленные губы.

– Дом отобрали, – продолжает муж, – тогда я не мог этому помешать. И вдруг появилась возможность его вернуть. Ты в то время так болела, а потом еще отравилась снотворным. Я испугался. Испугался, что потеряю тебя, и решил: переезд все изменит к лучшему. – Патрик наклоняется, будто хочет меня поцеловать. Я вздрагиваю. – Думал, если мы сюда переедем, все образуется. Но никому из нас здесь лучше не стало. Я мечтал совсем о другом.

Чувствую, в раздавленном неудачами муже снова закипает злость. Взглянув на испачканную кровью салфетку, Патрик переходит на шепот.

– Помнишь, как мы встретились, мечтали, строили планы? Ты помнишь?

Помню. Помню эти глупые разговоры о журавлях в небе. Обычное воркование влюбленных. На самом деле мечты Патрика – о прекрасном будущем в доме с видом на море, о детях и собаках – были совершенно беспочвенны. Да я к этим фантазиям никогда всерьез и не относилась.

– Сара, пожалуйста, не уходи.

Он тянет ко мне руку. Отпрянув, я качаю головой. «Не прикасайся!» – хочу крикнуть, но вслух ничего произнести не могу. Боюсь, это вызовет новый приступ гнева. Патрик – на сей раз ласково – прикасается к моей щеке, берет за подбородок, проводит большим пальцем по губам.

– Этот дом... Я его продам.

– Продашь?

Не верю. Всю взрослую жизнь Патрик как одержимый стремился заполучить его обратно.

– Не веришь? Продам, обязательно продам. Зачем он мне, если останусь один? Здесь должна жить семья. Одному он мне не нужен. – Лоб Патрика упирается в мой. – Пожалуйста... Я бы никогда... Если бы мы сюда не переехали, если бы не проблемы с домом и все остальное... Я никогда бы не позволил себе... Не потерял бы контроль. Ты была права, ты все понимала, ты говорила, предупреждала. Дай мне возможность загладить вину, пожалуйста. Уедем отсюда – и такое больше не повторится. Все будет хорошо. Ты увидишь, все будет по-прежнему, как раньше.

Патрик опять кружит меня. Закрываю глаза. По щекам текут слезы. Как раньше? Когда раньше? Когда я была до того несчастна, что наглоталась таблеток? Или когда под гулкое тиканье часов в пустой кухне считала минуты, чтобы ровно в пять откупорить бутылку вина? Или когда мы с детьми вздрагивали при стуке входной двери, потому что не знали, в каком настроении Патрик вернулся домой?

Или когда я думала, что у нас счастливая семья, а Патрик, одержимый домом-убийцей – мне он казался давно забытой страницей прошлого, – чуть ли не каждый месяц приезжал в этот город, сидел в пабах, а потом, вернувшись, врал про деловые встречи?

Неуклюжую, в поношенной куртке от благотворительной организации, муж вертит меня в некоем подобии танца, улыбается, смотрит ласково, а я гадаю: осталось ли в Патрике хоть что-нибудь от прежних дней?

– Прости меня, – не перестает извиняться он, – я тебя не отпущу, я не могу дать тебе уйти. – Из открытой двери подвала в лицо повеяло холодом. – А где Миа? Где Джо?

– Не знаю.

Подавляю искушение посмотреть на часы: успела ли Миа сесть в поезд? Сердце выпрыгивает из груди.

– Я так надеялся, что Миа ошиблась, – доставая из кармана конверт, говорит Патрик, – но вот: получил еще одно письмо.

– Какое письмо?

– Знаешь, сначала я не поверил, вскочил в автомобиль, помчался в город, хотел сам во всем разобраться. А потом в галерее увидел твои картины, твое имя на плакате и понял, что врала не Миа, а ты. Она же открыла мне глаза.

– Ты о чем?

Дочь все время твердила мне про «холодные точки» Я тоже начинаю их ощущать. Правда, они не снаружи, а внутри – растут, пятнами холода расползаются по всему телу.

Патрик вынимает из конверта фотографию – я и Бен. Холод проникает

в каждую клеточку моего тела. О господи, как мне отсюда выбраться? Бежать! Хочу обойти мужа справа, а он хватает меня за руку, тащит обратно и, кружа, впечатывает в стену.

– Нет, Сара, никуда ты не уйдешь.

Не могу пошевелиться.

– Патрик, эта фотография... Это не то, что...

– Не то? Хотел бы я в это поверить. Не пойму, кто бросил ее в ящик.

Анна. Это она.

– Я говорил себе, – продолжает Патрик, – что ты изменить не могла и кто-то сделал снимок по личным причинам – из мести, но потом вспомнил слова Миа.

– Что ты наделал, – шепчу я.

Опять этот странный невидящий взгляд.

– Миа – хорошая девочка. Она честно рассказала, как все было на самом деле, а я разозлился на нее, потому что не хотел верить.

– Между нами ничего не было, – бормочу я, – он художник, мы говорили о выставке в его галерее. Я хотела сделать сюрприз.

– Думаешь, я не узнал твоего художника? Ты же его рисовала. Рисовала, была у него дома, а меня уверяла, что набросок – фантазия, плод воображения. Нет, ты давно меня обманываешь.

– Он просто друг, ничего больше.

Патрик опять смотрит на снимок: двое за столиком, я подалась вперед, к Бену. Этой сцене можно найти не меньше объяснений, чем картине с парочкой на прибрежной скамейке. «Друзья или любовники?» Я словно слышу за спиной голос Анны.

В кафе было шумно, и я склонилась к собеседнику, чтобы лучше его слышать, а на фотографии все выглядит так, будто Бен меня целует. Его рука лежит на моей. Помню это прикосновение – сердечное, дружеское. От него по всему телу пробежала дрожь.

– Друг? Не лги. Бен завидовал мне еще со школы, потому что сам жил в обшарпанной квартире, а я – в доме с видом на море.

– Патрик, клянусь, я не...

– Молчи. – Он поднимает руку – и она, холодная как лед, касается моей щеки. – Я люблю тебя и буду любить до конца своих дней. И ты тоже. Ты без меня не проживешь. – Муж берет меня за подбородок и, почувствовав, что я вздрогнула, убирает руку и уныло опускает плечи. – Ну зачем тебе кто-то еще? Ты же так меня любила.

– Любила, – говорю, и глаза опять наполняются слезами. – Теперь нашей любви пришел конец. Раньше надо было думать. Ты убил ее. Здесь и

сейчас.

– Я был тебе опорой, спасал тебя.

– Лучше б ты этого не делал.

Патрик согнулся, словно от приступа боли.

– Ты меня убиваешь!

Его лицо искажается мукой, но знаю: если останусь – умру сама. Извращенная одержимость, которую муж называет любовью, точно убьет кого-то из нас. И, скорее всего, меня.

– Пусти!

– Ты не можешь так уйти. Я расскажу Джо всю правду, все, что ты сделала.

– Мне все равно. Меня это не волнует.

– Еще как взволнует! С тобой никто не станет разговаривать, не добьешься опеки даже над Миа. Сообщу про передоз – и останешься совсем одна.

– Лучше так, чем с тобой.

Патрик снова наотмашь бьет меня по щеке, голова откидывается назад, ударяюсь затылком о стену, а муж – в который раз! – притягивает меня к себе, душит в объятиях, бормочет бесконечное «прости». Не могу вздохнуть. Извинения сменяются поцелуями. Меня охватывает паника, ведь в этом проклятом доме мы одни. А Патрик все целует и просит прощения, целует и просит прощения.

– Патрик, пожалуйста, отпусти меня.

Он – все еще красивый, в костюме, отросшие темные волосы падают на глаза – отступает на шаг, потом наклоняется и целует меня, но не в губы, а в шею, около уха. Я вздрагиваю, от страха на лбу выступает холодный пот.

– Сара, – шепчет Патрик, – я не хочу тебя наказывать. Не вынуждай.

Он гладит меня по руке, а я закрываю глаза и вспоминаю Бена. Рассматривая мои картины, он так радовался, говорил, что теперь мы будем работать вместе. Конечно, я могла бы воспользоваться этим предложением и его убежищем, но в те минуты передо мной открывалась совсем другая, новая жизнь.

Опять пытаюсь вырваться, а Патрик больно – до синяков – стискивает плечо и притягивает меня к себе.

– Скажи, что любишь меня, – умоляет он.

– Нет, не люблю. Я тебя ненавижу.

Ненавижу. Его, этот дом, эту жизнь, совсем не похожую на ту, какая могла бы быть. Я ненавижу Патрика и говорю ему об этом, используя

единственное средство, которым способна причинить ему боль.

– И ты думаешь остаться безнаказанной? Ты думаешь, я отпущу тебя?

Патрик тащит меня через холл к распахнутой двери подвала. Хватаюсь за косяк, муж силой разгибает вцепившиеся в дерево пальцы и заталкивает меня внутрь. Едва удерживаясь на ногах, с криком лечу по ступенькам, и мы оба оказываемся в темноте подземелья.

– Мне очень жаль, – опять говорит Патрик, но на самом деле ничего ему не жаль. На лице только досада, злость и жажда мести.

– Пожалуйста, отпусти меня, – шепчу еле слышно.

– Нет. Никогда.

* * *

О чем бы мы говорили с Беном, если б я приняла его приглашение пообедать? Тогда, во время первой встречи, я еще не знала об их с Патриком прошлом. Что бы я могла рассказать своему художнику?

Что раньше я была нормальной женщиной, а теперь от меня осталась только половина?

Что хотела уйти от мужа, но боялась?

Что Бен представить не может, как важна для меня каждая минута той новой жизни, которая может начаться в его галерее?

Возможно, ничего этого я говорить бы не стала. Он художник, и мы просто обсуждали бы картины, музыку, книги. Даже молчать с ним было бы легко и приятно.

Его волосы – мокрый песок, глаза – океан, смесь синего и зеленого. Бен коренастый и невысокий, но рядом с ним тепло и надежно, и я хотела бы, чтоб там, в домике на берегу, он раздел меня – радостную, веселую, – взял на руки, отнес в постель.

Пусть Бен не так красив, не так мускулист, у него не такой плоский живот и тонкие черты лица, как у Патрика, но, прильнув к нему, я могла бы наконец уснуть без страха. Вот где, а вовсе не в студии, что помнит Патрика-подростка, я нашла бы убежище.

Патрик бросает меня на грязный пол, сдавливает шею и, срывая одежду, берет силой. Потом муж плачет, снова и снова просит прощения. Глаз я не открываю, и воображение рисует мне совсем другую картину: я сладко сплю в объятиях художника, положив голову ему на грудь.

Часть IV. Дракон в мужском костюме

«Будет ли возобновлено дело о преступлении в доме-убийце?»

Заголовок из газеты «Вестерн мейл», январь 2016

Приговор по делу Яна Хупера, осужденного в 2001 г. за преступления в печально знаменитом доме-убийце, отменен. Заключенный выпущен на свободу. Это ставит под сомнение его причастность к убийствам.

Представитель полиции Южного Уэльса сообщил, что обстоятельства дела будут пересмотрены.

Во вторник без лишнего шума Хупер покинул тюрьму. Где он находится сейчас – неизвестно, однако по условиям освобождения в родной город Яну Хуперу возвращаться запрещено.

Глава 35

Сара

Я все еще в подвале, в темноте. Подняться не могу. В двух шагах, прислонившись к стене и обхватив голову руками, сидит Патрик. Не знаю, сколько времени я так пролежала, – мне кажется, целую вечность. «Шевелись, – говорю себе, – вставай!» Неуклюже поправляю одежду. Он даже джинсы с меня не снял – просто спустил до колен. Губы горят. Мне кажется, я сама их искусала, а Патрик ни в чем не виноват. С трудом заставляю себя сесть, но чувствую, что встать не смогу.

– Прости меня, – шепчет Патрик упавшим голосом. От его ярости не осталось и следа. Эти вспышки... Анна сказала тогда: «Ситуация обостряется...» Она права, я знаю. Во время наших дружеских бесед – вернее, это я думала, что они дружеские, – она говорила что-то еще, про единственный выход – умереть. Не хочу множить число тех, кто выбирает смерть.

Стираю струйку крови, бегущую по подбородку. Подходит Патрик, он склоняется надо мной, и я вижу, что его белая рубашка тоже в крови. От него разит потом и перегаром. Меня тошнит. Судорожно глотаю подступивший к горлу комок. Патрик целует меня в щеку, а я плачу. Даже не заметила, что слезы, не переставая, текут по лицу. Надо взять себя в руки.

– Сара, я не нарочно, – говорит он, – так вышло. Но ты все время меня обманывала. Я прошел мимо галереи, увидел повсюду плакаты с твоим именем, там был Бен и я...

Похоже, кровь на рубашке мужа вовсе не моя.

– Что ты с ним сделал? – шепчу, еле ворочая разбитыми губами.

– Вставай.

Больно впившись в руку пониже плеча, он поднимает меня. Ноги дрожат, и, если муж меня отпустит, я наверняка упаду. Он держит меня за талию и опять, изображая дурацкую пародию на танец былых времен, начинает вращать по подвалу.

– Я хотел убить твоего любовника. – Патрик приглаживает мои волосы, отводит упавшую на лицо прядь. – Хотел запереть тебя в подвале, а его найти и убить, чтобы сделать тебе больно.

– Оставь его, – говорю, – он ни в чем не виноват, между нами ничего не было.

– Я никогда не желал тебе зла. – Небритый подбородок Патрика царапает мне щеку, чувствую его несвежее дыхание. Меня трясет. – Я хотел... Мне была нужна только твоя любовь. Я хотел, чтобы у нас все было по-другому, прекрасно, идеально. Я мечтал изменить и этот дом, и этот город.

Смотрю на мужа: где звезды на ночном небе, ракушки, набившийся в туфли песок, теплые дни и веселый смех?

– Все твои рассказы... Хоть в одном из них была капля правды?

Патрик мотает головой.

– А слова на стене? – Мое сердце выскакивает из груди. – Кто их написал? Ты?

Молчание затягивается и постепенно заполняется словами, нацарапанными на грязной стене подвала испуганным ребенком: «Я плохой, я очень плохой, я плохой...»

– Долгие часы я провел в этом подвале, – говорит муж таким голосом, что у меня перехватывает дыхание. Патрик отводит глаза. – Меня сажали сюда за непослушание.

– Кто? Родители? – Он кивает. Не могу вздохнуть. Вспоминаю метры стены, исписанные корявым детским почерком. – Зачем? Я не понимаю...

– Иногда они запирали меня на ночь, – шепчет муж так тихо, что мне приходится напрягать слух. – Отводили сюда, выкручивали лампочку, чтобы сидел в темноте, и запирали дверь. Иногда – смотря за что наказывали – через час или два меня выпускали. А за особые проступки оставляли на всю ночь.

Я вся дрожу. В подвале и днем холодно и сыро. А ночью? Просачивается ли свет хотя бы через дверную щель? Мог ли он видеть вылетающий изо рта пар, от которого тени в углах становились еще темнее, а воображение превращало их в чудовищ? Или ребенок сидел в полной темноте?

– Сразу в подвал они меня обычно не сажали. Особых каверз за мной не водилось – мог испачкать ковер, потерять кроссовки или попасть в окно футбольным мячом. Набедокурю – они сами узнают, или кто-то доложит, – и начинается томительное ожидание. Днями сижу, не выходя из дому, мне страшно, чувство вины разъедает душу, оно растет, растет, ни на минуту не давая забыть чертовы кроссовки или разбитое окно. А родители все молчат, а я жду, жду...

От ужаса сводит спину. Представляю себя испуганным маленьким

мальчиком, который в страхе ожидает неминуемой расплаты за потерянные башмаки.

– И знаю, – продолжает Патрик, – что они все равно отведут меня в подвал и заставят придумывать себе наказание.

Не понимаю, как эти люди – я была в их тесном жарко натопленном жилище – могли так холодно, так жестоко обходиться с ребенком, со своим собственным сыном.

– А я лежу, уткнувшись в мокрую от слез подушку, и, воображая будущие кары, умираю от страха. И вот родители спрашивают: «Патрик, как ты думаешь, какого наказания ты заслуживаешь?» А я все время думал, думал, поэтому проступок начинал казаться мне чем-то ужасным, и я придумывал себе самые страшные наказания: за потерянные кроссовки следует отнять у меня велосипед, за пятно на ковре – запереть в темном подвале, а за треснутое стекло – избить...

– Неужели родители все выполняли?

– Еще бы! – голос Патрика звучит бесстрастно, но лицо... – Они даже ужесточали наказания: оставив ведро вместо туалета и бутылку воды, на два дня запирали в темноте.

– За пятно на ковре?

Я вздрагиваю и закрываю глаза. Воображение рисует сырой темный подвал, он полон странных шорохов, и ребенку мерещится, что вокруг толпятся призраки.

– Видела шрам на спине? Помнишь, я говорил, что упал? Нет, это след от пряжки отцовского ремня, которым меня отстегали за разбитое окно. Они вытворяли такое: она – своими пальцами, он – кулаками, – шепчет Патрик, – а на людях все выглядело благополучно и благопристойно. Никто и подумать не мог, что...

– Почему ты никогда ничего мне не говорил?

Патрик отстраняется, в образовавшийся промежуток заползает холод.

– Не хотел быть тем мальчиком из подвала. Только не в твоих глазах. Ты так на меня смотрела... И тот Патрик – Патрик с выдуманном детством, каким меня видела ты, мне очень понравился.

Интересно, зная правду, смотрела бы я на него другими глазами?

– Когда мы с родителями здесь поселились, – судорожно вздыхает Патрик, – все было иначе. Отец работал, у нас был дом. Они строили планы, много разных планов. Даже ребенком я знал об этих прожектах и мечтал, чтобы они воплотились в жизнь. Постепенно все начало приходить в упадок, и я наблюдал, как родители отчаянно сражались и с поломками в доме, и с алкоголизмом отца. Я видел, как все это их добивает.

– Патрик...

– Но я знал, к какой жизни они стремились, и решил, что смогу все устроить даже лучше, чем они. Я дал себе слово. – Умолкнув, Патрик разглядывает свои ладони. – Хотел сделать лучше, но как посмотришь, что получилось... Стал таким же, как отец.

– Скажи, ты давал мне пилюли?

Те горькие пилюли на языке, шершавые пальцы, что заталкивали их в рот, – все это мне не приснилось. То была явь, а не сон.

– Я хотел вернуть дом, и нужно было найти какую-нибудь причину. Я же не знал, сколько таблеток ты успела выпить до того.

– Я же чуть не умерла.

– Сама виновата, нечего глотать снотворное пригоршнями.

Слезы опять катятся по щекам, смахиваю их тыльной стороной ладони.

– И ты проделал все это ради дома? Ради этого проклятого дома?

– Не знаю. Что сделал, что сделаю...

– А убийство? Ты совершил убийство?

– Что?

– Это ты? – шепчу слова, слишком страшные, чтобы произнести их в голос. – Ты не говорил, почему выпустили Хупера, но я прочла. Дело будет пересмотрено. Ответь мне, Эвансов убил ты?

– Ты думаешь, я на это способен? – отвернувшись и отойдя на шаг, спрашивает Патрик.

– Я видела, на что ты способен.

– Нет, ты ошибаешься. – Он отрицательно качает головой. Молчание. Оно длится целую вечность. – Я не убийца. Я его сын.

У меня подкашиваются ноги, вновь опускаюсь на пол.

– Мы с детьми были дома, в это время мне позвонил отец. Он был пьян и на чем свет стоит проклинал Джона Эванса, который отнял у него и дом, и работу. В голосе отца мне почудилось что-то страшное. Я слышал такие ноты и раньше, – переведя дыхание, продолжает он, – поэтому вскочил в машину и помчался сюда. Но опоздал. Здесь все было в крови. Никогда не видел столько крови. Отца мне удалось увести. А Хупер как раз ломал топором дверь.

– Нет... – бормочу я.

Слезы катятся градом.

– Отца никто не видел, ни один человек. Но все знали про Мари, про Яна и его ссору с Джоном Эвансом. – Патрик снова опускается передо мной на корточки. – Сара, не надо меня бояться. Я никого не убивал.

Никогда.

– Но ты не признался, что это сделал твой отец, и невиновный отправился в тюрьму.

– Хупер сидел и раньше. За нападение. Он чуть не убил человека, так что вряд ли его можно назвать невиновным. Он далеко не святой.

– Но убийство совершил твой отец! Мари Эванс, маленький мальчик...

Патрик вскакивает, трясет головой, начинает метаться из угла в угол.

– Хватит! Прекрати. Уже ничего не исправить. Отец... Отец напился и не соображал, что делал. А потом... Я не уверен, что он вообще что-нибудь запомнил. Во всяком случае, он никогда не говорил о том дне ни слова.

Муж смотрит куда-то поверх моей головы.

– Однажды отец забыл, что запер меня в подвале. Потому что был пьян. Я просидел здесь несколько дней и думал, что здесь же и умру. Вот когда меня у них забрали.

– О господи! – Чтобы не закричать, зажимаю ладонями рот.

– Сейчас это не имеет значения. Давай смоем эту кровь, заставим о ней забыть.

Ползу к двери, но на пути вырастает Патрик.

– Я все еще вижу сны, – говорит он.

Ничего не хочу больше слышать. Поднимаюсь на цыпочки, чтобы, как только он отойдет, подобно женщине на рисунке сына, убежать по лезвию ножа. Возьму детей и убегу, и пусть морской бриз, о котором я грезила столько лет, унесет нас отсюда.

– Мне снится, что я опять в подвале, но не один. – Патрик дышит часто и шумно. – Рядом отец, он шепчет мне ужасные слова. А потом мне снится, что я совсем маленький и здесь в подвале мои родители... Они меня мучают. А потом все меняется, и уже я терзаю Джо, Миа и тебя. Издеваюсь над тобой, заставляю страдать. И убиваю.

У меня перехватывает дыхание, сердце пронзает боль. Наконец с шумом выдыхаю. Патрик вздрагивает и быстро поднимается по лестнице.

– Мне надо все обдумать, – говорит он, стоя на верхней ступеньке, – найти правильный выход.

Захлопнув дверь, муж поворачивает в замке ключ. Остаюсь в темном подвале одна. Готова поклясться, что слышу шуршание, скрежет, шепот. Закрываю глаза, зажимаю руками уши, сворачиваюсь клубком. Снова чувствую, как грубые пальцы заталкивают мне в рот пилюли, ощущаю на языке их горечь. То был не сон. То была явь.

Глава 36

Сара

Из тяжелого забытья меня выводит телефонный звонок. Не знаю, который час и как давно сижу взаперти. Оглядываюсь по сторонам: в другом конце подвала, около ступенек, мерцает экран мобильного, и в его слабом свечении замечаю Патрика. Интересно, он только вошел или смотрел на меня раньше, когда я спала?

– Кто это? Мой школьный дружок Бен? – спрашивает муж. Я вздрагиваю. Подобрал трубку, он протягивает ее мне. – Ответь.

С бьющимся сердцем подползаю к телефону и ощупью принимаю звонок.

– Мама! – слышу в трубке голос сына.

– Джо?

Молчание. Прервалась связь?

– Мам, с тобой все в порядке? Миа сказала, ты не отвечаешь. И еще, что вы собирались встретиться у Кэролайн.

– У меня все хорошо. – Закрываю глаза и сильнее сжимаю телефон. – Все хорошо.

– Мам, Миа вернулась. Увидела, что в галерее разбита витрина, у дверей – «Скорая», и испугалась. Подумала, что приехали за тобой. Но там была твоя подруга, и она...

– Какая подруга?

– Анна. Сейчас Миа с ней.

У меня перехватывает дыхание.

– Джо, пожалуйста, найди сестру, скажи, пусть не слушает Анну, не верит ни одному слову. Срочно...

Договорить не успеваю: Патрик выхватывает у меня мобильник и устремляется к лестнице.

– Джо, ты где? Возвращайся немедленно. Настало время узнать правду, всю правду о твоей матери.

Я бросаюсь к мужу, Патрик, спрятав телефон в карман, меня отталкивает. Спотыкаюсь и опять растягиваюсь на грязном полу.

Патрик швыряет в меня ручку.

– Сара, ты вела себя безобразно. Напиши-ка теперь свою строчку на

стене.

Значит, снова меня запрет, а сам в таком неменяемом состоянии встретит Джо? Допустить этого нельзя. На нетвердых ногах поднимаюсь по ступенькам, догоняю Патрика у самого выхода, цепляюсь за косяк, но муж с остервенением разгибает мои впившиеся в дерево пальцы. От нестерпимой боли я вскрикиваю.

– Ты останешься здесь.

На этот раз от резкого толчка теряю равновесие, пересчитывая ступеньки, качусь вниз и ударяюсь головой. Она словно взрывается. В глазах темнеет. Стараюсь не отключиться, но сознание уплывает, мысли путаются. «Только не рассказывай правду, не отнимай у меня Джо», – крутится в голове, когда проваливаюсь в забытие.

Сара и Патрик, 1998 год

Джеймс Такер. Так звали того парня, что пригласил меня на вечеринку. Прождав двадцать унижительных минут, я наконец поняла, что он не придет. Тогда я вошла, от обиды выпила три порции текилы и полупьяная, с горящими щеками, собралась уходить. И тут появился Патрик. Черные волосы, темные глаза, высокие скулы и впалые щеки. Мне захотелось запечатлеть его на холсте и любоваться этим красавцем постоянно.

Патрик пригласил меня танцевать, потом, наклонившись, предложил уйти куда-нибудь вдвоем. Я сразу же согласилась. Я не знала его имени, он – моего, но, не раздумывая ни секунды, сказала «да». Он привел меня к себе, уложил на постель, мы уже почти разделись, когда Патрик вдруг спросил, как меня зовут.

Я ни о чем не жалею. Ни об одной минуте. Даже думая, что он никогда не попросит мой телефон и никогда не позвонит, я все равно ни о чем не жалела. Но он записал номер и позвонил. Отвез на побережье, угостил кофе. В машине было тепло, мы разговаривали несколько часов, а за окном бушевал шторм. Я не сводила с Патрика глаз, упивалась его мужественной красотой. Проводив домой, он лишь поцеловал меня на прощание, и прежде чем я услышала в трубке его голос в следующий раз, прошло девять дней. Всего девять дней, но зима уже подходила к концу, из земли пробиваются бутоны нарциссов. Девять дней я ждала, ждала, не ходила в колледж и, заполняя набросками альбом, без конца рисовала полузабытый образ. Подробности той ночи от меня ускользают, но лишь

закрою глаза – слышу голос Патрика, чувствую его прикосновения, вспоминаю его запах, теплую кожу, шепот, поцелуи скользящих по телу губ.

Мы встретились в парке, около пруда. Издали увидев Патрика, останавливаюсь как вкопанная: на нем, хоть уже наступил вечер, деловой костюм. На мне же «Мартинсы» и черные легинсы, и вместо духов я благоухаю скипидаром и масляной краской. Разве я ему пара? Но прошло девять бесконечных дней, и я так хочу, чтобы Патрик опять ко мне прикоснулся. Поэтому возобновляю шаг.

Патрик идет мне навстречу, а я – словно кто-то всадил нож в сердце – падаю на скамью. Никакое это не свидание. Приложив палец к губам, Патрик катит перед собой детскую коляску.

Какая же я дура! Я для него девочка на одну ночь, случайная связь, минутная слабость, ошибка.

Как безбожно прийти сюда с ребенком. Это похоже на шантаж: не вздумай рассказать о наших отношениях жене, а то навредишь беззащитному малышу.

Конечно, я никому ничего не расскажу. И что Патрик был моим первым мужчиной, он тоже не узнает. Я ждала тогда неизвестно чего. Когда он подошел, пригласил на танец, взял мою руку и закружил, как в одном старом фильме, я обо всем забыла. Этого я ему, конечно, тоже не скажу.

Патрик оборачивается и машет мне рукой. Подкатив коляску, он вынимает ребенка – ему меньше, чем я думала, месяца два, не больше – и дает мне. Смотрю на малыша и расплываюсь в улыбке.

Он очень похож на Патрика: карие глазки, черный чубчик. Улыбнулся – в беззубом ротике розовые десны, – и потеплело на душе. Мне всего девятнадцать, а я так хочу, чтобы этот мальчик вдруг оказался моим сыном. Наверное, после той единственной ночи во мне подспудно зрело желание родить ребенка. Ребенка Патрика.

Он садится рядом на скамью.

– Это Джозеф. Его мать умерла.

Глава 37

Сара

Пытаюсь повернуть голову – и от пронзившей ее боли вырывается стон. Трогаю место ушиба – оно влажное. «Кровь», – догадываюсь я и, опять отключаясь, чувствую: чьи-то пальцы заталкивают мне в рот таблетки. Меня то морозит, то бросает в жар. Нет сил встать, не могу даже сесть. Скрючившись, лежу на холодном мокром полу и плачу.

Сколько же они держали здесь Патрика? Маленький мальчик царапал на стене подвала длинные строчки: «Я плохой. Я очень плохой». Да, Патрик, ты плохой. Ты ужасный.

Меня трясет как в лихорадке. Сворачиваюсь в клубок. Ломит все кости, болит живот. Когда ела в последний раз, не помню, но голода не ощущаю, так что причина не в нем. Во рту все пересохло, очень хочется пить.

Надо было уйти после нападения на Джо. Неважно, Патрик избил сына или нет, надо было забрать детей и бежать отсюда. А второй раз, когда муж накинулся на Миа... Если бы ушла тогда, он никогда бы...

Обхватываю руками колени, еще теснее прижимаю их к груди. Он прав: во всем виновата я сама. «В кого я тогда превращаюсь?» – бинтуя мои обожженные руки, спросил Патрик. Только правды о его отце я еще не знала.

Не представляю, сколько лежу в подвале, но в доме непривычно тихо: ни шагов, ни голосов. Не скрипят половицы. Где Патрик? Где Джо и Миа? Мне так нужен телефон. Сначала – раньше, чем в полицию, – я позвонила бы детям и сказала, как сильно я их люблю. Но где они? Где Бен? Что с ним сделал Патрик? О господи, его отец...

У меня все болит, но сжаться сильнее невозможно, как невозможно, даже заткнув уши, избавиться от звучащих в мозгу слов мужа: «Сара, я скажу, что ты его украла. Скажу, что ты ему не родная. Скажу, что ты никогда его не любила. Скажу, кто его настоящая мать. Сара, я скажу ему все».

– Когда мы познакомились, она уже сидела на наркотиках, а я об этом не знал. Мы встречались недолго, но она успела забеременеть. Я сообщил в социальные службы, что она наркоманка, ее вызывали, но она не являлась на прием, и я очень беспокоился о ребенке.

Держу на руках спящего Джо. Вдруг он открывает глазки, смотрит прямо на меня и, опустив длинные реснички, опять засыпает.

– Ребенок родился здоровым, и его сразу отдали мне. Было непросто, но все-таки со мной ему лучше, чем с ней. – Поправляя одеяльце, Патрик гладит мою руку, и по телу пробегает ток. – Месяц назад она умерла от передоза.

– Бедненький! – говорю шепотом и одним пальцем провожу по нежной младенческой щеке.

– Нет, с такой матерью Джо было бы только хуже.

А мне жаль ту незнакомую девушку, которой не довелось поддержать на руках свое собственное дитя.

– Сара, я должен был все рассказать сразу, в нашу первую ночь, но все было так чудесно, и я не хотел разрушать ту волшебную атмосферу.

Это могло бы меня отпугнуть. Молчу достаточно долго, чтобы вспомнить, как я ждала его звонка. Патрик прав. Все было восхитительно.

– Джо заслуживает лучшей матери, – продолжает Патрик.

По телу бегут мурашки. Надеюсь, он говорит не обо мне.

Глава 38

Сара

Задыхаясь от боли, с трудом пробуждаюсь от кровавого кошмара. В подвале темно, не могу понять, день сейчас или ночь. В горле дерет, бросает то в жар, то в холод. По бедрам струится тепло – похоже, у меня кровотечение.

Но что это за звуки? Слышу шепот женщины, плач ребенка. Я очнулась или все еще вижу страшный сон? А может, мне в затылок дышат холодом дочкины призраки? Лежу в подземелье, истекаю кровью, а в голове эхом отдаются слова Патрика: «Уже после того, как я встретил тебя, зашел к матери Джо и увидел, что она опять подсела на героин. Ребенок плакал, и я забрал его. Унес со всеми детскими вещами. Ее родные даже не знали, что у нее сын. Я сказал ей, что она больше никогда его не увидит. Она билась, умоляла оставить ребенка, но я так ненавижу ее – и за то, как обращалась с моим сыном, и за то, как жила сама. Кругом валялись наркотики, и внушить, что для нее лучший выход – умереть, оказалось нетрудно. Сара, Джо достоин лучшей матери, и я забрал его для тебя».

Это признание превратило меня в соучастницу. Я чувствовала себя виноватой не меньше, чем похититель. Но после того как я нашла ту старую фотографию, стало ясно: Патрик мне все время лгал.

Наконец удастся сесть. Скрипит дверь. Отползаю к стене. Не хочу его видеть, не готова, не...

Это не Патрик. В дверном проеме стоит Анна – бледная, притихшая, в той же одежде, что вчера. Неужели она следила за нашим домом и всю ночь провела на улице? И Анна же подбросила снимок, где мы с Беном сидим в кафе. Теперь мне ясно зачем.

– Дверь, по крайней мере входная, была открыта. Я без приглашения. Надеюсь, ты не против? Увидела замок на подвале – и догадалась, что ты здесь. В семейке Уокеров он всегда служил местом наказания.

– Анна, прости меня!

Она достает из пакета потрепанного медвежонка. Его голубой ворс давно превратился в грязно-серый.

– Помнишь, ты спросила меня о ребенке, я ответила, что у меня никогда не было детей? – Мокрые от слез глаза Анны устремлены куда-то

вдаль. – Я тебя обманула.

Если бы не та старая фотография, могла бы я сама обо всем догадаться? Не уверена. Я с Анной раньше знакома не была, не знала, что...

– Патрик говорил, что ты покончила с собой.

От моих слов Анну передергивает. Перевожу взгляд на ее исчерченные шрамами запястья.

– Я пыталась, много лет пыталась. Меня он тоже обманул. Сказал, что наш сын умер.

– Умер? Что значит «умер»?

Конечно, Анна замечает и мою испуганную физиономию, и опухшие губы, и красные глаза, видит запекшуюся в волосах кровь.

– Патрик получил конверт со снимком? – спрашивает она.

– И не только его, но и все посылки, что ты оставляла на пороге.

– А ты не сразу догадалась, что это моя работа, – усмехается Анна.

– Даже в мыслях не было. Я же считала тебя подругой.

– Подругой? Меня? – Ее улыбка исчезает без следа. – Господи, ну ты просто идиотка!

Отвожу глаза. Как только я поняла, кто она, стало ясно, что ее дружеские чувства – чистое притворство.

– Я не могу... Не могу понять: этими письмами, фотографией... Чего ты добивалась? И за домом тоже следишь ты? И раньше следила, с самого переезда?

Она кивает.

– И раньше тоже. Я видела, как вы приехали. Патрик – самодовольный, в красивом костюме, – привез в свой чертов идеальный дом свое чертово идеальное семейство. – Анна переводит взгляд на игрушку, которую не выпускает из рук. – Я не разозлилась, нет. Мне стало больно. Очень больно. Патрик уехал, начал все с чистого листа и с новой распрекрасной подругой, как и мечтал, завел расчудесных детей. А я так и осталась ни с чем. Моя жизнь превратилась в ад.

Анна с такой силой мнет и терзает медвежонка, что, кажется, сейчас его разорвет.

– Это было невыносимо, – продолжает она. – Я хотела настроить Патрика против тебя, показать, что твоя счастливая семейная жизнь не стоит и ломаного гроша. Я знаю твоего мужа. Сколько бы ты с ним ни прожила, все равно я знаю его лучше, чем ты, – спускаясь ступенькой ниже, говорит Анна. – На этот раз его манера держаться меня восхитила. Во времена нашего знакомства он такого совершенства еще не достиг. Тот

Патрик был вспыльчивым и заводился с полоборота. – Помолчав с минуту, Анна поднимает глаза: – А ракушки, которые ты нашла на крыльце, ему понравились? Я любила их собирать, а он пришел однажды и, разозлившись, не помню на что, разбил вдребезги все до единой. Расколотил и ушел.

Анна запускает руку в волосы. Они топорщатся вверх. Была ли в рассказах Патрика о матери Джо – о наркотиках, о плохом обращении с младенцем – хоть капля истины? В улыбке Анны, в форме ее рук узнаю моего мальчика. Никаких прав на него у меня нет, но он был и навсегда останется моим сыном.

– Толкая тебя к Бену, я надеялась, что Патрик обо всем узнает и взбесится. Я видела, как ты поднимала мои ракушки. В каждую я нашептала послание – послание Патрику, а ты вносила их в дом. Уж очень мне хотелось вывести твоего муженька из равновесия.

– Чего же ты добивалась? – спрашиваю снова. – Старалась так его разозлить, чтобы забил меня до смерти?

– Нет, нет. Я хотела... Ты украла мою жизнь. Сначала я просто думала, что Патрик бросил меня и завел новую девушку. Потом, когда узнала, сколько лет Джо, я поняла все, поняла, что сделал Патрик на самом деле.

Не нахожу слов, только качаю головой.

– Анна...

– Не называй меня так! Мое настоящее имя – Ева.

– Ева, прости. Прости меня. Если б я знала, что ты жива, я бы никогда...

– Никогда что? Не украла бы моего сына? – Анна спускается по ступенькам, и ее пальцы впиваются мне в запястье.

Когда их давление немного ослабевает, хочу вырваться и убежать. Но она плачет, и я не двигаюсь с места. Много в облике этой женщины давно казалось мне знакомым. И как я раньше не догадалась? Ведь они с Джо очень похожи. Я видела в нем только отцовские черты. Мальчика это огорчало, портило ему жизнь. Теперь, оказавшись лицом к лицу с его биологической матерью, я понимаю, на кого похож мой сын. И он бы сейчас сразу догадался, кто его родная мать, а кто – лживая мачеха.

– Я вернулась, – продолжает Анна. – Я не думала, что задержусь так надолго. Когда пришла, Патрик сказал, что Джо умер. Умер. Из-за меня. Потому что я оставила его без присмотра. Тогда я бросилась бежать и...

Так вот как Патрик поступил с Анной, с Джо, со мной. Охвативший меня ужас граничит с физической болью.

– Ева, Патрик не хотел, чтобы Джо был моим сыном, и не собирался на

мне жениться. Не давал его усыновить, как я просила. Я ведь считала, что ты умерла. Однажды Патрик предложил мне стать его женой, но больше ни разу об этом не вспомнил. Одна только ложь и притворство. По всем правилам я мальчику даже не приемная мать. Патрик сделал все, чтобы этого не случилось.

– Сара, что ж ты, даже ребенка не смогла украсть по правилам? – усмехается Анна.

– Я же не знала, что Патрик его похитил. Если б знала, я бы никогда...

– Лжешь.

– А где Миа? Что ты сделала с ней?

– Волнуешься? Думаешь, я в отместку украду твою дочь?

– Ева, пожалуйста...

– Она в порядке. Я рассказала ей несколько правдивых историй, сообщила, кто ты есть на самом деле и что сделала. Больше ничего. Она не хотела слушать, – отступая на шаг, продолжает Анна, – кричала, ругалась, а Джо... Джо – несмотря ни на что – бросился тебя спасать.

– Что ты имеешь в виду?

– Он здесь.

– Что?

– Джо здесь. Я видела, как он вошел. Дверь осталась открытой, а я подождала и... тоже вошла. В доме было тихо, я не... – отступая на шаг, говорит Анна.

Вскакиваю на ноги.

– Мы должны спасти Джо. Все, что он узнает от Патрика, опять будет сплошной ложью, новой ложью, потому что он уверен: нет для меня страшнее наказания, чем причинить зло моему сыну.

– Нет, пусть Джо узнает правду. Тогда он опять станет моим.

– Ты думаешь, Патрик скажет правду? Он будет врать, плести небылицы про наркоманку, которая его обижала, бросила без присмотра, отчего младенец чуть не умер.

– Нет, – Анна трясет головой. – Нет, нет и нет!

– Ты же знаешь Патрика, знаешь, на что он способен. Он хочет и проучить меня, и наказать Джо, который уходит из дому из-за отца. Только представь, что сейчас будет. Джо несколько раз резал себе вены. Как ты думаешь, что он сделает, если Патрик обрушит на него свою ядовитую ложь?

– Я убью его. Если хоть один волос упадет с головы моего сына – убью.

* * *

«В доме-убийце обнаружены еще два трупа. Неопознанные тела мужчины и женщины вывезены полицией».

Заголовок из газеты «Вестерн мейл», май 2016

Анна

Мне снится дом – не дом-убийца, а просто этот дом, только коридор во сне длиннее, и в конце есть еще одна дверь. В прежних снах я бежала по бесконечному коридору и думала, что никогда до нее не доберусь. Теперь точно знаю, что на этот раз дойду до конца. Но я не хочу. Потому что есть другая дверь. И она открыта.

Против воли заглядываю внутрь: комната в голубых тонах, она предназначена для мальчиков. Там стоит кровать. Белая. И пустая.

Ты бросил меня в этом доме, когда он еще не был домом-убийцей. Оставил беременную со своими родителями, а сам уехал продолжать учебу в университете.

Я очень старалась и за всю беременность выпила не больше двух бокалов вина и выкурила не больше двух сигарет. Твои родители не обращали на меня никакого внимания, время тянулось так долго, так мучительно...

Когда настал срок, твои мать с отцом в больницу меня не отвезли. Рожать пришлось дома. Они никому не сообщили, что малыш появился на свет. И ты, когда вернулся, тоже сказал, что мы должны все сохранить в тайне.

Дом был темный и холодный. Даже там, где им неоткуда было взяться, гуляли сквозняки. Они высасывали из меня все соки, все силы. Я ходила по дому, включала свет и отопление, а твои родители следовали по пятам и все вырубали. Когда возвращалась с ребенком с прогулки, входная дверь вызывала во мне приступ страха, а в мрачном холле мучительно тянуло к спиртному. Как я хотела, чтобы кто-нибудь из старых друзей прикатил мне полную тележку какой-нибудь наркоты.

Плохо было не только мне, но и ребенку. Он все время плакал – и днем, и ночью. Твоих родителей это раздражало. Они закрывали нашу дверь, требовали тишины. Я очень старалась, чтобы они не злились, и все время

баюкала плачущего малыша. Когда дом у них отобрали, из него постепенно вывезли весь скарб. В запертом доме мы с сыном остались совсем одни. Я так любила его, делала для нашего малыша все что могла. Я валилась от усталости. Когда удавалось уснуть, мучили кошмары. Я просыпалась от каждого звука, от неясного шепота, который мерещился мне в скрипах и шорохах старого дома. Ребенок заболел, он плакал, кричал... Я больше не могла этого выносить.

Настала моя очередь, и я тоже убежала. Вылезла через окно и спустилась по дереву. Думала, что скоро приду обратно... И – словно провалилась в какую-то черную дыру, потеряла счет времени.

Нет, прошли не недели, не месяцы, а день-два, но, когда я вернулась, оказалось, дом уже продан. Я испугалась. У меня был ключ, я влетела в твою бывшую комнату и увидела тебя. Стоишь у кровати. Она была совсем маленькая – вроде корзинки на качалке. Я даже не помню, как она называлась, – такая была хреновая мать.

Ребенок не плакал, и я решила, что ничего плохого не случилось. Значит, не так долго меня не было, и жизнь скоро наладится. Ты приехал, забереешь нас, мы уедем из этого дома, я завяжу с наркотиками, и все будет хорошо.

Но ты... Нет, ты не злился. Я бы хотела, чтобы ты закричал, ударил меня – я заслужила. Но в твоем взгляде не было ни боли, ни горя. Стою в дверях, а ты – холодный и мрачный, как этот дом, – одной рукой качаешь кровать. Люлька – так, что ли, она называется?

– Смотри, – сказал ты.

И я увидела, что кровать пуста.

– Ты ушла и никому ничего не сказала. Родители сюда не приходили, ведь они не знали, что тебя нет. Ребенок заболел, а ты его бросила. – При этих словах твое лицо исказилось гневом. – Наш сын умер. Его убила ты. – От ужаса у меня внутри все оборвалось, не осталось ничего, кроме безумной, все выжигающей боли. – Тебе лучше уйти. А то я позвоню в полицию и расскажу, что ты натворила. Уходи.

Этот дом превратился в дом-убийцу еще до того, как Хупер убил здесь Эвансов. И виной тому была я.

Саре я сказала, что детей у меня нет. Но у меня есть сын. Я только думала, что его нет.

Я добежала до конца коридора. Не во сне, а наяву. Там есть дверь. Другая дверь, и она открыта. И кровать. Пустая, потому что ребенок умер. Нежное тельце, пахнувшее детской присыпкой, шелковые темные волосики, пухлые ручки, беззубая улыбка, розовые десны... Нет, мой

ребенок жив. Жив! Я не оставила его на погибель. Это Патрик украл моего малыша и отдал неизвестно кому.

Глава 39

Сара и Патрик, 1998 год

– Ты правда не против?

Он уже в пиджаке, одной рукой держится за ручку двери. Никакой это не вопрос, Патрик знает, что отказать ему я не могу. Конечно, его деловая встреча гораздо важнее моей учебы. И потом, если бы не подвела нянька, не бросила ребенка без предупреждения, Патрик никогда бы не попросил меня о помощи.

– Конечно. Пока ты не найдешь другую няню, которой сможешь доверять, я побуду с Джо. А учебу потом наверстаю.

Малыш спит у меня на руках, ему что-то снится, на розовых щечках подрагивают длинные черные ресницы.

Патрик наклоняется, целует меня, и от воспоминаний о прошлой ночи по телу пробегает сладкая дрожь.

– Спасибо, – шепчет он и уходит.

Джо спит еще целый час, а я все это время просто смотрю на ребенка. Разглядывала ли я раньше маленьких детей так близко? Может быть, только в детстве, когда видела соседских малышек. У Джо такие крохотные ноготки, пухлые растопыренные пальчики; ручки и ножки в складках, «перевязочках», и очень нежная кожа. Каждый раз, проходя мимо, не могу удержаться и беру его на руки, глажу по головке, целую в щечку.

Прошло два месяца, и Патрик сказал, что малыш меня уже узнает. И правда, увидев меня, он всегда радуется и так широко улыбается, что мое сердце тает от умиления. Он такой красивый, даже Патрик не такой красивый, как Джо. Интересно, как выглядела его мать? Я просила показать ее фотографию, но у Патрика ее нет. Жаль. Что он скажет сыну, когда тот вырастет и станет расспрашивать о матери?

Больше всего мне нравится кормить малыша. Я даю ему бутылочку, он сосет молоко и, не отрываясь, смотрит на меня своими черными глазками. Я не могу сдержать улыбки, и Джо улыбается в ответ, а из уголка губ вытекает молочная струйка.

Конечно, вначале я влюбилась в Патрика, но и Джо я люблю не меньше.

Временно, потому что Патрик никак не мог найти подходящую няню, я переехала к нему. Не скажу, чтобы меня это напрягало. Каждая ночь – все ночи – принадлежали Патрику, а дни – все дни – Дžo. Они были заполнены прогулками в парке, кормлением из бутылочки, баюканьем, колыбельными песенками, сменой памперсов, младенческим лепетом, мягкими игрушками. Чтобы Дžo не смог дотянуться до моих альбомов и других рисовальных принадлежностей, я убрала их подальше. Так посоветовал Патрик, хотя Дžo был еще слишком мал и ничего с пола не подбирал, потому что не умел ползать. Конечно, Патрик был прав: полезные привычки нужно вырабатывать заблаговременно.

С его возвращением все менялось: он целовал меня в шею, по телу пробегала дрожь, и я была готова сорвать с него одежду прямо на пороге. Патрик и Дžo заполнили всю мою жизнь, кроме них мне никто не был нужен. Иногда я весь день ходила в пижаме. Зачем одеваться, если Патрик, вернувшись с работы и едва дождавшись, когда малыш уснет, поспешит меня раздеть?

Мы прислушиваемся, ждем, когда ребенок успокоится. У меня пересыхает во рту. Патрик наклоняется, его рука забирается под футболку, он меня целует, укладывает на софу, а я, сгорая от страсти, расстегиваю его рубашку. Иногда ждать невозможно, и я тяну ее с такой силой, что пуговицы разлетаются в разные стороны, а на следующий день Дžo с интересом наблюдает, как в поисках пуговиц я ползаю по полу и шарю под креслами.

Макияж Патрику не нравится. Он всегда стирал с моих век подводку, поэтому краситься я тоже перестала. Кэролайн, появившись однажды в дверях, воскликнула удивленно:

– Боже, что с тобой?

Отступаю назад. Про Дžo я ей еще не говорила. Скажу, но не сейчас. Скорее всего, она меня не поймет.

Кэролайн выглядит карикатурно, напоминает шарж на ту Кэро, которую я когда-то знала: розовые волосы, стрижка а-ля боб, глаза густо обведены черным, а в носу – серьга-гвоздик с голубым камешком.

Представляю, что подруга думает обо мне: босая, в футболке и пижамных штанах, без нижнего белья, без макияжа, невзрачные пепельные волосы. Контраст разительный.

– Ты что, бросила колледж? – спрашивает Кэролайн, меряя шагами

комнату.

Отрицательно качаю головой.

– Нет, это временно. Нужно помочь Патрику.

– Мистер Ди сказал, ты написала письмо, что больше не вернешься. Ничего я не писала.

– Это какая-то ошибка, – говорю, озадаченно хмуря брови. – Я только на время...

– Тебя не было на занятиях почти два месяца, – говорит Кэролайн. Остановившись, она сверлит меня взглядом.

Неужели прошло два месяца? Пропустила почти целый семестр...

– А почему ты мне не перезванивала? – спрашивает подруга.

Надо быть настороже.

– Как не перезванивала?

– Разве Патрик не передавал тебе, что я звонила?

– Наверное, он забыл.

– Забыл целых десять раз?

Кэролайн ждет ответа, а я не знаю, что сказать. Я здесь на звонки не отвечаю. Это было бы неправильно: ведь я не у себя дома. Патрик, конечно, берет трубку, я слышала, правда, он ни разу не упомянул, что кто-то звонил мне. Надо связаться с мамой. Я даже не помню, когда последний раз слышала ее голос.

– Сара, тут что-то не так. Он... он дурит тебе голову, промывает мозги или что-то в этом роде. Тебе не кажется странным, что он ходит по пабам, а ты уже несколько месяцев нигде не показываешься?

– Ты видела его в пабе? – О чем говорит Кэролайн, я не знаю. И почему в паб, где собираются мои друзья, Патрик ходит без меня? Не может такого быть. Не знаю зачем, но она, похоже, врет. – Тебе сейчас лучше уйти, – говорю, подталкивая ее к двери. – Я обязательно позвоню, честное слово.

– Выслушай меня, пожалуйста. В Патрике есть что-то очень странное. Это серьезно.

Только выпроводив Кэролайн, прислоняюсь к закрытой двери и облегченно вздыхаю. Подруге не нравится, что Патрик не похож ни на кого из наших друзей, вот ей и пришлось сочинить историю про паб. Но Патрик как раз отличается от них в лучшую сторону: у него уже есть достойное жилье, работа и ребенок. Конечно, он другой, но другой – не значит плохой.

Вынимаю из кровати Джо, прижимаю его к себе. Чувствую приятную тяжесть и тепло. А малыш сразу успокаивается, перестает

плакать. Напевая песенку, несу его в кухню, подогреваю бутылочку. Что же мне делать? Бросить Джо и вернуться в свою студенческую квартиру? Но стоит только положить его, даже на пять минут, и рукам чего-то не хватает. Нет, расстаться с Джо я не смогу.

Глава 40

Сара

Анна уходит, а я не могу сдвинуться с места. Нужно догнать ее, остановить... В глубине души хочу спрятаться, отсидеться в подвале, ждать наказания, ждать, когда все закончится, когда Патрик наконец скажет, что можно выходить. Разве не так я веду себя все эти годы? Безучастно жду развязки. «Хорошая девочка», – шепчет мне внутренний голос, но горький привкус во рту не проходит. Опускаю веки. Не сплю. Вспоминаю.

Открываю глаза, набираю воздух в легкие. Нет, не Анна должна остановить Патрика. Его изуверская ложь, все, что он сделал со мной, с Миа, Джо...

Бегу вверх по лестнице. Анна в холле – бледная, ладони прижаты к губам. Смотрит в кухню. Там Джо. Стоит вполоборота, на лицо упала прядь черных волос. Похож на Патрика. И на Анну. Мальчик дрожит. У него в руке нож, на пол капает кровь, много крови... Патрик, конечно же, все рассказал сыну, а он, нащупав вену, так глубоко себя ранил... Столько крови! Как он еще держится на ногах?

– Джо...

– Он все сказал. Сказал, что ты мне не родная.

Подхожу ближе. Джо отстраняется. В трясущейся руке стиснут нож.

– Я...

– Не надо... Отец рассказал про настоящую. Она была наркоманкой и меня не хотела. Никогда не хотела. И бросила, чтобы я умер.

Из холла доносится звук удаляющихся шагов. Неужели Анна опять убегает?

– Прошу тебя, Джо, давай перевяжем руку. Нужно в больницу...

– Кровь не моя, – говорит он, взглянув на окровавленные ладони.

– А чья?

– Его. Я... Я, кажется, его убил.

Сара и Патрик, 1998 год

– Ты выйдешь за меня?

Патрик делает предложение. Я смеюсь. Пытаюсь прикрыть рот рукой, но поздно. Мой смех звучит как пощечина. Хочу извиниться и невольно умолкаю. Вскинув руки, Патрик идет прямо на меня. Отступаю. Он что, собирается меня ударить? Может, Кэролайн говорит правду? Он останавливается и – проводит руками по волосам.

– О господи! Прости, пожалуйста, прости. Я люблю тебя. Предложил тебе руку и сердце, а ты засмеялась. Я не должен был... Я бы никогда... Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, но замуж? – мой голос дрожит. – Извини, растерялась. Мне девятнадцать лет, и я еще учусь.

– Все не совсем так, особенно теперь. Когда ты была в колледже последний раз? Ты живешь здесь и нянчишь Дžo. Ты ему как мать. Мы поженимся, купим дом на побережье, пойдут дети. Я всегда мечтал снова поселиться у моря. Все будет чудесно.

Да, но... А как же моя карта? Карта мира, на которой я обводила кружками города и закрашивала страны, куда хотела бы добраться? Как наши планы – когда получу диплом, совершить грандиозное путешествие? Я собиралась начертить на ней свою кругосветку.

– Кстати, кто написал письмо в колледж? Ты получал сообщения от Кэролайн? Почему не сказал мне ни слова? А как насчет мамы? Она тоже звонила?

Хватаю сумку и вскакиваю.

Патрик в панике.

– Только потому, что твое место здесь, со мной, с Дžo.

– За вещами приду потом. Мне нужно подумать. Возвращаюсь к Кэролайн, а с тобой поговорим позже, – выпаливаю и как можно быстрее хочу сбежать.

Почему я раньше не замечала, какая маленькая эта квартирка?

– А Дžo? Ты его бросишь?

Застываю на месте. На миг забыла, что в комнате напротив стоит кровать и в ней спит Дžo. Он пахнет молоком и присыпкой, в его нежном животике детская смесь и морковное пюре.

– Отдай его мне. Ты так занят на работе, а я присмотрю за ребенком. Можно, я возьму Джо?

– Нельзя. Он не твой.

Сказал – как ужасил.

Патрик закрывает руками лицо и чеканит каждое слово:

– Если уйдешь, больше никогда Дžo не увидишь.

У малыша уже два зубика, он начинает есть твердую пищу. Как все

груднички, что-то лепечет – еще не слова, только звуки. Бормочет «ма-ма-ма», улыбается мне, обвивает ручонками шею, и мое сердце всякий раз тает от любви.

– Если не останешься, я отсюда уеду, – говорит Патрик, – увезу сына туда, где ты никогда его не найдешь. Все равно никаких прав на него у тебя нет. Считай, что он умрет.

Джо хнычет.

– Наверное, голодный. Ищет тебя, удивляется, куда ты пропала.

– Патрик, пожалуйста, возьми его на руки.

– Если не уйдешь сейчас... Если не уйдешь – станешь ему настоящей матерью. Он вырастет и будет называть тебя мамой. Всегда.

Джо кричит все громче, все настойчивее. Он не только хочет есть. Похоже, у малыша режется еще один зубик.

Патрик смотрит на меня умоляюще.

– Сара, пожалуйста... Подумай. Подумай о нас. То, что с нами происходит – с тобой, со мной и Джо, – это так прекрасно! И так будет всегда.

Всегда? А я этого хочу? В девятнадцать лет засесть дома с ребенком? Поднимаю глаза на Патрика и опять все забываю: мы снова кружимся в танце. Я вспоминаю те ночи, когда малыш не мог уснуть. Патрик не сердился. Он просыпался вместе со мной, подходил к ребенку, обнимал нас обоих. Я напевала, баюкая Джо, и мы – все втроем – танцевали, пока он не уснет. Слушая мои колыбельные, Патрик улыбался. От его обезоруживающей улыбки у меня всегда сжимается сердце. Я не могу его бросить. Я не могу бросить их обоих.

Достав из кармана сверток, Патрик – в его глазах стоят слезы – открывает бархатную коробочку и дрожащей рукой протягивает мне бриллиантовое кольцо.

– Прошу тебя! Будь моей женой. Останься с нами. Не уходи!

Сара, Анна, Патрик и Джо. Сейчас

Патрик еще жив. Он дышит часто, тяжело, но этот свистящий хрип означает, что Джо не убийца. Сын держит нож, рука в крови, в отцовской крови. Если позвоню в «Скорую», Патрика спасут, но полиция задержит Джо. Моего прекрасного хрупкого мальчика упрячут в тюрьму. Патрик следит за мной, видит, что я в нерешительности.

Где же Анна? В холле ее нет. Это она должна была убить Патрика, она,

не Джо. Только не Джо. Холодеют руки, холодеют ноги, цепенею. Боже, что делать? В панике замираю: Анна... Она звонит в полицию, они уже мчатся сюда, сейчас они арестуют сына.

Он бросает нож, и звук удара выводит меня из паралича. Хватаю Джо, тащу его в ванную, подставляю руки мальчика под кран. Вода такая горячая, какую только можно терпеть. Я мылю, тру их до тех пор, пока не остается никаких следов крови. Джо весь дрожит.

– Отец рассказал мне про мою настоящую мать.

Я киваю.

– Прости меня. Прости, что это скрывала.

– Раньше я думал, что вы меня усыновили, но потом понял: этого не может быть. Разве каждый встречный не твердит, что я – вылитый отец? Почему ты ничего не сказала?

– Отец говорил... Он всегда говорил, что это тебя убьет. Он считал тебя слишком ранимым и думал, если узнаешь правду о настоящей матери, то сломаешься. Я верила ему, соглашалась, боялась тебя потерять. Если бы тебя растила та женщина, кем бы ты стал? А я ведь была тебе хорошей матерью.

В моем голосе звучала мольба. Пусть Джо скажет, что я права и не зря верила Патрику, который обманывал меня всю жизнь.

– Ты рисуешь, ты ходишь в колледж, у тебя есть Саймон.

Джо смотрит на свои дрожащие руки.

– Всю жизнь я думал, что внешностью пошел в отца, а способностями – в тебя. Он сказал, что моя мать умерла. Сказал, что у нее была послеродовая депрессия, что она была наркоманкой и умерла от передоза. И всё из-за меня.

Джо сжимает кулаки и отступает.

– Теперь понимаю, почему ты меня не любишь, почему меня никто не любит! – шепчет он.

Беру в ладони его лицо и не даю отвести взгляд.

– Я всегда тебя любила. И только поэтому осталась с Патриком. Уйди я тогда, он бы тебя увез. А я не могла тебя потерять. Ты мой сын, мой малыш, мой ребенок. – Вытираю навернувшиеся слезы. – Жаль, что я так глубоко прятала свои чувства. Боялась, что Патрик использует их против меня.

– Мама, что я наделал? – шепчет Джо. Он чуть не плачет. – Отец меня так разозлил... Я перестал соображать. Этот нож... Он лежал рядом, я просто схватил его и...

Джо побледнел. Пугаюсь, что он потеряет сознание, обнимаю своего

мальчика.

– Что теперь делать? – спрашивает он, а меня снова охватывает паника. – Мы должны вызвать «Скорую». Я... Я не хотел его убивать. Просто хотел, чтоб он заткнулся. Не мог больше слышать...

– Постой, – делаю глубокий вздох, отступаю на шаг. – Ты его не убил, он не умер. Я поговорю с ним. Он твой отец. Он не желает тебе зла. А сейчас... Я прошу тебя, найди Миа. Ничего ей не говори. Скажи только, что со мной ничего плохого не случилось, что ты разговаривал со мной, что я осталась с отцом, а тебя просила уйти.

Джо отрицательно качает головой, я настаиваю:

– Уходи. Такой встряски ты не выдержишь. А мне нужно время, чтобы отец тоже это понял... – Не давая оглянуться на распростертого на полу Патрика, подталкиваю Джо к выходу. – Иди. Надо найти Миа.

Открываю дверь – на пороге Анна. Смотрит на Джо, словно видит в первый раз. Да так оно и есть. Раньше она считала его моим сыном, теперь перед ней ее собственный. Мне столько пришлось из-за нее пережить, но все равно ее жалко. Семнадцать лет жизни Джо она потеряла.

– Я звала тебя Джош, – шепчет Анна.

– Он не знает, – говорю, касаясь руки сына.

– О чем? – Он переводит взгляд на гостью.

– Отец лгал, лгал нам всем. Сказал, что твоя настоящая мать умерла, но это неправда.

Анна и Джо молча смотрят друг на друга. Как он на нее похож! Где она была все это время? Где она была все эти годы, пока он выросл?

– Если б я знала... Если б я знала, то не зашла бы так далеко. Я хотела умереть, но не хватило сил. – Умолкнув, Анна рассматривает свои руки.

А Джо растирает свои. Вот почему Патрик ничего не хотел говорить сыну. «Он так на нее похож, – настаивал Патрик, – она всегда была слабохарактерной, безвольной. Ее сломала семья. Ты же не хочешь, чтобы Джо стал таким же? Она умерла. Больше ничего ему знать не надо».

Джо должен принадлежать мне. Так хотел Патрик. И я согласилась. Я поверила мужу. Поверила, что родная мать не станет искать Джо, что ее нет в живых. Я назвалась Евой, притворилась, что Сара – мое второе имя, и стала матерью Джо. Нужно было проявить настойчивость. Если бы знала, что Анна жива, никогда не стала бы ему лгать. Ни за что.

Анну – резкие морщины, бескровные губы – колотит, но в полных слез глазах ни горя, ни печали.

– Умер? – спрашивает она.

Отрицательно качаю головой.

– Слушай, Анна, – хватаю ее за руку и стараюсь убрать с дороги, – если мы не поможем, у Джо будут проблемы с полицией.

– Мы?

Набираю воздух в легкие.

– Ты можешь ему помочь. Ты. Его мать.

– Это ложь! Опять ложь! Хочешь спасти Патрика? Хочешь спровадить меня, чтобы я не прикончила этого ублюдка своими руками?

– Нет, не ложь. Патрик рассказал о тебе Джо, рассказал, но так все извратил, что мальчик сорвался. Мы должны его спасти.

Анна заглядывает в холл и снова смотрит на меня.

– Это твоих рук дело, – говорю. – Письма, подарки... Патрик распсиховался, взбесился. Как ты и предсказывала, события развивались стремительно.

– Я совсем не хотела поссорить его с сыном! Я хотела, чтобы Патрик разозлился на тебя!

– И подсунула ему фотографию. А знаешь, как потом муж обошелся со мной? А с Миа? А с Джо? Причиненное тебе когда-то зло обрушилось и на нас.

Анна отбрасывает мою руку и прикрывает глаза. Кажется, вот-вот потеряет сознание. Поддерживаю, чтобы не упала. Она прислоняется к стене и сползает на пол.

– Что мы можем сделать? – спрашивает Анна.

Смотрю на Джо.

– Нужно поговорить с Патриком. Если я сообщу полиции, как он поступил со мной и Беном... Ты можешь рассказать свою историю. Патрик не захочет, чтобы все это вскрылось. И тогда... Тогда мы замнем это дело.

Я нервничаю, дыхание перехватывает, голос прерывается. Говорю все это для Джо, сама себе не верю. Во что бы то ни стало его надо выпроводить из этого дома.

– Мама! – Джо смотрит мне прямо в глаза. – Пожалуйста, не надо! Тогда в больнице ты обещала, что никогда не уйдешь.

– Не волнуйся, – голос Анны спокойный, ровный. – Мы все утрясем. А теперь иди, куда велела Сара. Не волнуйся.

Вывожу сына за дверь.

– Ничего не понимаю, – говорит он, оглядываясь.

– Твой отец тебя обманывал. Я тоже... Клянусь, я верила, что твоя мать умерла. Если б знала, что она жива, скрывать бы не стала.

– Не могу... Не могу поверить, что это моя мать.

Беру сына за руку.

– Джо, пожалуйста, только не сломайся на этом. Чья ДНК – значения не имеет. Твоя мать – это я. Может, не самая лучшая, и все-таки, поверь, я люблю тебя. Поверь мне, я все устрою. Пожалуйста, отыщи Миа, и ждите меня. Обещаю, все будет хорошо.

– Я поверил Миа, поверил в ее глупые мечты о героях, о светлом будущем. Начал думать, что оно и правда наступит и я тоже – когда-нибудь потом – буду счастлив.

– Конечно, будешь. А сейчас иди.

Он колеблется, потом прорывается ко мне. Чувствую, он боится, что я, как обычно, отвернусь. Но я не двигаюсь, и Джо целует меня в щеку.

– Мам, ты обещала. Найди нас, не забудь.

* * *

Возвращаюсь в дом-убийцу. Патрик уже на ногах. Не умер. Значит, еще есть время спасти Джо. Патрик – скрюченный, руки сцеплены на животе – устался на Анну.

– Ты сказал, что наш сын умер, – шепчет она.

Патрик отводит глаза.

– А ты ушла, ты его бросила.

– Но я вернулась, а ты сказал, что Джош умер... Как ты мог?

– Ты была пьяна. Пьяна и ни на кого не похожа. Пришла через три месяца и думала, что сможешь опять его получить?

– Но это же мой сын!

– Нет. Ты его не заслужила, – почти кричит Патрик и вдруг умолкает, хватая ртом воздух.

– Не тебе, скотине, об этом судить.

– А разве то было только мое решение? Ты ни разу не спросила, где он похоронен. Поверила на слово и опять сбежала. Ты была рада избавиться от материнских обязанностей.

Анна отступает на шаг, качает головой.

– Неправда. Я думала, Джош умер. Ты убедил меня, что он умер.

Патрик дышит часто, поверхностно.

– По твоему лицу видел... Испытала облегчение.

Он поднял оброненный сыном нож и, шатаясь, подступает к Анне. Бросаюсь, отталкиваю ее.

Патрик поворачивается ко мне. Бледный, истекающий кровью, но все еще сжимает рукоять.

– Сара! – В его голосе слышится раскаяние. – Знаешь, я сам просил Джо меня убить. Говорил тебе, что умру, если ты уйдешь. Ты всегда это знала.

Он набирает в легкие воздух, морщится, судорожно выдыхает. Я дрожу. Пора это прекратить. Нам всем нужно бежать из этого дома.

– Ты собираешься меня прикончить? – шепчет Патрик. – Отправила Джо и хочешь довершить то, что не удалось ему?

Не отвечаю.

– Ты знаешь, я пытался тебя удержать.

– В этом не было необходимости. Когда мы впервые встретились, когда ты принес сына, я сама захотела остаться.

Он отводит взгляд.

– Это ты сейчас так говоришь. А надолго бы тебя хватило? Устала бы, заскучала или встретила другого. Я должен был это предвидеть и заранее принять меры.

За первые несколько лет брака наши отношения с Патриком – когда-то я могла танцевать с ним даже без музыки – сильно потускнели. Я вела жизнь домохозяйки, он делал карьеру. Мы отдалились друг от друга, танцы остались в прошлом. Географическая карта, которую я так берегла, пропала, краски были заброшены, холсты покрылись пылью. Патрик все еще лелеял свою странную мечту об идеальной жизни, главное место в которой занимал этот дом. А я мечтать перестала и превратилась в пародию на идеальную жену из грез своего мужа.

– Когда-то я любила тебя, а теперь ненавижу. Ненавижу. Ты оказался совсем не тем, за кого себя выдавал.

Говорю шепотом. Осторожно. Надо быть осторожнее. Лицо Партика искажается яростью.

– Ты скажешь полиции, что меня ранила ты, а не Джо? Да они тебе не поверят. Ты никогда не умела врать, Сара. Знаешь, что тогда будет?

Патрик очень бледен, лужа крови под ним все увеличивается, глаза прикрыты, кажется, он вот-вот упадет; пальцы, стискивающие нож, ослабляют хватку. У меня замирает сердце: это конец, Джо действительно убил своего отца. Нужно бежать! Найти детей и бежать.

Искушение длится не дольше секунды. Вечное ожидание этого стука в дверь. Его жду не только я, но и Джо. Как бы далеко мы ни убежали, страх перед человеком с окровавленным ножом никуда не исчезнет.

Я этого больше не вынесу. Невыносимо еще двадцать лет жить под дамокловым мечом. Пусть лучше Патрик убьет нас этой чертовой штуковиной прямо сейчас. Я могу защитить Миа и Джо, принять удар на

себя. Вот что я всегда хотела сделать, но так и не смогла.

Словно подслушав мои мысли, Патрик открывает глаза.

– Сара, – шепчет он.

С улицы доносится звук мотора. Кажется странным, что за стенами дома-убийцы течет нормальная жизнь.

– Хочу, чтобы ты осталась со мной...

Отрицательно качаю головой.

– Если останешься, я все забуду. Забуду, кто напал на меня сегодня. Как когда-то с моим отцом и семейством Эвансов. Никто не узнает правды. Скажу полиции, что кто-то вошел в дом, что я его слышал, но не видел. Если найдут отпечатки Джо – не проблема. Он мой сын, он здесь живет. Я так ничего и не вспомню. Не вспомню до тех пор, пока со мной будешь ты. Не сомневайся, они мне поверят. Ты знаешь, как я умею хранить тайну. А если уйдешь – расскажу им про Джо все. И он сядет в тюрьму. – Патрик переводит сбившееся дыхание. – Знаешь, что она сделает с нашим сыном?

Тюрьма убьет его.

Патрик не понимает.

– Не хочу оставаться один. Не уходи. И ты спасешь Джо.

Только этого мне и надо: спасти его. Но если мы останемся, Джо, как и я, будет навсегда привязан к Патрику новой ужасной ложью.

Пытаюсь вновь увидеть в нем того мужчину, который когда-то любил меня по-настоящему. Нет уверенности, что такой существовал. Испорченный собственными родителями, с первой нашей встречи Патрик, добиваясь своих целей, безжалостно меня использовал.

Кровь растекается по полу, и я вижу, что муж нервничает. Это его последняя игра, последний шанс. На кон поставлено все.

Счастливого конца не будет. В руке Патрика блеснула сталь.

Подхожу ближе, хочу, чтобы он услышал мой шепот.

– Никогда. Я никогда к тебе не вернусь. А если ты... Если ты скажешь полиции, кто тебя ранил, я объясню причину. Расскажу, что ты меня изнасиловал. И про Анну – как ты поступил с ней. А еще про твоего отца.

Вижу – он вскидывает руку, но быстро отскочить не могу: ноги словно приросли к земле. Патрика больше нет: на меня надвигается разъяренное чудовище – оживший безумец из моих ночных кошмаров. Никогда не думала, что тот сумасшедший окажется Патриком. Куда делась его слабость, его немощь? Резким ударом в грудь, от которого перехватывает дыхание, он сбивает меня с ног, одной рукой стискивая шею, метит ножом прямо в лицо. Хватка на горле все сильнее, темнеет в глазах. Пытаюсь вырвать у Патрика нож, но за рукоять никак не схватиться, и лезвие глубоко

врезается мне в ладонь. Удержать его я не в силах. Пол скользкий – от крови Патрика. И от моей. Нож вонзается мне в щеку и взлетает для нового удара.

Вдруг сзади на Патрика набрасывается Анна. Я вырываюсь, но, теряя равновесие и с кашлем проталкивая воздух через сдавленное горло, падаю на колени.

Отползаю в сторону и слышу крик: Анна. Оборачиваюсь – Патрик повалил ее на пол. Теперь монстр нависает над ней. Черт! Оскалившись, он – в который раз! – убивает мать своего сына!

– Патрик! – невозможная боль, кричу что есть силы.

Он поднимает глаза, поскользывается в луже собственной крови. Стараясь удержаться на ногах, вскидывает руки, роняет нож – и он уже в руках у Анны. Она направляет его острием вверх и хрипит, задыхаясь:

– Беги!

По лицу вижу: она полна решимости убить Патрика. А что делать мне? Уйти или вмешаться? Хотя бы попытаться ее остановить? Но, если вмешаюсь, Анна может убить и меня. А Патрик – нас обоих.

– Беги! – слышу опять.

И ухожу.

Анна

В доме-убийце ни звука. Так тихо, как в том сне, что снился, когда это был еще просто дом. Ты – безмолвный, недвижимый, невидящие глаза открыты – лежишь в двух шагах.

Ты набросился на меня с ножом, но я его выхватила и убила тебя. Глубока ли моя рана, я не знаю. Бок пронзила безумная боль. Сколько времени пройдет? Сколько времени пройдет, пока кто-нибудь встретит окровавленную Сару и позвонит в полицию?

Сара скажет, что я спасла ей жизнь. Убила тебя, спасая ее. Она сделает из меня героиню.

Был момент, когда я торжествовала: нашла сына и увидела, как ты умираешь. Я победила, а ты проиграл. Потом подумала о чудном мальчике, которого мы сотворили, посмотрела на себя... Шрамы на запястьях – те, что показывала Саре, и другие, которых она не видела; на ногах и предплечьях следы от иголок – и красные, и белесо-голубые.

Не все они старые. Воспользуюсь моментом, позволю Саре сделать из меня героиню, постараюсь быть достойной Джо, а надолго ли меня

хватит? Потом опять сорвусь и опять его брошу? Давно ли он сам начал прятать свои шрамы?

Трусливая Сара, твоя не такая уж идеальная жена, – она слабая, но очень любит Джо. Любит моего сына. Я же принесу ему только страдания. Невольно. Поэтому шансом не воспользуюсь. Смотрю на руки и острием ножа – он все еще у меня – веду по шраму на запястье. Так будет лучше. Вот мой подарок Джо. Умру как героиня, что приняла смерть, избавляя сына от тюрьмы.

А люди станут рассказывать вот какую историю:

Давным-давно жили в замке король с королевой. Только король был ненастоящий, и замок тоже. Король на самом деле был переодетым в мужской костюм драконом. Он заколдовал королеву, и она не понимала, что король вовсе не король, а замок – мрачная темница.

Однажды мимо проезжал рыцарь. Он решил спасти королеву и ее детей. Он стал задирать дракона, нападать на него, пока тот не забылся, не сбросил маску и не показал свое истинное лицо. Тогда злые чары рухнули, а королева и ее дети обрели счастье.

А храбрый рыцарь... Храбрый рыцарь убил дракона.

* * *

Ну, как история, Патрик? Тебе нравится?

Сколько же времени прошло? Наверное, совсем ничего. Что-то не слышно сирен... Сильнее надавливаю на лезвие и вскрываю старые порезы, которые никогда по-настоящему так и не зарубцевались.

Ты помнишь? Ты помнишь, как мы танцевали в первый раз? На берегу, под звездным небом. Я была пьяна, а ты все кружил меня, кружил. Мне казалось, что мы летаем.

Кружилась голова, захватывало дух, я смеялась, а мы все летали, подчиняясь воображаемой музыке... Как я любила тебя! Мне был нужен только ты, твои руки и этот танец-полет под звездами.

Что ж, настало время положить ему конец.

Сара

В тот день, когда сносили дом, собралась большая толпа. Однако собравшиеся – я видела по их лицам – были разочарованы. А чего они

ожидали? Что увидят, как сквозь стены прорываются потоки крови, а из-под завалов доносятся стоны призраков? Бьюсь об заклад: в тот вечер, когда из дома выносили мертвые тела, эти люди тоже были здесь.

Когда приехала полиция, Анна была еще жива, но от потери крови умерла по дороге в больницу. Я рассказала полиции ту же самую историю, что и Джо: узнав, что после нападения на Бена Патрик бросился домой, Анна поспешила предостеречь меня об опасности. Патрик собирался меня убить, а Анна меня спасла. Она спасла всех нас. Джо не должен знать, на что ей пришлось пойти на самом деле. Она совершила героический поступок. Вот и все.

Я не успела сказать Анне, что устроилась на работу в галерею. Бен выздоравливает. Он еще в больнице, так что хожу к нему, навещаю. Миа собирается вернуться в свою старую школу и сдать экзамены на аттестат, а я, если опять переедем в Кардифф, хочу больше внимания уделять Джо.

Этим летом... Этим летом я смотрю на море из окна автоприцепа, который мы арендуем. У меня есть работа. В студии над галереей я опять заполняю красками холсты. Призрак хозяина страшного дома мне там больше не является. Хотя Бен предложил нам пожить у него, между нами (наверное, я напоминаю ему о Патрике) пролегла какая-то тень. Не думаю, что Бен захочет поддерживать со мной отношения, когда мы с детьми отсюда уедем.

Мою выставку перенесли на конец лета. На мольберте все еще стоит недописанный морской пейзаж – из тех, что мог бы понравиться Анне. По колориту он очень напоминает ее тайный пляж.

– Мам!

Это Миа. Она подходит ко мне. Стоим рядом, смотрим.

По толпе проносится вздох – рушится дом. Эта картина не раз возникала в моем воображении. Кожа покрывается мурашками – из обиталища призраков потянуло холодом: это вырвалась на свободу одна из «холодных точек».

Дома-убийцы больше нет.

Дочь протягивает мне руки, я сжимаю их изо всех сил: теперь ни за что не выпущу.

– Это надо было сделать пятнадцать лет назад, – закашлявшись от только что раскуренной сигареты, говорит стоящий рядом мужчина.

Я киваю:

– Точно.

На самом деле этот дом нужно было снести гораздо раньше.

И мы с Миа, не оглядываясь, уходим от развалин дома-убийцы.

Уходим прочь.

notes

Примечания

1

«Вёрв» – популярная британская рок-группа Verve, существовала с 1990 по 2009 год. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Юрское побережье (Heritage coast) – северное, южное и восточное побережья графства Девон (включая южнобережные курортные города), известные под общими названиями: Английская Ривьера, Юрское побережье и Норт-Девонский биосферный заповедник.

Aurora Borealis (*лат.*) – северное сияние.

Береговые тропы – национальные пешеходные маршруты, проложенные в Великобритании вдоль береговой линии. Особенно живописна протянувшаяся на 1000 км береговая тропа юго-западного побережья, где происходят описываемые в романе события.

Степфордская жена – ставшее нарицательным определение идеальных домохозяек, живущих исключительно интересами мужа. Восходит к названию психологического триллера («The Stepford Wives» – *англ.*) американского писателя Айры Левина и двух одноименных голливудских экранизаций этого романа.

Тельма и Луиза – героини голливудского фильма «Thelma & Loise» 1991 года. Девушки, желая отдохнуть от повседневной жизни, отправляются в совместное путешествие.

«Тигр, который пришел выпить чаю» – «The Tiger Who Came to Tea». Сказка писательницы Джудит Керр, изданная в 1968 году. Стала одной из самых популярных детских книг в Британии.

Флипбук – книжка с картинками, при перелистывании которой создается иллюзия движения.

Дополнительное образование в Британии позволяет получить профессиональные навыки по специальностям, не требующим университетской подготовки.

10

Судокрем – гипоаллергенный крем типа бепантена.